

НА БЛОКОВОМ ПОСТУ

ЖУРНАЛ ВНУТРЕННИХ ВОЙСК | МВД РОССИИ

№ 5
май
2003

**ГЕРОЙ ДВУХ
ДЕРЖАВ**

**ТРИ ПОВОРОТА
В ОДНОЙ СУДЬБЕ**

О ВЕРЕ, О ДОЛГЕ, О МЕСТЕ В СТРОЮ..

В этом месяце

- 1957 г. — создано Политическое управление внутренних и козловых войск. В этом же году в частях войск учреждены кнзи почета.
- 1973 г. — все училища внутренних войск реорганизованы в высшие военные училища.
- 1974 г. — в Военной академии им. Фрунзе (ныне Общевойсковая академия) создана кафедра тактики и оперативного использования внутренних войск.

2 мая

• 65 лет назад приказом наркома внутренних дел утвержден день основания Орджоникидзевого военного училища войск НКВД (ныне - Северо-Кавказский военный Краснознаменный институт внутренних войск МВД России).

4 мая

• 1943 г. — управление войск НКВД по охране тыла фронтов действующей Красной Армии реорганизовано в самостоятельное Главное управление.

8 мая

• 1980 г. — создана типография внутренних войск МВД СССР.

10 мая

• 1990 г. — для военнослужащих внутренних войск введен наравный знак "Внутренние войска МВД СССР".

11 мая

• 1943 г. — организована студия красноармейцев-художников войск НКВД СССР.

12 мая

• 1927 г. — СНК СССР принял постановление об организации военной охраны предприятий и сооружений, имеющих исключительное значение для обороны страны.

13 мая

• 1946 г. — управление войск НКВД по охране тыла Группы советских оккупационных войск в Германии переименовано в управление внутренних войск МВД в Германии (в 1957 году управление расформировано).

17 мая

• 1945 г. — приказом Верховного Главнокомандующего 273-му стрелковому полку внутренних войск НКВД присвоено почетное наименование "Гданьский".

19 мая

• 1932 г. — открыта 4-я школа погранохраны и войск ОГПУ в г. Саратове. Ныне - Саратовский Краснознаменный военный институт внутренних войск МВД России.

21 мая

• 1962 г. — учрежден нагрудный знак "Отличник службы ВВ МВД".

22 мая

• 1942 г. — сформирован 31-й отдельный дивизион бронепоездов войск НКВД по охране железных дорог, который выполнял боевые задачи по сопровождению литерных поездов.

26 мая

• 1922 г. — приказом РСФСР введен в действие Устав конвойной стражи.

28 мая

• 1919 г. — Совет Рабочей и Крестьянской Обороны принял постановление "О войсках вспомогательного назначения", в соответствии с которым сформированы войска внутренней охраны Республики (ВОХР).

30 мая

• 1947 г. — сформирован 1-й дисциплинарный батальон внутренних войск в г. Броды.

НА БОЕВОМ ПОСТУ

№ 5, май, 2003

Издается с 1958 года

Содержание

УЧРЕДИТЕЛЬ —
МВД России
ИЗДАТЕЛЬ —
Главное командование
внутренних войск

Журнал зарегистрирован в
Министерстве печати и информации
Российской Федерации.
Регистр. № 01420.

Главный редактор
УЛЬЯНОВСКИЙ В.Н.

Редакционная коллегия:
АРИБЖАНОВ Р.М., АРТУХОВ Е.А.,
АШУРКОВ И.А., БАННИКОВ А.Ю. (зам.
главного редактора — ответственный
секретарь),
БЕЛЬСКИЙ В.Ю., ЕРМАКОВ П.И.,
КАЗАКОВ И.Н., КАРПОВ Б.В.,
КИСЛЫЙ Ю.П. (зам. главного
редактора),
КОЛЕСНИКОВ С.С., КУДРЯШОВ А.В.,
ЛЕВКОВИЧ В.Г., МАКАРОВ А.В.,
ОБРЕВКО В.М.,
ПАНЧЕНКОВ В.В., СЕНКОСЕНКО Л.Ф.,
СКРЯБИН В.Н.,
СВИТКО Е.В., ТОНКОНОГОВ В.П.,
ЮРЧЕНКО С.П.

**Художественное
оформление**
БАННИКОВ А.Ю., КОПЫЛОВ Э.П.

Верстка
ВИНОГРАДОВА О.К.

Корректоры
БОГДАНОВА Е.А., ГАВРИЛОВА Е.Ю.

На 1-й странице обложки
Герои Советского Союза
М.БОРИСОВ и А.ВОЛОШИН,
фото А.КУДРЯШОВА

Имеет приложения:
газету «Ситуация» и сборник учебно-
методических материалов
«Войсковая вестник»

При перепечатке материалов ссылка на
наш журнал обязательна

Редакция вправе сокращать и литературно
обработать принятые к публикации тексты.
Редакция может публиковать материалы,
не разделяя точку зрения авторов. Рукописи
не рецензируются и не возвращаются. За
достоверность фактов, имен собственных,
персоналий, за достоверность рекламных объ-
явлений — рекламодатели, за качество печат-
ки — типография. Переписка с читателями
ведется только на страницах журнала.

Сдано в набор 17.05.2003
Подписано к печати 18.04.2005
Экземплярный № 84х108 7/16

Общий тираж изданий 15 000
Печатно-офсетный Уд.печ. № 8.Е.
Уч.изд. № 17. Эм. № 174

Индексация индивидуальным подписчиком — 70610
для предприятий и организаций — 73475

Отпечатано в ФГУП Издательство и
типография газеты «Красное знамя»
123007, Москва,
Хорошевское шоссе, д. 38

2

32

52

78

ПОБЕДИТЕЛИ

Н.КАЗАКОВ
Герой двух держав
В ЗОНЕ ОСОБОГО ВНИМАНИЯ
И.РОМАНЕНКО
Хозяин «дороги смерти»

СЛУЖБА
И.БЫСЕНКОВ
Мирные задачи дежурного экипажа
В.ЖУРАВЛЕВ
По-братски — значит надежно!

БОЕВАЯ ПОДГОТОВКА
А.КОЛТУНОВ, Р.АРИБЖАНОВ
Побеждать малой кровью

РЕАБИЛИТАЦИЯ
И.ДЕНИСОВ
Храм Гиппократа
НАШИ ПОСЛЕ ВОЙНЫ
О.КУБЯКИН:
«Торговца мандаринами из меня не
вышло»

ПРОФЕССИОНАЛЫ
К.АЛЕКСЕЕВ
Три поворота в одной судьбе
АКТУАЛЬНОЕ ИНТЕРВЬЮ
В.БОГАТЫРЕНКО:
«Мы гордимся нашими
выпускниками!»

9 МАЯ — ДЕНЬ ПОБЕДЫ
В.БОЛТИКОВ, Р.ДУРКАЧ
Не забыта война, не забыта
награда

В.ЕЛАГИН
В Крыму в 45-м
ВETERАНЫ — ГОРДОСТЬ И ПРИМЕР
А.РЯБЦЕВ
Вся жизнь — борьба

ХАРАКТЕР
А.ЛЕБЕДЕВ
Избранные эпизоды из жизни
разведчика (окончание)

ТРАДИЦИИ
Р.ИЛЮЩЕНКО
Уроки мужества

ДАТА
А.КОЗЛОВ
Здесь готовят военных
журналистов

ЛИТЕРАТУРА
М.БОРИСОВ
О вере, о долге, о месте в строю...
(стихи)

М.ГОРБОВ
На войне и рядом с нею
(документальное повествование)

СПОРТ
И.ДОРОВСКИХ
Выпад, удар... Победа!
Клуб знакомств

2

7

10

14

17

20

23

26

35

40

42

46

52

59

78

80

© Журнал «На боевом посту», 2003

Адрес редакции: 111250, Москва, Хорошевское шоссе, 38
Телефон: (495) 361-81-71, 361-82-57. E-mail: nbp@yandex.ru

ГЕРОЙ ДВУХ ДЕРЖАВ

Алексей Прохорович Волошин — человек уникальный. Он был одним из четверых советских офицеров, кто во время Великой Отечественной войны, в горячем 1944 году, уже будучи Героем Советского Союза получил и высшую воинскую награду США — Серебряную Звезду.

Значительная часть фронтальной биографии героя двух держав связана с прославленной 10-й — Сталинградской — дивизией НКВД. Именно в это соединение попал будущий герой-артиллерист в один из самых тяжелых и ответственных моментов Великой Отечественной войны — накануне Сталинградской битвы.

Готовясь к встрече с ветераном, я поставил себе задачу постараться “разговорить” его о том, о чем нельзя прочитать в официальных документах и учебниках. Что осталось за сухими строчками официальных донесений. Поэтому в нашей беседе нет эпохальных битв и знаменитых сражений. Нет великих полководцев и известных военачальников. Точнее, они проходят не более чем фоном. Зато есть простой русский солдат. Тот, который прошагал “пол-Европы, пол-Земли”, приближая День Победы.

Чем жил солдат на войне? Как он жил? О чем думал и мечтал? О чем вспоминал и к чему стремился? Чего боялся и чему радовался? Ведь война — это не только непрерывные сражения. Это и затишья, и передышки. Это ранения и госпитали. Это жизнь. Которая ни на минуту не прекращается.

— Алексей Прохорович, где вас застало известие о начале войны?

— В Молдавии. Я к тому времени закончил третий курс механического факультета Одесского института водного транспорта и с приятелями поехал на летние заработки на виноградные плантации. И вот в 12 часов 22 июня мы услышали по радио сообщение Молотова о начале войны. Это было как в страшном сне...

Мы вернулись в Одессу. Информации о положении на фронтах было очень мало. И когда 3 июля дрожащим голосом Сталин произнес: “Братья и сестры, к вам обращаюсь я...”, мы поняли, что дело очень плохо. И сразу же решили идти в военкомат.

Узнав, что мы студенты механического факультета, военком нас определил в Одесское артиллерийское училище. А через полгода мы уже лейтенантами поехали на фронт.

— Вы помните свой первый выстрел по противнику?

— У нас был приказ — стрелять только по большому скоплению живой силы или по танкам. Или если будет прорыв. Я все ждал — ну когда же!

И вот со своего наблюдательного пункта увидел много немцев воз-

ле какой-то станицы на западном берегу Дона. И мне разрешили выпустить два снаряда. Бить надо было только на поражение. Снаряды мы очень экономили. В день получали всего по две штуки.

Вижу — попал. Прошу: “Дайте еще снарядов!” Не дали. Не положено.

— Алексей Прохорович, а к званию Героя Советского Союза вы за что были представлены?

— За танки. В сентябре 1943 года в ночном бою за Чернигов я их пять штук уничтожил. За это и представили. А потом, буквально через неделю, был еще один бой. Там я подбил уже одиннадцать танков. За это командир представил меня ко второй Золотой Звезде.

Правда, первую Звезду мне вручили только через несколько месяцев, в апреле 44-го. А вторую я так и не получил. Представление, наверное, где-то затерялось в армейских канцеляриях. Зато вместо нее меня наградили американской Серебряной Звездой.

Дело было так. В 1944 году президент США Рузвельт подписал указ, согласно которому награждал четырех советских младших офицеров-сухопутчиков высшей воинской наградой своей страны. Причем это должны были быть только те, кто

ранее представлялся к высшей советской награде. В октябре 44-го нас пригласили в Кремль, где представитель американского президента Гопкинс и вручил эту награду.

— **А что она из себя представляет?**

— По форме Серебряная Звезда очень похожа на нашу Золотую. Примерно такого же размера, только прикреплена она к вертикальной красно-бело-синей ленточке. Помните фильм “В осаде” со Стивеном Сигалом в главной роли? Вот там такую же звездочку показывают крупным планом, во время вручения ее герою Сигалу. Он спас мир от ядерных террористов. Моя заслуга посромнее. Я всего лишь “укротил” два “тигра” и девять средних танков.

— **Алексей Прохорович, давайте вернемся к суровым фронтовым будням. Что на войне было для вас самым трудным?**

— Прятаться. В Сталинграде “юнкерсы” летали над нами на высоте всего метров двести. Искали нашу артиллерию и огневые точки. И бросали гранаты, мины, небольшие бомбочки. А ты все это видишь, ищешь для себя какое-нибудь углубление и стараешься продавить грудью асфальт, чтобы спрятаться. Думаешь, что маленькая ямка тебя укроет.

Уже после войны, когда я сам летал на самолете, с высоты двухсот метров видел колодец, на нем ведро стоит и кружка. А мы пушки маскировали хворостом, бурьяном и думали, что их никто не заметит.

— **Я понимаю, на войне вообще приятного мало. Но вот о чем бы вы хотели, но не можете забыть?**

— Как ходил в штыковую атаку.

На момент формирования наша 10-я дивизия НКВД имела пять полков. В каждом — около двух тысяч солдат. Через месяц непрерывных боев в полках насчитывалось по двадцать-тридцать человек. Остальные остались в Сталинграде. Навечно.

В 271-м полку я был командиром батареи. В районе Ельшанки — раньше это была южная окраина Сталинграда, сейчас почти центр — немцы прорвали линию фронта. И я как раз там находился вместе со своей батареей. Начальник штаба капитан Золотов приказал выбить немецких автоматчиков с этого участка.

У меня в батарее осталось шестнадцать человек. Поднимаю их в атаку. Примкнули штыки и: “За Родину! За Сталина! Бей фашистов!” Мат-перемат, все кричат, друг друга подбадривают, чтобы не так было страшно.

Немцы уже расположились в окопах и готовились к следующему броску. Все с автоматами, с винтовками и штыками-тесаками. А у нас в руках винтовки Мосина. Они со штыками раза в полтора выше человеческого роста. Я специально на этом заостряю ваше внимание, потом поймете почему.

Ворвались мы на позицию к фашистам. Они бежать. Мы за ними. Несколько раз я штыком кого-то проткнул. Помните, как у Толстого в “Хождении по мукам”: “Я колю, а он мягкий”?! Вот то же самое и я почувствовал. Очень неприятное ощущение.

Пробежали мы метров двести-триста. Смотрю, а немцев-то уже и нет.

Атака закончилась. Я своим артиллеристам кричу: “Назад! Всем к пушкам!” А они разгоряченные, глаза горят. Готовы дальше наступать. А не на кого.

По пути подобрал своих раненых и убитых. Восемь человек мы тогда потеряли. Из шестнадцати.

Вернулись. Золотов нас похвалил. Пригласил меня на обед. А я никак не могу в себя прийти, успокоиться. Страшное перевозбуждение. Аж трясет всего. У Золотова был бочонок водки. Он мне говорит: “Возьми кружку, черпани”. Взял я алюминиевую кружку, вы-

пил, и тут меня рвать начало. Принес старшина обед, а меня при виде еды опять рвет. И так целый день.

Позже я все прикидывал: как же так, у немцев автоматы, они сидят в окопах, их больше и они побежали!? Потом смекнул, что фашисты, увидев нас с этими длиннющими винтовками со штыками, бегущих с дикими криками, наверное, подумали, что на них нападают какие-то аборигены с пиками. Варвары.

— **Алексей Прохорович, а можно говорить о везении на войне, о счастливых стечениях обстоятельств?**

— Сплошь и рядом. Расскажу только два случая.

Дело было в августе 42-го. Мой наблюдательный пункт находился на пригорке в большой скирде. Рядом — НП командира полка. Пушки в трех-четыре километрах сзади на закрытых позициях. И вдруг вижу на расстоянии от меня в полкилометра немцы прорывают нашу оборону и начинают уверенно продвигаться вперед, окружать наши войска. Уже после я узнал, что они двумя мощными танковыми клиньями при поддержке артиллерии и пехоты пытались взять нашу армию в клещи. И настолько быстро они двигались, что в момент отрезали нас с командиром полка от наших пушек. А командир в 37-м был репрессирован, потом, правда, освобожден, но очень боялся, что за какую-нибудь провинность, за потерю военного имущества его снова отдадут под суд, а то и расстреляют. И он мне говорит, что мы обяза-

тельно должны прорваться к своим пушкам и забрать их. Пока немцы не очень глубоко продвинулись, всего километра на два, мы должны их успеть объехать, нырнуть в центр клещей и забрать свою артиллерию.

Наступила ночь. Немцы остановились на привал. Развернули кухни, разожгли костры, стали готовить ужин. Веселятся, поют, на губных гармошках играют. А мы чуть в стороне едем на машине вдоль их войск. Немцы справа от нас. Но вот их колонны закончились, и мы зашли в какую-то деревню. Куда дальше ехать — непонятно. Темно, ничего не видно. Решили дождаться рассвета. Чуть рассвело, смотрим, а в деревне танки. Ну, думаем, слава Богу, наши подкрепление подбросили. Присмотрелись, а на башнях — кресты.

Рванули мы было обратно по той же дороге, что ночью заехали в деревню, а она уже шлагбаумом перегорожена и рядом фрицы стоят. Я водителю кричу, чтобы уходил влево. Он на стерню свернул. Немцы стрельбу по нам открыли. Вначале из автоматов, а потом и из пушки стали бить.

И вдруг командир наш выскочил из машины и побежал в обратную сторону. Я ему: "Куда?!", а он не слышит. Мы разворачиваемся и за ним вдогонку. Подъезжаем, я его хватаю за волосы и втаскиваю обратно в машину. Он кричит, что пистолет у него выпал. "Да черт с ним, — ору в ответ, — с этим пистолетом!" А он: "Посадят за потерю оружия!.."

Кое-как вырвались. Стали прикидывать, куда дальше ехать. Забрались на стог, сориентировались. Наметили направление и проехали еще километров пять. Видим, немцев больше нет. Едем дальше. Смотрим, наши появились. Пехота идет, повозки, артиллерия. Отступают. Выходят из клещей. Мы им навстречу. Нырнем в горловину.

А немцы уже и справа, и слева от нас. Идут, постреливают по отступающим. А иногда наперерез нашим войскам выскакивают небольшие фашистские танки "Т-3" и начинают гусеницами давить пехоту. Покрутятся немного и обратно уезжают.

Подъезжаем мы к нашим огневым позициям, смотрим — нет наших пушек. Командир в отчаянии. "Теперь, — говорит, — точно расст-

ро, на въезде стоят наши пушки. Сколько радости было...

А второй случай вообще весь соткан из сплошного везения.

Дело в Сталинграде было. В разбитом доме я нашел, как сейчас помню, 10-й том медицинской энциклопедии. Во время затишья прилегал на землю, поставил книгу на живот и начал ее листать. И вдруг налет. А на самолеты мы уже перестали обращать внимание. Свыклись. Мы реагировали только тогда, когда каким-то седьмым чувством ощущали, что бомба летит на тебя.

Полковник А.П. Волошин, 1960 год

Подарок ветерану от внутренних войск к 80-летию. Старший научный сотрудник ЦМ ВВ МВД РФ С.П.Петраков вручает герою двух держав знак "За отличие в службе".

реляют!" Я присмотрелся и увидел рядом с тем местом, где стояли пушки, следы от тракторов. "Все наши пушки уехали", — говорю.

Возвращаемся обратно. Подобрали по пути раненого старшего лейтенанта. У него были прострелены обе ноги, и он не мог идти. И вдруг прямо перед нами выскакивает "Т-3". Проутюжил он пехоту и бросается на нашу машину. Этот старший лейтенант его увидел и кричит: "Нам смерть!" Не успели мы и рта раскрыть, как он достал пистолет и выстрелил себе в голову. А танк мимо нас проскочил...

Вырвались мы из этой горловины. Добрались до Бекетовки. Смот-

И тут я проморгал бомбу. Наверное, зачитался. Она рядом ухнула и осколками в ключья разорвала всю эту энциклопедию. Если бы не книга, то мне бы живот разворотило. Один осколок, правда, ногу мне все-таки перебил. Потерял я сознание. Прихожу в себя, вижу, мне ногу своей косынкой перевязывает какая-то совсем молоденькая девочка, лет двенадцати. А вокруг стоят женщины и платками меня обмахивают. Видят, что я глаза открыл, говорят: "Все, слава Богу, пришел в себя лейтенантик..."

Мои солдаты и ординарец командира полка перетащили меня к командному пункту дивизии. Почти

километр несли. Вечером меня отправили на другой берег Волги. А на следующий день Чуйков принял командование 62-й армией, в которую входила наша дивизия, и приказал никого не переправлять на левый берег. Известный приказ "Ни шагу назад". Раненым давали по стакану водки и приказывали обозначать передовые позиции. Некоторые из них не могли даже винтовку поднять. Заживо сгнивали на поле боя.

Стали меня готовить к операции. Лежу я на соломе, врач спрашивает:

— Когда ранили?

— Вчера, — отвечаю.

— У нас приказ — если сутки прошли, то ампутация. Гангрена может быть. Умрешь.

А у меня пистолет на боку. Я руку положил на кобуру и говорю:

— Если ногу отрежете — застрелюсь...

И тогда хирург решил рискнуть. Только сразу предупредил, что никакого наркоза не будет. Надо терпеть. Дали чего-то выпить, может, водки. И все.

Врач говорит:

— Ты мне только что-нибудь рассказывай, чтобы я слышал, что ты сознание не потерял.

И начал я ему читать начало десятой главы "Евгения Онегина". Читайте, читаю и вдруг — резкая боль, аж сердце сжалось. В глазах потемнело, и я куда-то провалился.

Не знаю, через какое время пришел в себя. Осмотрелся. Лежу уже не на соломе, а на простыне. Ощупал себе бок — нет кобуры с пистолетом. У меня все внутри оборвалось. Спрашиваю у соседа:

— Браток, скажи, пожалуйста, у меня обе ноги на месте?

— Обе.

— Ты внимательно посмотри!

— Да ты чего?! Все у тебя нормально!

Я приподнялся на локтях. Вижу, лежу я безо всего, в одной только коротенькой рубашечке. Обе ноги на месте. Правая забинтована. У меня от сердца отлегло. А про пистолет я узнал, что врачи и медсестры оружие у всех раненых отбирали, пока они были без сознания.

Перевязку мне делали так. С одной стороны в рану вставляли бинт, с другой его вынимали — она же сквозная была — и как двуручной пилой начинали чистить. Вверх-вниз, вверх-вниз. Боль адская. В

глазах темнеет, сердце опять сжимается, и теряешь сознание. Но чистить нужно было обязательно, чтобы не было гангрены. Гноя очень много скапливалось.

Через неделю, когда дело пошло на поправку, отправили меня в тыл. Погрузили нас в телячьи вагоны, и поехали мы в Саратов.

Двигались очень медленно. Иногда по километру в час. Все время над нами кружила немецкая самолеты и, не обращая никакого внимания на красные кресты на крышах вагонов, обстреливали из пулеметов, бомбили.

Я ехал на втором "этаже" возле маленького окошечка. Мой сосед попросил поменяться с ним местами:

— Слушай, — говорит, — я задыхаюсь. Дай немножко полежу на твоём месте.

— А перелезть через меня сможешь? — спрашиваю.

Он кивнул, с трудом перебрался и лег возле самого окошка.

— Хорошо-то как! — говорит.

И тут очередной налет. Снова засвистели пули и осколки. И вдруг слышу, этот мой сосед, которому я место уступил, как вскрикнет, выгнулся неестественно и затих. Готов. Наповал. Судьба...

— Говорят, на войне трагическое и комическое ходят рядом. Было над чем посмеяться?

— Переправились мы через Дон в районе Калача. Переплыть надо было метров 300-350. Начальник штаба приказал нам ломать тын, плетени из лозы, укладывать на них свое обмундирование и плыть: Сверху по нам били пулеметы, мины, мины. То и дело то справа, то слева раздавались крики, и ребята шли на дно. А ты плывешь. И только когда совсем рядом пули свистят — ныряешь. Ушел я под воду в очередной раз. Смотрю, а у меня ноги и самый низ живота как-то неестественно раздулись. Ну, думаю, все. Копец. Измесило, думаю, очередями.

И только потом до меня дошло, что это вода наполнила кальсоны, которые были на шиколотках завязаны и воде просто некуда было деваться. После всегда с улыбкой вспоминал свой подводный страх...

— О чем вы вообще вспоминали на войне? Во время затишья, в промежутках между боями.

— В основном о детстве, юности. О том, как пас в колхозе коров, телят, жеребят. Когда после ране-

ния тащились семь суток до Саратова, я вспоминал о своем деревенском роднике. Думал, промыть бы той водой мою рану — она сразу бы зажила.

Вспоминал свою одесскую подругу, которая мне говорила, что я целоваться не умею. "Почему?" — спрашиваю. "А кто же в щечку-то целует?!" А мы были комсомольцами, нам это было не надо. Для нас главным была учеба...

Вспоминал, как мама варила суп-кондёр. Из пшена. Жидкость я сразу выпивал, а пшено засовывал прямо в карман. Мешочков никаких не было, а бумагу жалко. Раз, правда, помню, все же решил завернуть пшено в бумагу, а на ней что-то было химическим карандашом написано. На третьем перерыве в школе я достал этот кулечек, а пшено все синее.

Вспоминал, как мама первый раз выпекла хлеб. Это было в 34-м году. До этого хлеба у нас не было. А мука была плохо размолотой, и буханки расплзались. Получались коржи. Мама вытащила этот хлеб из печи — а нас семь детей — в руках его подержала, поцеловала и разломала на несколько частей. "Каждый, — говорит, — обязательно попробуйте". Такой был голод. Я только в четырнадцать лет первый раз хлеб покушал...

— А о чем мечтали?

— Вернуться в Одессу, закончить институт. Стать помощником капитана дальнего плавания, а потом и капитаном. Мечтал встретить красивую девушку.

Когда в 43-44-м годах начали наступление, было уже другое настроение, не так тяжело на душе. И мечтали уже о чем-то другом. Возвышенном. Самый ад был в Сталинграде. Там я мечтал грудью продавить асфальт, чтобы спрятаться от бомб. Потом уже многое притупилось.

— Домой с фронта писали?

— Родители мои почти сразу попали под оккупацию на Украине. Куда им напишешь?!

Только в конце 42-го года мне удалось разыскать свою родную сестру. Она была в Ташкенте медсестрой в госпитале. Ей начал писать.

Переписывался с товарищами, с которыми лежал в госпитале. Нельзя же было писать о дислокации, поэтому приходилось хитрить: "В деревне Черчик услышал хоро-

шую песню. Выучил ее. Может, ты ее тоже знаешь?" Это для того, чтобы товарищ знал, где я нахожусь.

У меня был специальный блокнот для донесений — "Книжка командира батареи". Так я в него записывал песни, а после делал приписку: "Услышал в деревне такой-то..." Я таким образом отмечал маршрут нашего следования. На память. До сих пор этот блокнот храню.

— **От многих ветеранов неоднократно приходилось слышать такую фразу "Этому человеку я обязан жизнью". У вас такой человек есть?**

— Да. Это мой ординарец Володя Тимошенко. Сибиряк. На два года моложе меня, а уже был женат, и дома у него росли две дочки. Настоящий герой...

Дело было на плацдарме за Днепром. На нашу линию обороны прорвались танки. Раздавили наблюдательный пункт вместе с командиром полка. Он погиб. В тот район срочно перебросили мою батарею. Мы сразу вступили в бой. Один из танков прорвался, обошел нас сзади и пошел прямоком на пушку, рядом с которой я находился. И тогда Володя оттолкнул меня в сторону, я упал, и он прикрыл меня своим телом. А танк раздавил пушку и четверых моих бойцов, которые были рядом.

И второй такой случай был. На Курской дуге. Две мои пушки стояли чуть впереди, две — сзади. Немецкий танк из засады подбил мои передние пушки. Я увидел, как разлетаются в разные стороны руки мои артиллеристов, и бросился туда. Только потом я сообразил — а чем бы я им помог?! А танк продолжал стрелять. И тут я чувствую, что кто-то мне подножку подставил. Я со всего маху падаю на землю, а меня своим телом прикрывает мой ординарец.

В обоих случаях я представлял его к орденам. Но вышестоящие командиры почему-то решали, что медалей будет достаточно. И давали ему "За отвагу".

— **Алексей Прохорович, где вы встретили победу?**

— В 1944 году, когда был пятый раз ранен, я попал в Москву. В госпиталь. Подлечился. После этого героев-артиллеристов пригласил к себе на прием маршал Воронов и тем, у кого уже было высшее образование, предложил поступить в Артиллерийскую академию. Для

меня это было просто каким-то сном.

Начал учиться. 9 мая 1945 года я пошел куда-то в гости. И там услышал сообщение о победе. Вечером мы вышли на улицу Горького. Возле Центрального телеграфа меня окружила толпа девушек. Все кричат: "Смотрите, Герой!", хватают за руки. Как какого-то киноартиста. Еле от них вырвался. Мне один приятель говорит: "Смотри, оторвут тебе Звезду". Я тогда ее снял, завернул в платочек и в карман гимнастерки положил.

— **Американскую Звезду вы тоже носили?**

— Сразу после войны не особо. Только на парады да на праздники. Вообще с этой Серебряной Звездой связано несколько малоприятных эпизодов.

Как-то один генерал из наших, из артиллеристов, у меня спросил:

— А ты не шпион случайно, что тебе американцы Звезду дали?!

Такой вопрос в те времена дорого мог стоить...

В начале 60-х, после Карибского кризиса я поехал на курсы в Ленинград. На какой-то праздник надел американскую Звезду. И один офицер, тоже Герой Советского Союза, меня "пристыдил":

— Зачем ты ее носишь? Это же наши враги номер один!..

Американцы на каком-то торжественном мероприятии увидели меня со своей Звездой и после этого стали приглашать к себе в посольство. И сразу же какой-то "доброжелатель" накатал на меня донос в КГБ. Пришлось ходить, объяснять, что к чему.

Один генерал из КГБ мне тогда сказал:

— Запомните на всю оставшуюся жизнь, что человеческой натуре свойственны такие черты, как зависть и недоброжелательность. Зачем вы носите вторую Звезду? И так многие завидуют, что вы Герой Советского Союза. Многие считают, что на войне совершили не меньшие подвиги, чем вы. А вам просто повезло.

И я тогда вспомнил, что даже еще на фронте командиры других батарей нашей дивизии говорили, что мне в том бою повезло... потому что именно на меня пошли танки. Мол, пойдешь ты на них, они бы их тоже подбили и тоже стали бы Героями.

— **Алексей Прохорович, а в**

Америку вас не приглашали?

— Было дело. После 50-летия Победы, 4 июля на День Независимости я в очередной раз был в американском посольстве. И их военный атташе предложил мне поехать в Вашингтон. Говорит, выпишем вам проездные документы, побудете в Америке, посмотрите. Вы, говорит, для нас вроде Почетного гражданина.

Я у него спрашиваю:

— А на какие шиши я поеду?

— Дорога для вас будет совершенно бесплатна. А с собой возьмите тысячу долларов. Этого на неделю будет вполне достаточно...

Он-то, наверное, думал, что в России полковник в отставке получает такую же пенсию, что и у них...

— **Если бы у вас была возможность лично встретиться с Джорджем Бушем, что бы вы ему сказали, как Герой Америки, в связи с агрессией в Ираке?**

— Все, что думаю, то и сказал бы!.. Что это захватническая, позорная война. Что подобные операции оставляют отрицательный след в истории государства. Что для всего американского народа — это пятно в истории. "Америка, руки прочь от Ирака!" — сказал бы ему.

— **Вы человек с громадным военным и житейским опытом. Почему мы никак не можем разрешить чеченский конфликт, затушить этот пожар?**

— Когда чеченский народ поймет необходимость и сам начнет бороться с бандитами, вот тогда можно говорить о скором конце войны. А если они будут надеяться только на нас, то ничего не получится...

Наши сегодняшние неудачи в основном от того, что не были продуманы многие начальные операции. Нужно было с самого начала относиться к чеченской ситуации очень серьезно. И учитывать опыт борьбы с Шамилем в XIX веке, опыт борьбы с бандеровцами.

— **Алексей Прохорович, большое вам спасибо за интересный рассказ. Разрешите поздравить вас, а в вашем лице и всех ветеранов Великой Отечественной войны с Днем Победы. Здоровья вам, бодрости и силы духа!**

**Беседу вел
подполковник
Николай КАЗАКОВ**

Фото из фондов ЦМ ВВ ВМД РФ

Второй раз я встретил его в пункте постоянной дислокации, через полгода после нашего знакомства в Чечне в мае 2002-го. Немного растерянного от неожиданной встречи, запороженного снегом непривычно суровой для Краснодарского края зимы, с "дипломатом", набитым служебными бумагами, в руке. Обнялись в одном из кабинетов штаба. Начали вспоминать. А вспомнить было что.

Нам сказали: "Там на дороге мины",
Нам сказали: "Вас засада ждет".
Но опять режут бронемашины,
И колонна движется вперед".
Мы не знаем, что там, за поворотом,
Мы не знаем, что ждет нас впереди,
Я глотаю пыль и обливаюсь потом,
Автомат прижав к своей груди.

Из афганского фольклора

ХОЗЯИНИ "ДОРОГИ СМЕРТИ"

Капитан Андрей Андреев, безусловно, играл важнейшую роль в таком деле, как инженерный разведдозор. Потому что он замкомандира отдельной инженерно-саперной роты. Потому что он единственный офицер-сапер на ближайшие километры тридцать в округе. Потому что ходить ежедневно дорогами войны — это его работа, такая же, как у некоторых, например, водить троллейбус или торговать с лотка. Только получает он за это несколько меньше, а жизнью рискует побольше. Хотя, впрочем, и водитель троллейбуса может попасть в аварию. А что, запросто. Андрей Сергеевич и не завидует ему. Чего завидовать, если у каждого свой путь.

Он выбрал свой, когда поступал в 1991 году в Пушкинское высшее инженерно-строительное училище, на факультет строительства и эксплуатации зданий и сооружений. Потому что с детства хотел быть строителем. Потом служил в погранвойсках, ну а дальше судьба распорядилась продолжать службу во внутренних. Сапером, подрывником он стал уже здесь. Частые командировки на войну быстро сделали его настоящим профессионалом. Наряду с профессиональным ростом возрастал и боевой дух офицера.

— Служить я рад, — говорит капитан, — потому что так меня воспитали.

Вот тебе и весь сказ. А что там долго говорить, если настоящий патриотизм не требует долгих словоизлияний.

Капитан Андреев — хозяин не только дороги, но и своей роты

Нет, он не стал на этой войне от постоянной близости смерти философом или роботом, запрограммированным на самоуничтожение. То, что ЭТО может с ним произойти, он, конечно, помнит. Да и невозможно об этом забыть. Прикроет глаза, и как живые встают перед ним его солдаты, которых потерял он в последней командировке: курганец Алексей Никитин, подорвавшийся на фугасе 3 июля на въезде в Дышне-Ведено; Владимир Мухлаев из Калмыкии, погибший через две недели в результате обстрела на северо-западной окраине Ца-Ведено. А сколько их было всего...

— Поганое вообще это место, Ведено — сплошная задница, — не стесняясь в выражениях, характеризовал тогда мне Андреев окружающую местность, — и кругом одни подлянки. И народец здесь гниловатый. Одно слово, вотчина Басаева, волчьег логово. Главное — сохранить трезвый взгляд на происходящее. Также важно не поддаваться мысли о достигнутом мастерстве. Осознание своего "высокого профессионализма" приносит самоуспокоение, расхолаживает. Надо гнать эти мысли от себя подальше.

Он просто исполнительный офицер, который старается "точно и в срок" выполнить приказ. А приказы бывают самые разные, и поступают они с завидной регулярностью.

Например, ходил он с солдатами на Агишбатой, чистил дорогу в своей

Даже памятный крест боевики используют, как метку-ориентир

зоне ответственности, где должны были пройти армейцы. Его парни сняли один фугас, обошлось без перестрелок. Вернулся поздно, уставший, голодный. Едва успел доложить о результатах, как тут же получил от командира задачу на следующий день. Завтра на Ханкалу пойдет колонна. Теперь уже своя, бригадная: оттащить в ремонт пару единиц техники, пополнить материальные и продовольственные запасы, перебросить туда-сюда людей.

Значит, надо идти на Сержень-Юрт, до встречи с саперами калачевской бригады, а это почти 15 км. Не ближний свет.

Недовольно встряхнул головой, но эмоции сдержал. Наспех перекусив в офицерской столовой — уютной палатке, оборудованной со вкусом руками женщин-поваров: белые скатерти, занавески, цветы на столиках, — отправился готовить личный состав к завтрашнему выходу.

Бандиты хитрят и приспосабливаются быстрее, чем мы себе это можем представить. Они закладывают заряды глубже, чем берут миноискатели, или, чтобы дезориентировать сапера, разбрасывают в районе заложённых фугасов металлические предметы, те же гвозди. Прибор фонит. Попробуй разберись. Замешкался, занервничал... Стоп, а этого уже лучше не делать.

Любят боевики закладывать фугасы в придорожные столбы, имеющие в основе металлическую арматуру, что также затрудняет их обнаружение миноискателем, или в нежилые дома по обочинам дорог. Так подорвались на улице Ленина в Дышне-Ведено пермские омоновцы из районного ВОВД. Результат: двое убитых, семеро раненых.

Нередки случаи: установки мин в

кронах деревьев. Тогда всех находящих на броне людей огненный смерч сметает напрочь.

Очень много различных уловок и хищрений применяет противник против наших саперов, вызывая их на некую дуэль, поединок. Поединок, по чеченским понятиям, — это подлый, из засады, зачастую нанесенный в спину удар. Но выбора нет. Надо принимать вызов. И тут уже кто кого перемудрит. Противники постоянно должны находиться в "творческом поиске". Если ты работаешь по шаблону, действуешь инертно, то непременно потеряешь бдительность и в итоге проиграешь. Пока помнишь об этом — живешь...

Есть свои наработки и приемы и у Андрея Сергеевича. Например, поставить в середину своей небольшой колонны одну-две попутные чеченские машины. Это некая гарантия безопасности. Им да и нам спокойнее как-то. Хотя не всегда это помогает. Все чаще подрывают боевики колонны вместе со своими единоверцами,

бывает, сходят с рук серьезные просчеты. Впрочем, сомневаться в истинности известной поговорки про сапера, который ошибается один раз, тоже не приходится.

Перед въездом в Дышне-Ведено, напротив разрушенной водонапорной башни, разведдозор обычно притормаживает. Это, так сказать, последний рубеж. Тут самое время отвлечься от мрачных мыслей. Что и делает командир группы прикрытия старший лейтенант Антон Семенов. В крохотном магазинчике — пристройке к добротному дому он покупает у мрачного вида хозяина шоколадный батончик. "Сникерснуть" в этой придорожной харчевне стало для него доброй, как он считает, приметой. Хотя покупать что-либо у "чехов" не рекомендуется, были случаи отравления.

Без веры, пусть даже в приметы, здесь тяжело. Кто-то второпях крестится, бормоча заученную на память материнскую молитву, написанную на

Правильно проведенный инструктаж перед выходом на ИРД спас не одну солдатскую жизнь

очевидно, считая их "национал-предателями" по масхадовской классификации. "Аллах акбар!" — и кнопку взрывателя до упора.

Одним словом, кто кого перехитрит, тот и выигрывает поединок.

Но главное качество, которое особенно ценится у саперов, все же наблюдательность и внимательность. Фугас, конечно, под землей угледеть трудно. А вот мелькнувший из-под земли тоненький проводок, взрыленная почва или оставленные на обочине дороги метки-ориентиры, например, аккуратно сложенные горкой камни — это уже предостережение "Внимание, опасность!". Тут нервы должны быть словно канаты. Вот она, смерть — перед тобой! Филлигранная точность, хладнокровие и... везение. Тут, хоть тресни, по-другому не объяснишь, почему порой подрываются опытные саперы, а новичкам,

вложенном в военный билет листочке в клеточку, кто, наоборот, выражает безразличие к происходящему, в душе призывая на помощь неведомого Бога. Сегодня все они одно целое. Один организм. Инженерная разведка.

Внимательно осмотрев своих людей и задержавшись взглядом на механике-водителе, высунувшемся из люка головного бэтра рядовом Алексее Колчеданцеве, или попросту Коллочем, капитан Андреев, как бы к нему только и обращаясь, говорит: "Ну что? Вперед!". Первый пошел солдат со щупом, за ним потянулись остальные, вооруженные теми же щупами и миноискателями, кинолог с собакой. Далее сам Андреев с радиостанцией. И лишь после них, включив генератор радиопомех "Пелена", Колочий плавнo трогает с места. За ним, урча, пополз "зилек" с расчетом "зушки" в кузове. Замыкает колонну второй бэтр

с сидящими на броне бойцами группы прикрытия и наблюдения.

Спидометр начал отщелкивать пятнадцать километров горной дороги. Дороги смерти.

Когда частенько ходишь одним и тем же маршрутом, например пятнадцатикилометровым на Сержень-Юрт, невольно обзаводишься какими-то знакомыми, даже если к этому и не стремишься. Например, Вахид живет в одном из домов по улице Шейха Мансура в том же Дышне-Ведено. Видок у него, конечно, еще тот: смотрит исподлобья, настороженно, глаза прятет. Но зато Андрею Сергеевичу точно известно, что у этого чеченца есть во дворе несколько приличных покрывшек. Как раз для того, чтобы "переобуть" свой бэтр, колеса которого опасно "облысели". Пришлось вступить в бартерную сделку с владельцем "бэушной" резины. За бочку солярки Вахид согласился уступить "камандыру" свое добро. Зампотех бригады, правда, долго ругался, когда Андрей сообщил ему о договоренности, но другого подходящего варианта в ближайшее время не предвиделось. А на покрывках для бэтров в горах лучше не экономить.

Эта сцена стала известна очень скоро многим жителям этой улицы, что немало способствовало укреплению авторитета саперов. Честный, по мнению жителей, обмен говорит о порядочности "озэрис элсар" — русского офицера и его "солташ" — солдат. И в другой раз, проезжая по улице, названной именем вождя чеченских мюридов, можно было встретить на лицах жителей некое подобие улыбок. А может, Андрею и показалось. Любое проявление лояльности к русским будет строго караться по шариатским законам. Это знают все жители и не только в Ведено. Об этом напоминают расклеенные то тут, то там листовки с угрозами кяфирам и их приспешникам, подписанные "шурой", непризнанным органом власти сепаратистов.

Особо опасные участки дороги согласно инструкции необходимо обрабатывать огнем. Но таких под Ведено без счета. Обстреливать все подряд — значит напрасно расходовать боеприпасы и время, да и показывать противнику свой страх незачем. Поэтому такие участки определяет сам начальник разведдозора.

Вот и один из них. Сразу за поворотом справа над саперами навис پوشий лесом тянувшийся вдоль дороги горный хребет. Слева, наоборот, небольшая долина, где метрах в двухстах виднеются полуразрушенные строения. Получив команду, бойцы группы прикрытия, рассредоточившись вдоль дороги, начинают лупить из всех стволов в обе стороны.

Любитель "сникерсов" старлей Антон, свесившись в люк, руководит действиями наводчика замыкающего бэтра. Отлично видно, как крушатся остатки черепицы на крыше, пляшут

вокруг дома фонтанчики песка. Жуткое и одновременно захватывающее зрелище. Тир не тир, война не война.

С пристроившегося в хвост колонны на выходе из поселка открытого "Урала" за обстрелом хмуро наблюдают местные ополченцы из состава веденской комендатуры, приданные капитану в помощь. Да и сам Андреев не в восторге от происходящего. Строитель по профессии, он знает, что значит выстроить дом. Но свои чувства и эмоции капитан давно привык прятать глубоко и надежно, подчиняя их интересам служебной необходимости. В июле пожалел он вот такой же примерно домик, не стал его обрабатывать. А засевшие там боевики устроили обстрел. Тогда погиб Мухлаев, по кличке Абдулла, для которого этот выход был крайним. А стал последним.

Тем временем пятерка воинов оседлала хребет, обеспечив покрытие дороги с господствующей высоты. Это теперь наблюдательный пост. Бывало, боевики сразу после ухода саперов минировали, казалось бы, проверенную дорогу. В этот раз такого не произойдет. Тронулись дальше...

И вот маршрут пройден. Чуть задержались у памятного креста с полустертыми фамилиями погибших здесь с год назад армейцев. Удивительно, что не тронули, не осквернили его боевики. А может, он для них всего лишь удобный ориентир?

Дальше зона ответственности "калачей". Сейчас доклад комбригу — "Туче-20" о выполнении задачи и привал, но сначала:

— Наблюдатели, марш по местам. А теперь, Колкучий, доставай харч.

Рука машинально лезет в карман, вынимает бережно хранимые завернутые в целлофан фотографии. Как там дома?

Эх, обнять бы жену и мальчишек. Волнуются ведь и переживают.

Во время спецоперации в 2001 году в Старых Атагах, команду группой прикрытия инженерно-разведывательного дозора, получил капитан ранение. При начавшемся из засады обстреле пуля попала в правую половину груди, задев легкое. Ранение серьезное.

— На мое счастье, — вспоминает Андрей, — в это время прилетел какой-то генерал на вертушке, это мне

и спасло жизнь. Быстро эвакуировали. Через двадцать минут я лежал на операционном столе в госпитале в Северном. Крови тогда я много потерял, но спасибо докторам, выходили. Ранение, конечно, дает о себе знать: пришлось завязать со спортом. Раньше-то спортивными единоборствами занимался, легкой атлетикой. Теперь вот только пешочком, да и куда спешить? На мины? — рассуждает Андреев.

Есть у капитана, награжденного орденом Мужества, и еще одна мечта: может быть, по возвращении из командировки, получит наконец Володя свое жилье. Не век же под одной крышей с тещей и тестем жить!

Проводив колонну и возвращаясь на базу, проехали КПП Дышне-Ведено (Северное) с сидящими прямо на бетонных блоках и изнывающими от жары двумя милиционерами и оставившись. И тут же встал обогнавший их "Урал" комендачей-ополченцев. К бэтру Андреева подошел вразвалочку заросший щетиной командир этого военизированного формирования. В грубой, пренебрежительной манере чеченец начал высказывать свои претензии:

— Зачем обстреливал дом? Не видишь разве, что он пустой. А на въезде в Ца-Ведено опять твои зачем стреляли? В крайнем доме пуля попала женщине в руку. У нее трое детей.

Глаза злобные, так и зыркают. Эх, чтоб тебя! Про женщину врут наверняка. Иначе шум подняли бы прямо там или когда обратно возвращались. Да и обстрела при въезде в поселок его бойцами не велось. Берут на пушку. Послать бы подальше этого героя. Но волей-неволей приходится быть дипломатом. Все же считаются союзниками.

— Спокойно. Разберемся.

Как-то незаметно стемнело. Пора прощаться. Крепкое мужское рукопожатие. Ловлю себя на мысли, что хотел бы встретиться с ним еще раз, и непременно там же, в Чечне, на дороге, хозяином которой быть так непросто русскому офицеру: саперу, а в чем-то дипломату.

Илья РОМАНЕНКО

Фото автора

Некоторые фамилии изменены.

Мирные задачи дежурного экипажа

— Выключай маяк, они промахнулись, — сказал прапорщик Алексей Тигин своему напарнику. — Придется экипажу еще разок нас поискать.

Действительно, вертолет уже несколько минут кружил метрах в пятистах от того места, где расположились Алексей с товарищем. После того как они выключили аварийную радиостанцию, он развернулся и полетел обратно в сторону полкового аэродрома...

Таким образом вертолетчики в смешанном авиационном полку внутренних войск, которым командует полковник Виктор Можейко, тренируются оказывать помощь экипажам воздушных судов, терпящим бедствие. По приказу главнокомандующего внутренними войсками полк был включен в федеральную авиационно-космическую службу поиска и спасения. Зона его ответственности — Нижегородская и прилегающие области. Дело в том, что в этом регионе только внутренние войска имеют необходимую авиационную технику и специалистов, подготовленных для выполнения поисково-спасательных работ. Поэтому, кроме обычного дежурного экипажа вертолета, на аэродроме постоянно находится еще один с подготовленной к выле-

ту вертушкой. Их задача — быть готовыми отправиться на поиск и оказать помощь коллегам, которые потерпели бедствие. Также в полку создана нештатная спасательная парашютно-десантная группа (СПДГ). Кроме военнослужащих поисково-спасательной службы в нее входят еще несколько человек, которые любят и умеют прыгать с парашютом. Задача группы — помочь вертолетчикам найти людей, которые потерпели бедствие, оказать им первую медицинскую помощь и доставить на борт спасательного вертолета. Эти действия они совместно отрабатывают на тренировках.

Экипажи на всех воздушных судах имеют аварийную радиостанцию. Ее включают в случае вынужденного оставления судна. Сигнал от станции пеленгуется спутниковой системой и передается в федеральный центр спасения, где находится группа руководства спасательной операцией.

Такую же радиостанцию, только на учебных частотах, используют и на тренировках.

Ребята из СПДГ выполняют роль экипажа, который потерпел бедствие. Перед началом тренировки они выезжают в определенный район и самостоятельно выбирают ме-

сто, где включают тревожный радиомаяк. Вертолеты в полку оборудованы специальными устройствами, которые засекают сигнал с земли и указывают направление поиска. Но сигнал настолько слабый, что стрелка обычно "гуляет" на 30-40 градусов в разные стороны.

Поскольку летчикам перед вылетом указывают только район, где планируется проводить спасательную операцию, их действия очень похожи на поиск иголки в стоге сена. Кстати, чтобы усложнить задачу спасателям, "потерпевшие" иной раз забираются в кусты, лесные буреломы, овраги и даже в стога. В таких случаях с вертолета вряд ли можно что-то увидеть и приходится использовать только аппаратуру...

...Снова послышался свистящий шум винтов вертолета. На этот раз летчики почти точно вышли на цель. Пролетели над леском, в котором прятались Тигин с товарищем, немного снизились и покачали машину вправо-влево — условный сигнал, мол, обнаружили потерпевших.

Алексей выключил станцию из режима "маяк" и перешел на головную связь.

Чтобы указать направление ветра, Тигин зажигает сигнальный патрон, из которого повалило ярко-красное пламя.

Вертолет приземлился на краю поля рядом с лесом. Из него выскочили ребята из СПДГ и побежали к своим товарищам. По условию тренировки один из них получил переломы, и ему требовалась медицинская помощь. После перевязки быстро загрузились в вертолет, взлетели и взяли курс домой...

Во время тренировок отрабатывают различные способы эвакуации, в том числе и с помощью лебедки. Вертолет зависает в воздухе, а потерпевших поднимают в него в специальном кресле на канате. Правда, для такой работы летчикам необходимо получить специальное разрешение, так как она считается наиболее сложной.

К счастью, выручать экипажи воздушных судов, которые потерпели бедствие, до сих пор летчикам не приходилось. Зато второму дежурному экипажу часто приходится работать в мирной жизни. И тогда используют все приемы, которые оттачивали на тренировках.

Несколько лет назад в одном из районов Нижегородской области

потерялись трое мальчишек из детского дома. Как это бывает, пошли погулять и не вернулись. Бросились их искать. Да куда там! Обратились в областное отделение Министерства по чрезвычайным ситуациям. Но в области у МЧС нет своей авиации. Только автомобили. А от них в районе предполагаемого поиска мало проку: лес, бездорожье, весенняя распутица. Эмче-совцы попросили помочь летчиков внутренних войск.

...Детей заметили, когда пролетали над речкой Ветлугой. Перепуганные мальчишки сидели, прижавшись друг к другу, на одной из льдин, которая плыла по черной речной воде.

Тут уж не до приземления. Вертолет подлетел к льдине, снизился, насколько это было возможно, чтобы детей не сдуло воздушным потоком, и стал двигаться приблизительно со скоростью течения. Хорошо, спасатели на борту оказались профессионалами. Один из них спустился на лебедке на льдину к ребятишкам. После этого их по одному подняли на борт...

Ну а когда летом начинают гореть торфяные болота (обычное явление для здешних мест), то их тушение без вертолетчиков внутренних войск тоже не обходится. Их постоянно поднимают для разведки пожаров.

А вот прошлым летом к летчи-

кам обратились за помощью местные медики.

Около трех часов ночи оперативному дежурному майору Алексею Клокову сообщили из МЧС, что в Кировской области во время работы на лесопилке девушке отпилили руку. Сейчас она находится в областной больнице.

Отрезанную руку обработали и поместили в специальный контейнер. Времени прошло немного, поэтому есть возможность ее пришить. Но такую операцию могут сделать только в Москве. Причем с каждым часом шансов на удачный ее исход становилось все меньше. Просили сообщить, есть ли возможность направить в Кировскую область вертолет для эвакуации пострадавшей.

Клоков доложил командиру полка и дал команду дежурному экипажу готовиться к вылету. Виктор Сергеевич прибыл на командный пункт. Лететь к месту происшествия было бессмысленно, так как в вертолете не хватило бы топлива на обратный путь.

Благо медики сработали оперативно и грамотно. К тому времени врачи уже везли девушку в Нижний на поезде. Летчиком в этой эстафете достался последний и самый главный этап — доставить пострадавшую в Москву.

А тут, как специально, поезд немного опоздал. К счастью, все уже было готово. К девяти часам утра

командир вертолета заместитель командира авиационной эскадрильи по работе с личным составом майор Вадим Каряев перегнал свою рабочую "стрекозу" на вертолетную площадку, расположенную на территории областной больницы. Туда же с вокзала на "скорой" привезли девушку. Теперь от трех человек в летных комбинезонах зависела ее дальнейшая судьба, а может, и жизнь.

Через два часа экипаж зашел на посадку на подмосковном аэродроме МЧС в Раменском. Здесь их уже ждала машина "скорой помощи".

Позже летчики интересовались здоровьем своей недавней подопечной. Оказалось, что успели они вовремя. Операция прошла успешно. Врачи спасли руку.

Через некоторое время после того случая к командованию полка обратились руководители Министерства здравоохранения. Они предложили заключить договор об экстренной перевозке врачей воздушным транспортом в отдаленные районы области, особенно зимой или в распутицу.

С нового года у полкового дежурного экипажа появилась еще одна "мирная" задача: быть готовыми помочь медикам лечить земляков и спасти им жизни.

Подполковник Игорь БЫСЕНКОВ
Фото из архива редакции

ПРИКРЫЛ ДРУГА

— Скоро, Антон, и второй курс позади будет, — начал разговор с сокурсником Сергей Путилов. — Не успеем глазом моргнуть, как лейтенантами станем.

— Да уж, — протянул Антон Демченко. — Не рановато ли загадывать?

— Не рановато. Я вот настроился в наш, саратовский спецназ попасть, а ты куда?

— Поживем — увидим. Но хотелось бы в СКО, конечно.

Так за разговорами курсанты подошли к остановке. Оба посмотрели на часы. Ведь на втором курсе увольнение — роскошь, и на счете каждая минута, проведенная вне института. Автобус, как назло,

задерживался. Вокруг остановки стояла толпа народа — пьяненькие студенты, школьники, молодые и старые жители города, гости Саратова. Все были заняты своими мыслями и переживаниями, как вдруг из толпы вынырнул худощавый человек с весьма характерной внешностью, которая свойственна наркоманам. Не успел он отойти от остановки на пару метров, как женщина, стоявшая около дороги, закричала, что ее ограбили.

Вор сразу же себя обозначил, сменив шаг на бег. Но из всех собравшихся здесь людей никто даже не попытался остановить его. Вернее, почти никто...

Курсанты бросились за ним. Поняв безвыходность ситуации, вор бросил украденный пакет, резко развернулся в сторону бегущих. В руке у него сверкнул нож. Антон Демченко уже не мог остановиться и по инерции должен был наткнуться на холодное оружие грудью. Хорошо, подоспел Сергей, выкинул руку в сторону ножа, и нестерпимая боль обожгла его предплечье.

Антон понял, что произошло, и вступил в рукопашную схватку. Пара хорошо отработанных приемов рукопашного боя, и обезоруженный бандит упал на землю. Прибывшему наряду милиции осталось лишь надеть на него наручники.

Старший лейтенант Денис КОЗЛОВ

По-братски —

ЗНАЧИТ НАДЕЖНО!

Военнослужащим Отдельной дивизии оперативного назначения вручали боевые награды и знаки воинской доблести за отвагу, мужество, безупречное выполнение боевых и служебных задач. На сцену гарнизонного Дома офицеров один за другим поднимались самые достойные. Вручал награды первый заместитель главнокомандующего внутренними войсками генерал-полковник Валерий Баранов.

Неожиданно на сцену поднялись сразу трое: сержант Дмитрий Семенов, рядовые Александр и Алексей Семеновы. Братья-близнецы! Среднего роста, крепко сложенные, симпатичные парни, удивительно похожие друг на друга. Все, кто сидели в зале, с

любопытством наблюдали за происходящим. Не часто бывают подобные ситуации! Генерал добродушно улыбнулся, с подчеркнутым уважением вручил каждому знак "За службу на Кавказе". В тот день братья-близнецы Семеновы стали не только популярными, но и знаменитыми, в каком-то смысле героями солдатских будней.

Через некоторое время они сидели передо мной и не спеша рассказывали о себе. Родились 7 января в удмуртской деревеньке. Сначала Александр, за ним Алексей и последним Дмитрий. Не нужно говорить, что чувствовали в те минуты и секунды родители Анатолий и Галина. Конечно же, радость, счастье, но вместе с тем и испуг. Выдюжим ли? Сейчас, по-

жалуй, каждый бы невольно об этом задумался. И все же родители себя ободряли: "Справимся, да еще как заживем!"

Местное руководство пришло на помощь. Ведь не часто рождаются тройни. Да и вид малышек крепышей никого не оставлял равнодушным. Враз ставшей многодетной семье Семеновых в городе Глазове подыскали трехкомнатную квартиру, приобрели две детские коляски: двухместную и одноместную. Окружили молодых родителей вниманием и заботой, вселили в их души веру в то, что все будет хорошо и мальчики, как и все дети, вырастут... Но что бы там ни говорили, трудности с малышами нарастали как снежный ком. Кормление, постоянный

уход, болезни, пеленки. Словом, всего не перечислишь...

Радовало только то, что мальчишки, подрастая, втягивались в домашние дела. Даже соседи и знакомые нарадоваться не могли, наблюдая за хлопотами мальчуганов. Родители не заметили, как они пошли в школу, сами, без посторонней помощи делали уроки. Окончили девять классов, а вместо десятого пошли на курсы водителей. Решили приобрести специальность перед призывом на военную службу. Считали, что пригодится, и не ошиблись. Мечтали попасть, как и все мальчишки, в разведку, спецназ, на флот. Туда, где, по их мнению, больше романтики.

30 мая 2001 года они надели военную форму и в городе Сыктывкаре прошли учебу. А 5 ноября того же года влились в дружную семью отдельного саперного батальона ОДОНа.

В первые дни было разочарование. Где ж тут романтика? И что такое саперы? Уж лучше в матушку-пехоту. К тому же, учитывая их крепкое телосложение, ребят назначили экскаваторщиками. Но на первое время смирились. Экскаватор так экскаватор. Тем более что наполовину его уже знали. Тот же мотор, что и у автомобиля, та же ходовая часть. А остальное не так уж и сложно постичь. Через короткое время они научились работать на экскаваторах не хуже, чем на автомобиле.

На вопросы о принадлежности к саперам братья отвечали кратко, взвешивая каждое слово. Делаем, мол, что положено. Службой довольны. А еще оказалось, что и здесь есть романтика. Семеновым все дается сравнительно легко, многое схватывают на лету. Конечно же, сказывается братская солидарность. Они и живут по принципу "один за всех и все за одного". За что бы ни брались, все делают основательно, доброту. Самое главное, поступают по написанному правилу саперов — выполнять все на совесть.

В вихрях солдатских будней, бесконечных заданиях, тренировках и учебе закалился характер братьев-близнецов. Они уже не завидуют ни разведчикам, ни спецназовцам, никому другому. Их служба очень нужна войскам, без них нигде и никогда не обой-

дешься. Образно говоря, они как на войне, так и в мирные будни прокладывают вперед дорогу. Теперь они сами убеждены, что саперы — специальность мужественных и отважных. Она воспитывает трудолюбие, боевую сметку, точный расчет, оправданный риск, взаимовыручку и поддержку везде и во всем.

Поэтому они заслужили уважение и почет в батальоне. Каждому из них в торжественной обстановке вручили фотокарточки, на которых они сфотографированы перед развернутым Боевым знаменем части. На груди у каждого из них красуются знаки "За отличие в службе" второй и первой степени. Далеко не у всех солдат, сержантов, прапорщиков и даже офицеров есть такой, образно говоря, полный бант знака воинской доблести. Скажем и о том, что последний по рождению, Дмитрий, стал младшим сержантом, а позже и сержантом. Отлично справляется со своими нелегкими обязанностями.

В прошлом году больше трех месяцев Семеновы находились в Чечне. Нет, они в перестрелках с бандитами не участвовали, на зачистки не ходили, мины-сюрпризы и растяжки не обезвреживали. Они выполняли свое дело: отрывали экскаваторами траншеи для блокпостов, сооружали насыпи, обустроивали местность в инженерном отношении. Вырыли и переместили горы грунта, всяческих тяжестей. Механизмы в их умелых

руках работали безотказно.

Был, правда, случай, когда один из экскаваторов во время работы сполз и завалился набок. А машина-то под двадцать тонн весит. Братья подумали немного и с помощью других механизмов довольно быстро подняли экскаватор и продолжили на нем работу.

Служба Семеновых завершается. В оставшееся время они решили подготовить себе достойную замену. Решено — сделано. Александр всему, что постиг сам, учит рядового Альмара Саматова, Алексей — Евгения Головина. Они рассказывают им о премудростях техники, указывают ее уязвимые места. Дмитрий же во все командирские обязанности посвятил младшего сержанта Петра Иванова. Братья уверены, что с их уходом дело не пострадает.

Ждут не дождутся дома своих ненаглядных сыновей-близнецов отец Анатолий Леонидович и мама Галина Веняминовна. Не скрывая, гордятся, что их сыновья с честью и доблестью выполнили родительский наказ.

**Полковник в отставке
Владимир ЖУРАВЛЕВ,
ветеран отдельного
саперного батальона,
заслуженный работник
культуры**

Российской Федерации
Фото Владимира ЕФИМЕНКО

Побеждать малой кровью

...Колонна из трех бронетранспортеров медленно ползла по искоженному войной серпантину горной дороги.

Вокруг все спокойно. Ничто вроде бы не предвещало беды. Но на войне как на войне. Неприятные сюрпризы противник преподносит именно в тот момент, когда их не ждешь.

Внезапно раздавшийся оглушительный взрыв остановил головную машину. Броня замыкающего бэтра заискрилась от прошедшей еекумулятивной гранаты. Шквал огня обрушился на колонну с обеих сторон дороги.

Бойцы мгновенно спешили и рассыпались словно горох по обочинам и за колеса бронетранспортеров, стали отстреливаться.

— Командир! Командир! Что делать? Где “духи”? Откуда бьют гады? Через секунду-другую растерянность бойцов как рукой сняло.

— Снайпер, цель: сосна, вправо три — поваленное дерево...

Невысокий парнишка со снайперкой, который лежал за колесом “коробочки”, быстро повернулся в указанном направлении и прикинул оптике...

— Наводчик первого! Справа пятьдесят — валун...

Крупнокалиберный ствол БТРа огрызнулся огнем. Землю у огромного камня будто кто-то в воздух подбросил...

Командир подразделения находился возле центральной машины. Казалось, что с самого начала боя голова у него вращалась на 360 градусов и он видел практически все, что происходило вокруг. Команды были своевременные и грамотные.

Однако силы оказались неравными. Бандиты продолжали наседать.

— Наводчик, вызывай авиацию!

Вскоре послышался свистящий рокот вертолетных винтов. Пара “крокодилов” заходила на цель. Несколько пущенных ими ракет по позициям бандитов решили исход боя в нашу пользу...

Больше пота на полигонах — меньше крови в бою

“Учить войска тому, что для боя необходимо”, — наставлял подчиненных офицеров Александр Васильевич Суворов. Этот главный принцип военной науки незыблем и по

сей день. Ибо высшим критерием оценки боеспособности войск всегда было и будет реальное выполнение ими служебно-боевых задач. Ничто: ни поступательное развитие истории, ни совершенствование техники, ни изменения в тактике войск и рисунке боя не могут заставить забыть о нем. Наоборот, сегодня этим принципом нужно руко-

водствоваться в двойне. В наши дни солдату уже недостаточно просто хорошо стрелять и умело передвигаться на поле боя, а офицеру лишь знать основы общевойскового боя и бесстрашно под громогласное “Ура!” поднимать в атаку подчиненных. Ведь хитрый и коварный противник все чаще стал пользоваться нетрадиционными формами и методами вооруженного противостояния. В жизнь людей прочно вошло понятие “терроризм”, а в командирскую лексику — “контртеррористическая операция”.

— Жизнь заставила нас повысить интенсивность боевой подготовки, по-новому взглянуть на задачи войск и систему их обучения, — сказал в одном из своих интервью главнокомандующий внутренними войсками генерал армии Вячеслав Тихомиров. — Только приняв радикальные меры, можно было сократить потери в Чечне. Мы проанализировали каждое боестолкновение и стали тут же внедрять оплаченный кровью опыт в процесс боевой учебы.

Соблюдение принципа “больше солдатского пота на полигонах — значит, меньше крови в бою” уже принесло положительные результаты. В прошлом году в сравнении с 2001-м число погибших военнослужащих уменьшилось на 40 процентов, а раненых — на 45.

Сегодня можно говорить и о том, что сложились основные формы и методы подготовки войск в современных условиях. По мнению офицеров Главкомата, изжит порочная командирская психология: “Главное — отправить людей в Чечню, а там разберутся”. Подготовка личного состава, командированного на Северный Кавказ, проводится теперь в специальных учебных центрах. Причем один из них развернут непосредственно в зоне контртеррористической операции в Ханкале. На нем прибывающие на замену военнослужащие проходят доподготовку с учетом складывающейся обстановки в районах, где им предстоит выполнять поставленные задачи.

Кроме того, жизнь заставила изменить подходы к выполнению программ обучения. Теперь от командиров все чаще требуют проводить занятия в комплексе, отрабатывая вопросы тактики внутренних войск, военно-инженерной, огневой подготовки, защиты войск на фоне общей тактической обстановки. Обу-

чать военнослужащих приемам и навыкам борьбы со снайперами и мелкими группами боевиков, действиям на заминированной местности, участках с ловушками, ночью и при плохой видимости.

Несмотря на сложности с финансированием, в боевой подготовке стали активнее использовать новые технические средства обучения, которые позволяют сократить время, необходимое для получения знаний, и навыков. В командирской учебе применяются новые информационные технологии. С их помощью моделируются действия войск при проведении специальных операций, охране важных государственных объектов. В войсках проводятся различные конкурсы по стрельбе и управлению огнем артиллерии, инженерного мастерства. В 2002 году, например, победителем таких состязаний среди командиров артподразделений внутренних войск стал командир минометной батареи одного из полков ОДОНа капитан Алексей Кургузов. Он принял участие в заключительном этапе Всеармейских состязаний командиров артбатарей, проводившемся на полигоне Минобороны России в Луге. Причем показал там неплохой уровень профессионального мастерства по всем разделам программы соревнований. В общем зачете занял 2-е место среди 13 представителей военных округов, военно-морских флотов и воздушно-десантных войск.

Судя по всему, отношение к боевой подготовке в войсках изменилось. Большинство офицеров осознали ее важность. Но все же некоторые проблемы остаются нерешенными и по сей день.

Есть ли у вас план?

Первая в ряду нерешенных проблем — организационная. В штабах соединений и частей, по мнению офицеров управления боевой подготовки ГКВВ, еще нередки случаи шаблонного и бездумного подхода к планированию боевой подготовки. Конечно, переписать в полковой приказ основные требования оргметуказаний на очередной год нетрудно. А ведь надо проанализировать и оценить условия подготовки войск, боевые потери, учесть специфику действий. Исходя из этого, конкретизировать задачи каждому подразделению, при необходимости изменить последовательность изучаемых тем, количество часов и форму обучения.

Вспоминается командировка в мурманский морской отряд. Вот где офицеры штаба по-настоящему болеют за организацию боевой учебы, проявляют, так сказать, творчество. Кроют и перекраивают свои планы, обращаются с просьбами к вышестоящему командованию. И все для того, чтобы приблизить подготовку своих матросов к реалиям боевой службы.

— Ну зачем нам столько часов по огневой подготовке на стрельбище или по общевойсковой тактике? — говорит командир морского дивизиона капитан 2-го ранга Дмитрий Грязнов. — Нам ведь куда важнее уметь работать и стрелять под водой или на воде.

И понять его можно. Ведь не в атаку на суше его подчиненным каждодневно ходить приходится, а в морские глубины опускаться да на катере залив патрулировать.

Командир всему голова

Другая серьезная проблема — подготовка офицеров и младших командиров и специалистов.

Все мы знаем, что успех на поле боя сопутствует тем подразделениям, во главе которых стоят энергичные, инициативные, волевые командиры, которые не боятся взять на себя ответственность за решение задач, возникающих в бою.

— Боевой опыт свидетельствует о том, — говорит начальник управления боевой подготовки Главного командования внутренних войск генерал-майор Евгений Лазебин, — что уровень профессиональной подготовки офицеров определяется их творческим потенциалом. Способностью предвосхитить развитие событий, обмануть противника, выбрать нестандартный план проведения специальной операции, быстро и правильно ориентироваться в сложной обстановке, незамедлительно реагировать на её

изменения, уметь держать ситуацию под контролем, проявлять гибкость в руководстве войсками, осуществлять смелый маневр, постоянно поддерживать четкое взаимодействие сил и средств, всесторонне обеспечивать боевые действия.

Кузницей офицерских кадров называют военные институты. В последнее время в обучении курсантов усилилась практическая направленность. Стажировка профессорско-преподавательского состава в частях группировки войск на Северном Кавказе приблизила процесс обучения к реальной службе войск. В учебную программу введены полевые выходы, которые проводятся на тактическом фоне боевых ситуаций, в Чечне. Руководство военных институтов изучает отзывы на своих выпускников. Из них видно, что нововведения позволили поднять уровень их подготовки и сократить период становления после прибытия в войска.

Однако официальные отзывы на молодых офицеров коренным образом противоречат кулуарному мнению командиров о подготовленности поступающих в войска офицеров. Да и результаты итоговой аттестации курсантов военных институтов, например, прошлого года явно не в пользу последних. Несмотря на то, что около 20 процентов лейтенантов окончили учебу с отличием, более половины выпускников имеют все же общую оценку «удовлетворительно». Есть, как говорится, над чем работать.

И в частях работают. Устраняют пробелы в военном образовании лейтенантов, оттачивают мастерство (совершенству-то, как известно, предела нет) более опытных офицеров. Командирская подготовка — процесс постоянный. А венчают ее командно-штабные учения. Они-то как раз и позволяют увидеть все огрехи офицерской учебы. Надо

сказать, что, несмотря на доклады с мест о выполнении программы боевой подготовки и полученных хороших результатах, профессионализм офицерских кадров еще далек от идеала. К примеру, КШУ, проведенное в этом году в Северо-Кавказском округе внутренних войск, выявило распространенные недостатки. Творчества, новаторства в решениях командиров нет. Сплошной шаблон в планировании боевых действий, что в конечном итоге всегда увеличивает шансы противника на победу вдвое, а то и втрое. Бой — это как раз тот случай, когда повторение неминуемо ведет к поражению. Что уж тут говорить о заветах классиков военной теории, касающихся стремления к внезапности и применения военной хитрости. А между тем все это способствует достижению победы, причём малой кровью.

Что касается сержантов и младших специалистов, то сегодня, по оценке офицеров, опрошенных отделом по исследованию социально-психологических проблем внутренних войск МВД России, только 23 процента из них соответствуют предъявляемым требованиям.

Положительные результаты, конечно, есть. Об этом свидетельствуют и новый приказ об организации учебного процесса в учебных воинских частях, изданный в прошлом году, и вошедшие в практику учебно-методические сборы с командирами учебок. Но хочется большего. Не случайно главнокомандующий войсками объявил 2003 год годом учебных воинских частей.

Поле — академия солдата

Говоря о проблемах боевой подготовки, нельзя обойти стороной вопросы совершенствования учебно-материальной базы (УМБ). И снова на память (поистине классика бессмертна) приходит суворовское: «Поле — академия солдата». А если оно еще и соответствующим образом оборудовано... По мнению офицеров управления боевой подготовки, необходимость в ремонте, а то и замене старого оборудования в учебных центрах округов и соединений войск назрела давно. Там следует обустроить новые учебные места, усовершенствовать инфраструктуру. Словом, довольствоваться тем, что есть, сегодня уже нельзя. Это хорошо понимают в Северо-Кавказском, Московском округах

На занятиях по радиационной, химической и бактериологической защите

внутренних войск, ОДОНе и Саратовском военном институте. Там коренным образом реконструировали объекты полевой и приказарменной УМБ. Намечались положительные сдвиги в этом плане в Северо-Западном и Приволжском округах.

— Сегодня на учебно-материальной базе необходимо быстро и качественно обучать личный состав. Она должна соответствовать потребностям подготовки военнослужащих к выполнению СБЗ, — считает заместитель командующего войсками Московского округа внутренних войск полковник Юрий Бабкин.

Здесь есть новинки. К примеру, в софринской бригаде активно используются современные тренажёрные комплексы, компьютерная техника. Так, в тренажерном зале в обстановке, максимально приближенной к боевой, военнослужащие в короткие сроки приобретают практические навыки работы на технике и вооружении. Занятия на этом комплексе, который включает тренажеры беспулевой стрельбы из стрелкового оружия и тренажеры для подготовки наводчиков БМП-2 и операторов ПТРК, кроме всего прочего способствуют формированию психологической устойчивости и морально-волевых качеств бойцов.

— Благодаря грамотному использованию малозатратных форм обучения, — продолжает полковник Бабкин, — в бригаде удаётся экономить средства, выделяемые на боевую подготовку, интенсивно проводить занятия, добиваться хороших результатов.

В ряде частей на занятиях по огневой и тактической подготовке уже давно успешно используют взводный комплект лазерных имитаторов стрельбы и поражения. Он предназначен для проведения двусторон-

них тактических учений в звене взвод — рота. Лазерные излучатели, закрепленные на штатном оружии, позволяют полностью имитировать стрельбу из стрелкового оружия и средств ближнего боя. При этом поражение противника регистрируется фотоприемными устройствами, которые прикрепляются к обмундированию военнослужащих.

Применение новых средств обучения личного состава позволяет улучшить качество и повысить эффективность проводимых занятий.

Завершается зимний период обучения. Безусловно, есть положительные тенденции. Их нужно закрепить. Есть недостатки. Над их устранением предстоит работать во втором полугодии. Но к концу года нужно выйти на рубеж, определенный главнокомандующим: добиться повышения качественных параметров боевой подготовки личного состава, подготовки войск и органов управления на 3-5 процентов. В конце концов, важно наладить такую систему боевой учебы, чтобы, выйдя на поле боя (как там у классика?), каждый солдат знал свой маневр.

Полковник Александр КОЛТУНОВ,
старший офицер управления боевой подготовки ГКВВ МВД России,
подполковник Ринад АРИБЖАНОВ,
начальник отдела войсковой жизни журнала
Фото Альберта КУДРЯШОВА

Храм ГИППОКРАТА

ТАК ЗАКАЛЯЛАСЬ ЧАСТЬ

В 1942 году на территории СССР шли упорные бои. Число раненых постоянно росло. Приходилось увеличивать количество госпиталей и лазаретов, штаты медперсонала. Больницы разворачивались в жилых зданиях, в помещениях детсадов. Так, 4 июня 1942 года помещение санатория, расположенного в Реутово, занял отдельный медико-санитарный батальон Отдельной мотострелковой ордена Ленина дивизии особого назначения НКВД СССР имени Ф. Дзержинского.

Врачи, фельдшеры, медсестры работали почти без отдыха. Приходилось лечить не только раненых бойцов, но и гражданское население, пострадавшее в результате частых авианалетов.

В декабре 1943 года в медсанбат пришло распоряжение вышестоящего командования — в сжатые сроки отправить группу из 22 человек для выполнения специальных задач на Северном Кавказе.

— Товарищи, — начал свою речь перед медперсоналом комбат. — На Кавказе требуется наша помощь. Большой поток раненых. Работы много. Но принуждать кого бы то ни было я не хочу. Есть добровольцы?

В сплоченном коллективе слабохарактерных не нашлось. Все как один были согласны выехать в командировку.

Неделю спустя в селе Садовом Калмыцкой АССР открылся лазарет на 20 коек. Из-за перебоев с водой врачи и медсестры часто страдали от жажды, так как все личные запасы драгоценной жидкости шли раненым.

...С января по ноябрь 1944 года на территории Северного Кавказа и Закавказья медсанбатом были открыты еще четыре полевых лазарета.

9 мая 1945 года полным разгромом фашистской Германии закончилась Великая Отечественная война. Советские люди наконец-то смогли отойти от рабочих станков оборонных предприятий. Праздничные салюты осветили московское небо. Но в Реутово война продолжалась, война за жизнь больных и раненых, поступивших с последних боев.

Не окончилась она для медсанбата и через пару лет. В мае 1947 года хирургическая группа была откомандирована в Западную Украину для оказания медпомощи воинам

дивизии, которые сражались с бандами ОУН во Львовской области. Были случаи, когда врачи, подвергая свою жизнь опасности, выезжали в близлежащие деревни для оказания помощи местным жителям. Им приходилось лечить как раненых дзержинцев, так и отъявленных бандитов. За эту командировку почти вся группа хирургов была награждена медалями "За боевые заслуги".

В 1948 году приказом МГБ СССР на базе медсанбата был сформирован военный госпиталь. Этот день и принято считать днем основания части.

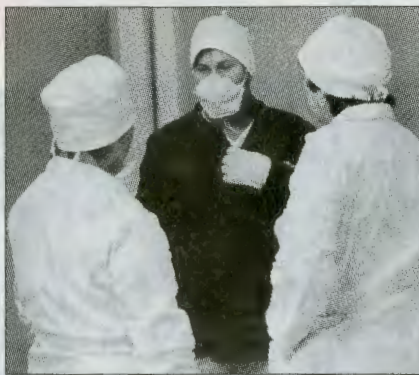
Во время мирного строительства работы у госпиталя тоже хватало. Инфаркты, инсульты, язвы, дистрофия, тиф — болезни, называемые в узком врачебном кругу "эхом войны", поражали огромное число фронтовиков.

Летели годы. Крепли традиции коллектива. Когда в 1983 году для выполнения задач по медобеспечению в Афганистан госпиталь должен был отправить группу врачей, как и в далеком сорок третьем, все вызвались добровольцами. Но отобрали для этой цели немногих: подполковника И. Зосименко, капитана Н. Бегуна, старшину В. Десятова. В 1986 году их командировка закончилась. В этом же году для ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС были направлены капитаны медицинской службы А. Васильев и А. Фисков, прапорщик Н. Евстигнеева, старшина М. Костюченко.

С середины 80-х медперсонал почти каждый год вылетал для выполнения служебно-боевых задач в различные регионы страны. В 1988 году вспыхнул межнациональный конфликт между Арменией и Азербайджаном. В Ереван срочно вылетели врачи части. Старшим группы был подполковник медицинской службы П. Павлов. Он же год спустя вместе с тремя офицерами госпиталя принимал активное участие в спасении жизни и здоровья пострадавших в результате землетрясения в Армении.

Сухуми, Фергана, Коканд, Степанакерт, Гянджа — везде, где лилась кровь, в одном строю с боевыми подразделениями войск шли военные врачи.

... Октябрьские события 1993 года в Москве потрясли всю страну. Толпы вооруженных людей на улицах города и у стен Кремля, пере-

вернутые автобусы, машины, кровь на тротуарах — вот лишь незначительные эпизоды видеохроники тех дней.

Конечно же, врачи госпиталя не могли переждать, отсидеться дома. Долг их звал на улицы, под огонь автоматных очередей спасать жизни людей.

3 октября майор А. Филатов самостоятельно вынес в безопасное место троих тяжелораненых москвичей и оказал им медицинскую помощь. 4 октября майор Ю. Шестаков, рискуя собой, спас жизнь четверем тяжелораненым, оказав им на месте помощь и доставив в лечебное учреждение.

...У многих хирургов и врачей в черных рамках висят на дверях кабинетов календари на 1994 год — год начала войны в Чечне. Мало кто из медперсонала Главного военного клинического госпиталя не прошел эту жуткую школу.

С начала боевых действий в республике по настоящий день врачи госпиталя постоянно находятся в зоне конфликта. Чтобы рассказать обо всех, не хватит и книги. Но не затронуть эту тему просто невозможно.

ЖЕЛЕЗНЫЙ ЧЕЛОВЕК

— Как зовут, герой? — спросил у раненого начальник травматологического отделения Владимир Борисович Хареба.

— Геннадий, — хрипло отозвался тот.

— Что ж, Гена, скрывать не буду: с ногой дела плохи, — покачал головой Владимир Борисович.

— Доктор, — простонал Геннадий, — только не отрезайте ее, только не это!

— Да что ты, я крови с детства боюсь, — пошутил врач. — Но до танцев потерпеть придется.

— Потерплю, — заулыбался раненый.

... Владимир Борисович шел по коридору госпиталя. За 22 года службы в Главном военном клиническом госпитале внутренних войск он привык ко всему. Рваные раны, переломанные конечности, обожженные тела давно перестали ужасать ведущего врача. Но душа болела. Болела потому, что с каждым годом пациенты становились все моложе и моложе. Вот и сегодня...

— Леночка, — остановил идущую к больным медсестру Елену Гаврилюк начальник травматологического отделения, — новенький в очень тяжелом состоянии, 22 сантиметра голени просто отсутствуют.

— Будем ампутировать? — с грустью спросила Лена.

— Стопа цела, нервные окончания и мышцы привести в порядок можно. Попробуем ногу спасти.

Елена Гаврилюк, молодая, красивая девушка, в отличие от сверстниц, проводившая время не на дискотеках и в барах, а в хирургических отделениях и палатах, ухаживая за тяжелоранеными солдатами и офицерами, привычно кивнула:

— По системе Илизарова?

— Именно так! — сказал доктор и пошел готовить оборудование...

Кость восстанавливалась по одному миллиметру в сутки. Лечение затянулось почти на год. Постоянные обследования, бессонные ночи, перевязки — медперсонал валился от усталости с ног. Но результат был потрясающий. Геннадий встал на ноги и начал ходить!

— Вот такие пироги, Татьяна, — начал разговор с фельдшером Татьяной Буяновой Владимир Борисович, глядя на шагающего по палате бойца. — Еще одна победа на нашем фронте.

— Да, значит, сегодня двойной праздник, — ответила та улыбаясь.

— Какой же, интересно узнать?

— Из четвертой палаты мальчишку мы через неделю полторы выпишем. И он женится.

— А, это которому с КПВТ плечо разбили? Миша, по-моему? Сложный был случай. Только на восстановление нервов и кости времени ушло как на десятерых, — вспомнил ту операцию Владимир Борисович. — Я его железным человеком тогда назвал — буквально нашпигован осколками был. Так говорите, женится? И когда?

— Сегодня.

— Так ему же еще долечиваться...

— Он здесь женится. Представители ЗАГСа приглашены. И Миша попросил, чтобы я уговорила вас быть свидетелем.

— На такое дело уговаривать не надо...

... Молодые обменялись кольцами, представитель ЗАГСа объявил их мужем и женой, но поцелуя не последовало. Все смотрели на начальника отделения.

— Правом, данным мне Главным госпиталем, — не растерялся Владимир Борисович, — объявляю вас здоровыми... тыфу ты, мужем и женой.

Почти сразу же после этих слов к Харебе подошла Татьяна, шепнула:

— Простите, но...тяжелого привезли, полстопы нет!

— Ничего, сделаем ему стопу!

И опять была операция, и опять продолжалась она не один час. Когда после нее Владимир Борисович зашел в свой кабинет, Татьяна Буянова сказала:

— Вы железным человеком Мишу сегодня назвали, но, если честно, железнее вас я еще никого не видела.

В НЕБЕ КAVКАЗА

Закрылся люк, заработали лопасти, и вертушка взмыла в моздокское небо. В чреве прославленной "мишки", помимо летчиков, находилось еще четыре человека: двое врачей Главного госпиталя ВВ — полковник Андрей Ткаченко и медсестра Елена Яброва, летевшие на смену своим коллегам в недавно освобожденную Ханкалу, и два офицера из группировки. Несмотря на шум двигателей, пассажиры успели познакомиться и вели обычную беседу.

— Был у нас полковник Олег Харьковской, — рассказывал Андрей

Ткаченко новым знакомым. — Надо сказать, хирург от Бога. Сын у него офицер, в 6-м отряде спецназа служил. В 1996 году так получилось, что их командировки в Чечню совпали. И только вышел Олег из полевой операционной, как ему сообщают: мол, так и так, сына твоего под Новогрозненским ранили. Представляете состояние отца? А он ничего, продолжал принимать новых больных, как будто ничего не случилось. Уже в Москве он рассказал нам, как было тяжело у него на душе. Сейчас он в 17-ю городскую больницу перевелся.

В самый разгар разговора вертушку прошла очередь из ЗУ. В кабине пилотов осыпалось стекло.

Несколько секунд понадобилось Андрею, чтобы прийти в себя. Вокруг него было много крови. Один офицер лежал без ноги, второй был сильно ранен. Елена потеряла сознание — контузия.

— Так, — принял на себя командование полковник Ткаченко. — Разворачивайте вертолет, идем обратно в Моздок. Ребят надо спасти.

Андрею не раз приходилось проводить операции в экстремальных условиях, в том числе и под огнем боевиков, но в подбитой машине это было предельно сложно.

Обернувшись к Лене, он поднес к ее носу вату с нашатырем:

— Жива? Ну и ладушки. Быстро каплевницу, шприцы, обезболивающее и жгуты, — распорядился Андрей. Операцию пришлось делать в воздухе. Лена пару раз теряла сознание, но доктор быстро приводил ее в чувство. Через некоторое время раненый вертолет сел около госпиталя. Висевшую на волоске жизнь офицеров удалось спасти. Позднее Елена и Андрей были награждены орденом Мужества.

...В начале мая в Главном военном клиническом госпитале открывается новый блок. Он будет оснащен самым современным оборудованием, что позволит врачам делать самые сложные операции. В этот же день распоряжением начальника госпиталя генерал-майора Сергея Чадова будет отмечена пятидесятая годовщина образования учреждения.

Иван ДЕНИСОВ

Фото автора

Новая рубрика

Тема эта не нова, если не сказать ещё категоричнее — стара как мир. Рано или поздно каждый офицер, слава Богу, оставшийся живым на войне, увольняется по разным причинам в запас или вовсе уходит в отставку. И каждому отпущено по-разному в жизни гражданской: кому малые, кому долгие лета, одному скромная офицерская пенсия, другому нехлопотная, но денежная должность в "структуре", "фирме", "конторе", один напрочь забыл свою службу (а может, и вспомнить нечего?), другой просыпается ночами и "воюет с духами" под зубовный скрежет...

Если следовать утверждению Максима Горького о том, что публицистика есть духоподъёмная статья, то, открывая в войсковом журнале новую рубрику, мы ставим перед собой задачу — рассказать на конкретных судьбах о жизни наших боевых товарищей разных возрастов на гражданке и показать, что жизнь не окончена, когда офицер вешает китель в

шкаф. И вовсе не обязательно утверждать при опубликовании очередной житейской истории, очерка или зарисовки, что "его пример — другим наука". Наш офицер — русский, советский, российский — по определению уже личность умудрённая, хотя бы трёх-пятилетним обучением в военном училище. А уж если за его плечами годы службы, служебная (пусть не всегда высокая и крутая) лестница, гарнизоны, бои и походы, то... К такому вполне применима крылатая фраза М. И. Драгомирова: "Если офицер не сделает, то и никто не сделает".

Тем интереснее заняться более пристальным изучением предмета человека, самому перешедшему в категорию офицеров запаса. Если в гражданских газетах нет-нет да и появится рубрика "Журналист меняет профессию", то в нашем случае журналист профессию не сменил. Только военную должность "начальник" сменил на более "вольготную и просторную" — "обозреватель". В первой же командировке в войска в новом качестве я нашёл и подходящий персонаж для новой рубрики.

Подполковник запаса
Олег КУБЯКИН:

**"МОРТОВЦА
МАНДАРИНАМИ
ИЗ МЕНЯ**

НЕ ВЫШЛО"

ЖИЗНЬ не раз бросала его (а порою и сам он решался на это) в крутые виражи, штопоры, сумасшедшие пике... И не только на военной лётчицкой службе, но и на гражданской.

Вся его жизнь с малых лет прошла в авиационных гарнизонах. Но он не кривит душой перед журналистом, когда всерьёз остерегает нас от привычного штампа о пресловутой романтике неба: "Не было ро-

мантики, но не было и сомнений в выборе профессии". Просто они, сыновья военных лётчиков, иной судьбы для себя не видели. Отец его, тоже подполковник в отставке, пролетал свои тридцать лет над Украиной, Венгрией, Чехословакией и даже над сирийской долиной Бекаа. И тесть — военный лётчик, и брат жены. Да и жена Ирина Анатольевна, старший прапорщик, сейчас служит в авиационном подразделении внутренних войск. Сло-

вом, небо, которое на всех одно, оно и широко, и высоко. Правда, не всегда безоблачно...

В Афгане майор Кубякин совершил 160 боевых вылетов. Их полк истребительно-штурмовой авиации выполнял привычные задачи: поиск и уничтожение душманских караванов с оружием и боеприпасами, поддержка пехоты и прочих "земных" шурави, нанесение бомбово-штурмовых ударов по заранее обозначенным целям.

Воевали они хорошо. Правда, двое из полка погибли. Сашка Иванов, замполит эскадрильи, работал ночью по каравану. А афганские ночи непроглядные. Это ведь не над Европой летать... Ночь безлунная, внизу — ни огонька. Работали без всяких методик, наудачу. В тот раз удача от комиссара отвернулась. Ещё погиб офицер штаба полка, “секретчик”, который был просто пассажиром на Ан-12. Советский самолёт “духи” сбили меткой “Стрелой” советского же производства...

Попадал в переделки и майор Кубякин. Однажды взлетали парой, и сразу после отрыва от бетонки он почувствовал неведомый никогда прежде толчок, его “сушку” кинуло на ведомого. Полёт продолжили. Отработали результативно. А когда вернулись, услышали с земли, что на полосе обнаружили какие-то ошметки резины. У него в момент взлёта лопнуло колесо! Сел благополучно, по его собственному выражению, “на железо”...

С большим опытом, с заслуженной рубиной Красной Звездой на груди вернулся майор Кубякин в Закавказье, где продолжил службу до того дня, когда враз “сбили” весь их полк (да, пожалуй, всю Советскую армию контузили-разметали) залпом из Беловежья. Офицерам дали недвусмысленно понять: “Ребята, идите, куда хотите”. И здесь тоже не было разработанных методик поведения в нештатной ситуации.

Боевой лётчик подполковник Кубякин нашёл место в калужском учебном авиационном центре ДОСААФ, где дослужился до заместителя начальника. Но “процесс пошёл” — уничтожали и армию, и тех, кто ей добровольно содействовал. Олег Юрьевич с горькой улыбкой произносит: “Сейчас молодёжь ДОСААФ не помнит, а РОСТО не знает”.

Приехал в родной Краснодар. А тут безработных лётчиков!.. Со всех краёв слетелись истребители-штурмовики, ПВОшники-перехватчики, стратеги-дальники, транспортники, вертолётчики...

Пришёл в дивизию оперативно-назначения внутренних войск, прослышав, что в ВВ есть своя авиация. Оказалось, что в тамашней эскадрилье перспективы его служебного роста и получения жилья близки к нулю: 99,9% офицеров

На снимке: подполковник запаса Олег КУБЯКИН во время открытия военно-патриотического клуба при краснодарском городском совете РОСТО ленточку перерезает вместе с депутатом городской Думы Александром ЖИХАРЕВЫМ.

— льготники в очереди на жильё, все прошли через Афган, Чернобыль, а должность подполковнику-фронтовику предложили старшей лейтенантской. Ушлый кадровик, которому надо было укомплектовать дивизию, назвал фантастически-завлекательно прозвучавшую аббревиатуру — АЗДН. В артиллерийско-зенитном дивизионе на вооружении были 120-мм миномёты, зенитные установки ЗУ-23 да ещё СПГ-9 — станковые противотанковые гранатомёты. Кадровик хлопнул по плечу новоиспечённого начальника штаба взвёзнных артиллеристов: “Да не робей, подполковник, справишься!” Олегу Юрьевичу в который раз пришлось горько отшутиться: “Эх, где наша не пропадала! Были “сушки”, будут “зушки”.

В жизни его всегда выручали искренний интерес к новому делу, пылливость ума, оптимизм. Но здесь смутило другое — всю свою прежнюю службу он, боевой лётчик, не имел в подчинении... ни од-

ного солдата. В авиации ведь как: тебя всему досконально обучат, примут зачёты, потом допустят к самостоятельной работе. Лети, как говорится, голубь, но ежели чего...

Попросился он на штабную работу. Кадровики и тут сработали оперативно — в прямом и переносном смысле: предложили должность “уже” майорскую — старшего помощника начальника оперативного отделения в штабе дивизии. Правда, забыли дочитать её окончание “... по ВОГ”. Что такое “войсковая оперативная группировка”, наш лётчик узнал уже на следующий день, когда ему приказали вылететь (нет, не за штурвалом) в прифронтовой Моздок. Было это до чеченских событий, но Северная Осетия и Ингушетия уже взялись за оружие. Войсковые оперативные группы внутренних войск, офицеры комендатур в горячих точках работали посменно. В первой командировке на Кавказ подполковник Кубякин больше присматривался,

прислушивался, стараясь понять и природу межнациональных конфликтов, и психологию офицеров внутренних войск, уже поднаторевших в ходе ферганских, карабахских, бакинских событий, и, естественно, тактику действий, место и роль своих новых ВВ. Во вторую командировку Олег Юрьевич ехал уже вполне подкованным — даже к своим рабочим картам и цветным фломастерам он относился теперь с особым пиететом. И в ситуациях крайне опасных уже не терялся. Будучи заместителем коменданта Пригородного района в предместьях Владикавказа, однажды сопровождал машину с хлебом в посёлок Карца, где проживали ингуши. Проехать несколько километров по территории Осетии ингушу-водителю, хоть и под охраной спецназа ВВ, что минное поле преодолеть. Нерегулируемый переезд через железнодорожную ветку оказался тем самым камнем преткновения, о который чуть было лоб не расшибили. Паровоз тут манёвры совершал едва ли не раз в год. Вот и в тот осенний день вылез, что ёжик из тумана. Первый БТР успел миновать рельеф, а грузовик-хлебовоз... Словом, межнациональное ДТП, чреватое кровавой расправой. Замкоманданта подполковник Кубякин, пожалуй, впервые столь остро осознал своё предназначение — быть щитом меж двух огней. Где теперь тот бедолага-ингуш, Бог весть. Просит ли он своего Аллаха о продлении лет спасителя своего?..

А боевой лётчик-«афганец» проникся особым чувством к парням в краповых беретах. Сегодня его сын, старший лейтенант милиции, тоже уже съездивший в «горячие» командировки, носит такой же знак отличия взвэшной доблести. Кто-то, а уж отец-то знает этому цену...

В воздухе уже пахло новой грозой. Тучи сгустились над Чечней, и он, налетавший десятки часов над горами — и афганскими, и закавказскими, понимал, что смерчи и камнепады здесь будут смертельными. Вспоминал-рассказывал, что ни один ротный в Афгане не вёл колонну без авиационного прикрытия, без авианаводчика, сидящего рядом. Новые же его сослуживцы пребывали в каком-то азартно-возбуждённом предвкушении, дескать, уж мы дадим этим абрекам!.. Мало было таких, в основном из офицеров среднего звена, некото-

рые бывшие «афганцы», которые не позволяли пустого бахвальства-зубоскальства, чаще задумывались и внутренне как-то подсобрались. Увы, наверху даже «афганцы» грозили взять Грозный десантным полчком... Он уволился в запас, честно исполнив сполна, что было на его военном роду написано.

На пенсии сидеть не смог. Наглядился на своих ровесников, которые, кто в воспоминаниях ностальгических, кто в праздном ничегонеделании, кто в доминошно-гаражном пьянстве опускались всё ниже и ниже. Он же, лётчик-истребитель, привык чётко определять высоту, ниже которой уже... Как у того Сашки Иванова в Афгане...

Позвали в таможду. Год на оперативной работе, боролся с нарко-торговцами... Потом согласно мудро-перемудрёным законам-уложениям ему сказали: «Либо отказывайся от своей военной пенсии и мы присвоим тебе специальное звание, от которого начнёшь новый отсчёт, либо...» Он выбрал второе «либо», что для него тоже означало очередную неизвестность.

А перестройка всю шумелопенилась: движения и партии вылезали как грибы после дождя, и поди разберись, где добрые, а где отравы. Офицеры, в большинстве своём народ правильный, государственный, объединялись на какие-то общественно полезные дела. Они приучались к новой жизни. В местном университете он получил юридическое образование. Попробовал заняться честной коммерцией. Оказалось, что для него, всю жизнь учившегося на истребителя врагов Отечества, торговля цитрусовыми, да ещё на юге, противопоказана. Ватага из «братской» соседней республики подошла в первый же день: «Ты откуда здесь взялся, камандыр?» Биографию свою Олег рассказывать не стал, но по его взгляду, наверное, поняли, что не из барыг он, на «их» рынок попал... Не тронули они его. Но снова пришлось искать работу...

ДОСААФ, как оказалось, имеет притягательную силу. Андрей Мартынов, его друг и единомышленник, был начальником аэроклуба (ныне он заместитель председателя краевого совета РОСТО по авиации). Он-то и вернул Кубякина к родным пенатам, в президенты краевой федерации авиационного спорта. Даже авиасалон «Краснодар-Авиа»

провели, который в программе «Время» вся Россия увидела.

Сегодня подполковник запаса Олег Юрьевич Кубякин возглавляет городской совет РОСТО. Принимал в своё время печать и тощую папочку с невнятными документами. Стал думать, какие есть двигатели, в каком они состоянии, как их запускать. Стрелковые тиры (ему ещё пришлось доказать право РОСТО на них) не работали. Их сдал в аренду, а взамен создал передвижные. Заполучил подвал одного из общежитий, где оборудовал спортивный и тренажерный залы, начал создавать кабинет военно-патриотического воспитания, музей РОСТО, на очереди — стрелковый тир. Есть задумка создать велодром — велозкстрим сейчас у подростков в моде.

В молодёжном военно-патриотическом клубе при горсовете РОСТО сейчас занимаются 120 мальчишек и девчонок. Бокс, самбо, восточные единоборства — для начала. Уже купили акваланг. В отряде начальной военной подготовки — своя программа. Из этих пацанов надо сделать воинов.

Деньгами для начала помогли местные депутаты, комитет по делам молодёжи, крайсовет РОСТО купил тренажёры, ещё получили муниципальный грант на военно-патриотическую работу. Управление образования города оплачивает три ставки преподавателей физкультуры.

Первичек пока с полсотни, но они, без денег, без матбазы, пока слабоваты. Однако Кубякину не привыкать начинать новое дело с нуля. Как не привыкать и находить просвет в самой крошечной тьме. Было дело — промахнулся он на своём Су-17, не вписался во взлётку. Топливо на нуле. А тут по злему афганскому обыкновению поднялась пыльная буря. Нырнули на ошупь, как казалось, на искому бетонку. Но самолёт (и не только кубякинский) вынесло за... Все остались целы, «сушки» тоже. Назавтра боевую работу продолжили. Так и сейчас...

**Полковник запаса
Борис КАРПОВ,
обозреватель,
член Союза писателей России**

— Слышал? Николаич-то наш уже полковник!

Весть о досрочном присвоении звания Виталию Шевченко облетела его сослуживцев за какой-то час. Приказ министра, подписанный аккуратно под Новый год, удивил и обрадовал не только офицеров и солдат полка связи Московского округа внутренних войск, служивших под началом новоиспеченного тридцатитрехлетнего полковника, но и многих других, даже тех, кто лично не знал Виталия Николаевича.

— Видать, толковый командир, — с уважением заметил оказавшийся в округе в этот день отставной полковник-ветеран. — Уникальный, я бы даже сказал.

Старый фронтовик не подозревал, насколько точными были его слова.

ТРИ ПОВОРОТА В ОДНОЙ СУДЬБЕ

Стать военным он мечтал с детства. Только в отличие от сверстников, стремящихся в летчики или десантники, Виталий выбрал связь. Влюбленный в технику с раннего детства, с пятого класса занимавшийся в радиокружке при Доме пионеров, он не мыслил себе иного рода войск. К моменту окончания школы было выбрано и место будущей учебы — Орловское высшее командное училище связи КГБ СССР.

Однако с первого захода поступить не удалось. Не улыбнулась удача и через год — несмотря на усердие и настойчивость, Виталий и в этот раз не смог преодолеть высокий вступительный балл. Мечта осуществилась лишь с третьей попытки, уже после срочной службы.

Учеба давалась Виталию легко. Знания и навыки, приобретенные за годы службы радиотелеграфистом на пограничной заставе под Батуми, позволяли ему без особого напряжения получать твердые четверки. Казалось, еще минимум усилий, и Шевченко выйдет в отличники, только вот он сам, на удивление многим, не гнался за лишним баллом, а скрупулезно изучал науку.

Возможно, в последующем эта черта — стараться ради дела, а не для галочки и отчета перед начальством — во многом предопредели-

ла судьбу молодого офицера, когда, откомандовав три года взводом связи в Калуге, Шевченко был неожиданно назначен на вышестоящую должность в орловский учебный полк внутренних войск. Назначение стало неожиданным не только для сослуживцев Виталия, но и для него самого, только-только вернувшегося из Чечни.

На новом месте Виталия встретили холодно. На должность начальника связи претендовали многие, в том числе и седовласые майоры, потому назначение "сверху" никому не известного старшего лейтенанта стало громом среди ясного неба.

"Видать, у парня мохнатая лапа имеется", — решили в полку.

С первых дней молодой офицер оказался под пристальными и порой не совсем доброжелательными взглядами сослуживцев. Однако вычислить "влиятельного покровителя" старшего лейтенанта так и не удалось, а вскоре и отношение офицеров полка к новому начальнику связи кардинально изменилось.

Приняв должность, Шевченко сначала не знал, за что хвататься и с чего начинать. В первый же день командир полка поставил перед ним, как казалось тогда, практически невыполнимую задачу: создать современную учебную базу для подготовки связистов.

Это означало, по сути, что надо заново отстраивать учебные классы. А как? Где, скажите, взять краску, цемент и прочие материалы? Тренажеры да современные средства связи откуда прикажете откопать? А на дворе стоял, между прочим, девяносто пятый год. Напомню, что это было, наверное, самое тяжелое время для людей в погонах: только одной зарплаты служивый люд не видел тогда по несколько месяцев кряду, а большинство частей и вовсе сидело на голодном пайке, ломая голову, чем кормить солдат. А тут — какая-то учебная база!

И все же выход был найден. Днем Шевченко и служившие под его началом офицеры и прапорщики вместе с

солдатами вкалывали на окрестных предприятиях и товарных станциях, добывая средства на строительство и оборудование будущих учебных мест. А после, возвращаясь в часть, вновь превращались в строителей, прорабов, инженеров и архитекторов, отстраивая свои будущие рабочие места.

Еще одной проблемой, с которой столкнулся Шевченко, были отношения с новыми подчиненными. Командиры рот — майоры, прослужившие и повидавшие в жизни много больше своего двадцатишестилетнего начальника, вначале поглядывали на него свысока. Вдобавок ко всему среди взводных было немало однокашников по училищу, с кем еще три года назад Виталий получал офицерские погоны. Что скрывать, попервости трудно было Шевченко командовать ими и тем паче заставлять их вкалывать наравне с собой.

"Ради кого надрываемся-то, Виталий? — порой в лоб спрашивали его друзья-подчиненные. — Ты, никак, выслужиться перед начальством решил?"

"Не "ради кого", а "ради чего", — отвечал им бывший однокашник. —

Ради дела. Чтобы мы потом самих себя уважать могли”.

Работа была закончена в срок. А буквально через неделю в Орел нагрянул новый главнокомандующий внутренними войсками генерал-полковник Леонтий Шевцов.

...Сразу после доклада командира полка главнокомандующий в учебный корпус, дабы убедиться во всем собственными глазами.

У входа в корпус Шевцова встретил молодой капитан, представившийся начальником связи.

— Что ж, показывай свое хозяйство, — обратился к нему генерал.

В следующие минуты главнокомандующий уже не мог скрыть удивления. Возглавив войска и объехав не один десяток частей, он повидал множество учебных подразделений. Одни соответствовали нужному уровню, в других дела обстояли похуже, но ничего подобного ему, генералу с тридцатилетним опытом службы за спиной, встречать не приходилось. В уютных, идеально отремонтированных классах стояли... компьютеры. Сидевшие за мониторами солдаты самостоятельно постигали азбуку Морзе и другие премудрости войсковой связи. Программы, заложенные в машины, оказались одними из последних, поступивших в находившееся по соседству Орловское училище связи, которое считалось, кстати, лучшим во все времена.

— Спасибо за службу, капитан, — с уважением произнес генерал, пожимая на прощание руку Шевченко.

В тот год орловский учебный полк один из немногих заслужил высокую оценку нового главнокомандующего войсками.

...К новому назначению Шевченко отнесся неоднозначно. С одной стороны — открывающиеся широкие горизонты и перспективы в службе. С другой — за четыре года он полностью освоился в Орле. Учебный центр по подготовке связистов стал одним из лучших в войсках. Изюминкой в день Шевченко совершал самое новейшее оборудование и тренажеры. Да и сам коллектив стал для Виталия второй семьей.

Вдобавок за время службы в Орле Шевченко успел обзавестись жильем, здесь жили и родители его жены. А еще здешние цены были намного ниже, чем в Москве и Подмоскovie, и офицерской зарплаты хватало пусть не на роскошное, но

вполне обеспеченное существование.

И вдруг — перевод в софринскую бригаду.

Шевченко вызвали в Москву.

— Так что, капитан, не хочешь в Софрино? — Командующий войсками округа генерал-полковник Аркадий Баскаев испытующе взглянул на стоявшего перед ним Шевченко. — Что ж, понимаю. Однако надо тебе соглашаться. Нужен ты там, пойми. Мы ведь с тобой люди государственные...

— Надо, значит, надо, — коротко, по-военному согласился с генералом Виталий.

Через три недели Шевченко уже принимал должность начальника связи бригады, с которой спустя неполные полгода был командирован на Кавказ.

... Почти все, кто побывал на войне, знают, что от организации связи зависит порой судьба целых подразделений. В эту войну софринцам повезло, что за связь отвечал не кто иной, как майор Шевченко. Все помнят, как из-за несогласованности между внутренними войсками и армейцами, и в первую очередь из-за отсутствия связи, наступавшие подразделения зачастую накрывали огнем своих же. Поэтому перво-наперво Шевченко наладил связь между бригадой и соседними подразделениями Минобороны.

Педантичность начальника связи помогла однажды и комбригу.

...Товарищ генерал, я все же считаю целесообразным отложить наступление до утра.

Спорить с начальством — занятие не из благодарных и почти всегда безнадежное. Однако командир бригады полковник Геннадий Фоменко все же попытался переубедить руководившего операцией вышестоящего армейского генерала. Гнать бригаду на ночь глядя в кишачий боевиками город означало почти стопроцентно угробить людей и технику. Подобное уже случалось. Пять лет назад в новогоднюю ночь в Грозном погибла майкопская бригада. Повторять ее судьбу не хотелось, поэтому Фоменко настаивал до последнего на переносе штурма хотя бы на утро...

— Выполняйте приказ, полковник! — неумолимо отчеканил в эфир генерал.

В заданный квартал софринцы двинулись ближе к полуночи. Про-

шли частный сектор, вышли на девятую линию, к темневшим впереди пятиэтажкам. Вокруг тишина, хуже которой, как известно, на войне ничего нет...

Она кончилась внезапно, взорвавшись грохотом разрывов и треском очередей. Ползший впереди танк судорожно дернулся, и спустя мгновение мощный взрыв оторвал башню, пламя охватило истребительную машину. Другой танк, ползший сзади, был подбит мгновением позже.

Фоменко, один из немногих сохранивший холодный рассудок, мгновенно нашел верное решение:

— Танки, “зушки” — на прямую наводку!

Ответный огонь софринцев отбросил боевиков назад. Однако к подбитому танку, за который, как за единственное укрытие, сползли оставшиеся в живых бойцы, подобраться не удалось. Здесь был бесценен даже комбриг — отдать подобный приказ означало послать остатки уцелевших людей на верную гибель. И все же один из солдат, механик-водитель БМП, нашел выход из смертельного тупика.

Под шквальным огнем боец сумел подогнать свою “бэжу” к бездвигательному танку. Выскочив через десантный отсек, загрузил убитых и раненых. Не обращая внимания на свистящие вокруг пули, нырнул обратно в машину и рванул прочь, исчезая в темноте из-под “духовских” прицелов.

Он совершил еще четыре подобных ходки, вызволив из огненного мешка всех, кто оставался на том смертельном пятчке. А спустя несколько часов, когда софринцам все же удалось выбить “духов” из злополучного квартала, отважного механика достал-таки чеченский снайпер.

Через пару дней состоялся “разбор полетов”. Генерал, отдававший приказ на ночной штурм, попытался было открититься от своих слов, переложив вину за потери на полковника Фоменко. От несправедного суда будущего Героя России спас тогда... “бюрократизм” начальника связи. Дотошный майор Шевченко приучил своих подчиненных фиксировать в аппаратный журнал все, что хоть на миг возникло в эфире. Среди множества записей отыскался и генеральский приказ...

После была Алхан-Кала, затем снова Грозный. А еще спустя несколько месяцев в судьбе Шевченко произошел очередной поворот.

Отдельный батальон связи Московского округа внутренних войск Шевченко принял в августе 2000 года. Ознакомившись с вверенным хозяйством, выяснил реальное положение дел. А оно оказалось не лучшим. В народе про такой порядок говорят: "Куда ни кинь, всюду клин". Но майор не стал сокрушаться и винить своих предшественников, а, привычно засучив рукава, взялся за дело.

Первая проблема возникла с некоторыми офицерами батальона. Привыкшие работать по старинке, они не понимали, зачем что-то совершенствовать. Ведь всегда можно быстренько уметь описать, переложив с себя ответственность на кого-нибудь еще... С некоторыми из таких вот начальников Шевченко пришлось расстаться. Других же, действуя собственным примером, удалось повернуть к службе лицом, научить творческому подходу к решению поставленных задач.

Не лучшим образом обстояли дела и с дисциплиной. С начала года в батальоне было совершено восемнадцать преступлений, в основном на почве пресловутого "неуставняка". Причина оказалась стара как мир: командиры подразделений, не желая выносить сор из избы, скрывали до последнего похождения своих подопечных.

Шевченко же действовал с точностью до наоборот. Не страшась "строгачей" и прочих нагоняев, с ходу отдал под суд нескольких окончательно распоясавшихся бойцов, а с остальными на пару со своим заместителем подполковником Александром Шаровым поговорил напрямую, разъяснив, что места в зоне и в дисбате хватит всем, кто не желает жить по-человечески.

Следующей задачей стало приведение в божеский вид солдатских казарм. Здесь снова пригодился орловский опыт, и вскоре в расположения рот вернулся забытый домашний уют. Заодно удалось сменить всю устаревшую сантехнику и отопительную систему, которая прежде выходила из строя два-три раза за зиму.

Но все же основным делом была организация дежурств на узле связи. Первым новшеством Шевченко стала невиданная нигде доселе аппаратура контроля каналов связи.

Вместо устаревших приборов и порой не всегда качественно обученных солдат работоспособность этих самых каналов дальней связи контролирует теперь компьютер, заблаговременно оповещающая о неисправностях в сети. Подобного нет не только в войсках, но и в Вооруженных силах.

Следующей новинкой явились опять же компьютерные тренажеры, вдобавок к азбуке Морзе и прочему обучающие солдат... вождению автомобиля. Садится воин в кабину списанного "уазика" и едет по заданному маршруту, который отображен на мониторе.

Творениям подполковника Шевченко удивлялись и преподаватели Санкт-Петербургской академии

связи. Кто-то из них даже посочувствовал ему: дескать, на другой должности ты бы давно уже докторскую защитил! А он, сдав сессию, вновь возвратился в родной батальон, который к этому времени развернули в полк. К слову сказать, решение о создании на базе отдельного батальона связи полка было принято в связи с реорганизацией системы управления войсками. В Московском округе на вооружение взяли принцип централизации средств управления, объединив разрозненные подразделения в единый организм. Так появился уникальный по своему составу и технической оснащенности полк связи. При выборе кандидатуры на должность командира у командующего войсками округа сомнений не возникло — Шевченко.

Уже в новом качестве Виталий Николаевич отличился на сборах оперативно-командного состава Главного командования внутренних войск. На них связисты привлекли к себе внимание руководства войск не только новейшей техникой и прочими творениями своего командира, но и тем, что полевой узел связи, прибыв для подготовки к показательным занятиям в софринскую бригаду, оперативно, с максимальным комфортом разместил личный состав. Подобного многие командиры не встречали даже в современных казармах пунктов постоянной дислокации, а уж полевая кухня связистов запросто могла дать фору иной стационарной столовой. В конце концов все, от солдат соседних частей до генералов из Главного штаба, столовались у Шевченко. Как всегда, его полк оказался в авангарде по всем показателям. А под конец сборов Виталия Николаевича лично отметил главнокомандующий армией Вячеслав Тихомиров, приказав подготовить представление на досрочное присвоение подполковнику Шевченко очередного воинского звания.

Стрелки часов приблизились к двадцати двум. За окном давно утихли звуки шагов, зычные команды офицеров. Тишина воцарилась и в коридоре штаба. Ее нарушала лишь едва слышная работа рации в полковой дежурке.

Шевченко вновь взглянул на часы и выключил монитор. Несмотря на усталость, он был доволен минувшим днем. Помимо удачного решения каждодневных командирских проблем, ему удалось выкроить время для очередной главы диссертации, которую он пишет отнюдь не для удовлетворения собственных амбиций. Виталий Николаевич убежден, что его наработки принесут практическую пользу войскам. Лишь одно обстоятельство кольнуло сердце полковника запоздалым чувством вины — накануне он обещал жене и дочке вернуться пораньше...

**Лейтенант
Константин АЛЕКСЕЕВ**
Фото из личного архива
Виталия ШЕВЧЕНКО

2 мая 2003 года исполняется 65 лет Северо-Кавказскому военному Краснознаменному институту внутренних войск МВД России. Наш рассказ — об истории и сегодняшней жизни военного вуза.

Начальник Северо-Кавказского военного Краснознаменного института внутренних войск МВД России полковник Владимир Богатыренко:

“Мы гордимся нашими выпускниками!”

— Товарищ полковник, с какими достижениями коллектив института встречает знаменательную дату?

— Северо-Кавказский военный Краснознаменный институт внутренних войск МВД России сформирован на базе пехотного отделения Ново-Петергофского военного училища НКВД им. К.Е. Ворошилова, которое было переведено в г. Орджоникидзе и получило наименование “Орджоникидзевское военное училище пограничных и внутренних войск НКВД им. С.М. Кирова”.

Первый выпуск офицеров из стен училища был осуществлен 18 сентября 1938 года, а всего за 65 лет в военном институте произведено 127 выпусков. Из них 97 — ос-

новных и 30 — экстерната, к этим цифрам можно прибавить и 18 выпусков курсов усовершенствования офицерского состава. Институтом подготовлено и выпущено в войска свыше 26 тысяч офицеров и произведена переподготовка более двух тысяч. За период прохождения службы в войсках более 150 выпускникам института присвоено высшее офицерское звание — генерал. Многие из них занимали и занимают ответственные должности в различных силовых структурах Российской Федерации и странах ближнего зарубежья.

За мужество и героизм семи воспитанникам вуза было присвоено звание Героя Советского Союза. В послевоенное время, выполняя

Визитная карточка. Полковник Богатыренко Владимир Степанович родился 13 июня 1957 года. В 1978 году закончил Орджоникидзевское высшее военное командное Краснознаменное училище МВД СССР имени С.М. Кирова, Военную академию имени М.В. Фрунзе — в 1987 году. Проходил службу в должностях: командира взвода, заместителя командира роты по политической части, курсового офицера, преподавателя ВПУ, командира батальона, заместителя командира полка. С 1989 года в ОВВКУ ВВ МВД СССР на должностях: преподавателя, старшего преподавателя, командира батальона курсантов, заместителя начальника военного института. Доцент кафедры тактики. Кандидат педагогических наук. Награжден именным оружием и девятью медалями.

ответственные служебно-боевые задачи, Героями России стали двадцать наших выпускников. Один из них, капитан Виктор Величко, продолжает службу в батальоне обеспечения учебного процесса нашего института.

Курсанты и офицеры института принимали активное участие в спецкомандировках по разрешению международных конфликтов в Фергане, Самарканде, Сухуми, Тбилиси, Карабахе, дважды в Сумгаите, Баку и Ереване, выполняли и продолжают выполнять служебно-боевые задачи в составе группировки внутренних войск МВД России в Северо-Кавказском регионе.

У нас очень хорошая учебно-материальная база. Учебные классы и

лекционные залы отвечают всем современным требованиям. Практические навыки курсанты получают в учебном центре института, который по праву можно назвать одним из лучших среди всех военно-учебных заведений. К тому же только в нашем институте оборудованы учебные места для занятий по горной подготовке.

С 1954 года в институте действует Музей воинской славы и истории института, преобразованный в 1978 году в филиал Центрального музея внутренних войск. За почти полвека наш музей посетили более 100 тысяч человек.

За 65 лет в институте сложились глубокие традиции, сформировался высокопрофессиональный профессорско-преподавательский коллектив, способный готовить квалифицированные офицерские кадры для внутренних войск МВД России, отвечающие современным требованиям.

— Все высшие учебные заведения раз в несколько лет проходят обязательные лицензирование и аккредитацию, проводимые Министерством образования России. Одним из важнейших факторов в этом является качественный состав профессорско-преподавательских кадров.

— В настоящее время научный потенциал института составляет 38 процентов. В институте работает 8 докторов наук, 24 кандидата наук, 7 профессоров, 54 доцента. Кроме того, 9 человек являются адъюнктами и аспирантами заочного обучения, 2 — соискателями ученой степени доктора наук и 10 — соискателями ученой степени кандидата наук.

В институте созданы все условия для творческой научной деятельности. С сентября 2002 года сотрудниками института защищены 1 докторская и 3 кандидатские диссертации.

В этом году представители института участвовали в работе 2 международных, 4 всероссийских, 2 региональных и 5 межвузовских конференций. Опубликовано более 50 статей, тезисов докладов и выступлений. В настоящее время готовится третий выпуск сборника научных трудов научно-педагогического состава нашего института. Подготовлено 17 учебных и учебно-методических пособий.

— Главнокомандующий внутренними войсками в приказе на 2003 год указал: распределение выпускников высших образовательных учреждений высшего профессионального образования и их назначение осуществляться с учетом плана строительства внутренних войск и в интересах воинских частей оперативно, специального назначения, разведывательных и учебных частей. Как это отразилось на учебном процессе и итоговых государственных экзаменах? В какие части направляются ваши выпускники?

— Действительно, образовательный процесс в институте в настоящее время осуществляется с учетом плана строительства внутренних войск. Я могу сказать, что в этом году в экзаменационные билеты по итоговому междисциплинарному экзамену по специальности включены вопросы по специфике служебно-боевой деятельности командиров взводов оперативного, специального назначения, разведки и учебных частей.

Наши выпускники будут распределены в основном в Северо-Кавказский округ — 34%, в Московский — 23%, в Северо-Западный — 25% и в ОДОН — 11%. Остальные поедут в военные институты и части непосредственного подчинения.

— Несколько лет назад, будучи министром внутренних дел, генерал армии Куликов сказал, что это училище — одно из лучших и ему нужно придрать спецазовский уклон. В связи с этим хочется спросить, есть ли различия в подходах к обучению курсантов у вас и в других институтах внутренних войск, в частности, при подготовке спецвзводов?

— Действительно, с 1999 года один курс занимается по программе подготовки командиров разведывательных взводов и взводов специального назначения. Курсанты этих подразделений наиболее подготовлены в физическом отношении, умеют в совершенстве владеть стрелковым и холодным оружием, приемами рукопашного боя и специальными средствами ведения разведки.

Кроме того, все практические занятия по тактике и тактике внутренних войск проводятся в горно-лесистой местности, в том числе по

горной подготовке и скалолазанию. Руководителем этих занятий является старший преподаватель кафедры физической подготовки и спорта подполковник В. Кореньков дважды побывавший на высочайшей вершине мира Эвересте. Курсанты на этих занятиях приобретают хорошие навыки действий в горах, что пригодится им в дальнейшей службе, особенно в Северо-Кавказском регионе и Чеченской республике.

— Одним из важнейших показателей работы военного образовательного учреждения является качество службы выпускников в войсках. Какие отзывы приходят из войск в адрес института о службе лейтенантов-кировцев?

— К 1 декабря ежегодно из округов и соединений внутренних войск командирами частей направляются отзывы на наших выпускников, исходя из которых мы делаем выводы и при необходимости меняем вектор в обучении курсантов.

К нашей гордости, проведенный Главным командованием внутренних войск в прошлом году анализ показал, что лучшие результаты по качеству выполнения своих служебных обязанностей имеют наши выпускники. В частности, отмечается высокий уровень профессиональной подготовки, знание материальной части вооружения и боевой техники. Они лучше и быстрее других офицеров входят в жизнь войск. Среди выпускников-кировцев наименьший процент уволенных с военной службы. Наибольший должностной рост отмечен также у выпускников Северо-Кавказского военного Краснознаменного института, более 20 % назначены на вышестоящие должности, а 17,6 % находятся в резерве на выдвижение.

— Северо-Кавказский округ не зря называют воюющим, в нем проходит службу большое количество офицеров, имеющих богатый боевой опыт. Используйте ли вы их потенциал в проведении занятий?

— Конечно. Подавляющее большинство наших преподавателей и командиров подразделений выполняли служебно-боевые задачи в Чеченской республике и других горячих точках бывшего Советского Союза и России, что позволяет на занятиях активно использовать бое-

вой опыт подразделений внутренних войск и приводить примеры умелых и решительных действий подразделений в контртеррористической операции на Северном Кавказе. Кроме того, на кафедрах созданы классы и стенды ведения боевых действий в особых условиях, что в значительной степени повышает качество подготовки курсантов института.

Кроме этого в обучении и воспитании курсантов нашего института активно участвуют офицеры штаба Северо-Кавказского округа внутренних войск и оперативной бригады, дислоцирующейся во Владикавказе. Они привлекаются к организации и руководству войсковой стажировкой курсантов 2-го и 4-го

практические навыки там, где скорее всего им придется проходить дальнейшую службу.

— Владимир Степанович, в этом году в вашем и Пермском военных институтах пройдут досрочные выпуски. Как вы оцениваете уровень подготовки курсантов, нынешних выпускников, и способны ли они решать поставленные перед ними задачи?

— Окончательный вывод по подготовке наших выпускников сделает государственная аттестационная комиссия, которая со 2 апреля приступила к приему итоговых экзаменов. Но уже сейчас я могу отметить, что уровень подготовки наших выпускников достаточно высокий. Су-

— В 2002 году конкурс в институт составил 2,4 человека на место, хотя личных дел кандидатов поступило в несколько раз больше.

Однако, согласно требованиям приказа министра обороны Российской Федерации от 20 мая 2002 года № 205 "Об утверждении Инструкции об условиях и порядке приема в военные образовательные учреждения высшего профессионального образования Министерства обороны Российской Федерации", мы имеем права создавать конкурс более трех человек на место.

Наш институт пользуется большим авторитетом и популярностью во всех регионах России, особенно на Северном Кавказе, поэтому у нас нет проблем с отбором на 1-й курс

Начальник штаба БОУП СКВКИ Герой России капитан Виктор Величко

Проводит занятия начальник кафедры обеспечения служебно-боевой деятельности внутренних войск полковник Валерий Ярцев

курсов, а также к проведению занятий на учебно-методических сборах научно-педагогического состава института. Только сейчас в составе государственной аттестационной комиссии и выпускной комиссии на курсах по подготовке младших офицеров работают шесть офицеров из войск.

— Вы упомянули о войсковых стажировках курсантов. В каких частях стажироваются будущие офицеры?

— В течение месяца курсанты проходят войсковую стажировку в частях оперативного назначения, разведывательных и специальных подразделениях, дислоцированных в основном в Северо-Кавказском округе внутренних войск МВД России. Одним словом, они получают

длите сами: из ста семидесяти будущих офицеров подошли к государственной аттестации на "отлично" 41 человек, из них 6 человек — кандидаты на получение золотой медали, а 64 человека — на "хорошо".

Можно с уверенностью сказать, что выпускники института способны решать поставленные главнокомандующим внутренними войсками МВД России задачи по поддержанию высокой боевой готовности войск, укреплению воинской дисциплины, поддержанию твердого уставного порядка, обучению и воспитанию личного состава.

— Показатель престижа вуза — конкурс на вступительных экзаменах. Много ли желающих стать курсантами Северо-Кавказского института внутренних войск?

грамотных, здоровых и физически хорошо подготовленных ребят. Уже сейчас в приемную комиссию института пришло более 60 дел абитуриентов.

— Товарищ полковник, что бы вы хотели пожелать преподавателям, офицерам и курсантам института в канун его 65-летия?

— В канун очередной годовщины хочется пожелать всем крепкого здоровья, успехов в службе, трудовой и научной деятельности. Добра и благополучия вашим родным и близким!

Беседу вели старшие лейтенанты Виктор БОЛТИКОВ и Роман ДУРКАЧ
Фото авторов

СВОЮ историю Северо-Кавказский военный Краснознаменный институт внутренних войск ведет с конца 30-х годов. В связи с нехваткой командирских кадров в войсках НКВД поднимается вопрос о создании еще одного военно-учебного заведения. В преддверии нового, 1938 года нарком внутренних дел подписывает приказ № 157 о реорганизации пехотного отделения Ново-Петергофского военного училища войск НКВД в военное училище по подготовке лейтенантов пехоты численностью в 700 человек.

Но от подписания приказа до его реализации прошло почти полгода. И лишь к началу мая 1938 года училище полностью обособилось в только что отстроенных корпусах в центре г. Орджоникидзе.

2 мая в 12 часов дня огромные металлические ворота училища распахнулись, и под браваурные звуки духового оркест-

из частей войск и других учебных заведений были откомандированы лучшие офицерские кадры, имевшие богатый опыт боевой службы, организации учебного процесса, навыки обучения и воспитания личного состава. Первым начальником училища стал майор Я. Левинсон, а военкомом — военный комиссар М. Тельный. Под руководством опытных офицеров курсанты принялись овладевать военными знаниями.

Август 1942-го стал настоящим испытанием для воспитанников училища. Гитлеровцы отчаянно прорывались на Северный Кавказ. Весь личный состав училища придается орджоникидзевской дивизии войск НКВД. Из молодых офицеров формируется необычная воинская часть — особый мотострелковый полк НКВД. Два батальона были полностью укомплектованы лейтенантами-выпускниками, а третий состоял из курсантов. Командовать полком доверили заместителю начальника училища майору П. Есипову, военным комиссаром назначили капитана Г. Алейникова — заместителя на-

ВЛАДИКАВКАЗСКОЕ КРАСНОЗНАМЕННОЕ...

ра на главный проспект города двинулись колонны курсантов... Так горожане впервые увидели курсантов в форме войск НКВД. Этот первый торжественный марш по улицам южного города стал знаменательным событием, с него началась история училища. А весенний день 2 мая нарком внутренних дел позже объявил официальным ежегодным праздником и днем рождения учебного заведения.

С первых дней пребывания на Кавказе в училище начались напряженные учебные будни, через год должен был состояться первый выпуск молодых лейтенантов. Поэтому к подбору командного и преподавательского состава подошли с особой тщательностью:

Владикавказ был основан в конце XVIII века как крепость для защиты Военно-Грузинской дороги. За время своего существования он несколько раз менял название — Орджоникидзе, Дзауджикау, вновь Орджоникидзе и снова Владикавказ. Но никакие перемены в названии или в руководстве нашей страны не могли изменить его сути — быть ключом к Закавказью. Именно здесь, в самом центре города, располагается один из лучших институтов внутренних войск — Северо-Кавказский Краснознаменный...

чальника училищного политотдела, а командирами взводов, рот и батальонов — преподавателей и курсовых офицеров.

Полк в составе орджоникидзевской дивизии войск НКВД выдвинулся в район селения Гизель. Задача — совместно с соединениями и частями РККА сорвать гитлеровский план "Эдельвейс" по захвату Кавказа.

Офицерский полк стал грозой для врага. Бойцы и командиры сражались храбро, ни на пядь не отступая со своих позиций.

В годы Великой Отечественной войны выпускников училища можно было встретить на всех фронтах. Их подвиги отмечены орденами и медалями, а шести его воспитанникам было присвоено зва-

ние Героя Советского Союза. Среди них: генерал-лейтенант Н. Сташек, из самого первого курсантского набора; подполковник В. Карасев; майор Н. Воронков; лейтенанты Ф. Морин и В. Спирин, а генерал-майор И. Фесин был удостоен высокого звания Героя Советского Союза дважды. В послевоенное время этого высокого звания посмертно было присвоено полковнику Д. Леонову.

Боевой орденом появился и на знамени училища в январе 1968 года. В канун празднования полувекового юбилея Советских Вооруженных сил Президиум Верховного Совета СССР отметил тридцатилетний напряженный труд училища по подготовке квалифицированных офицерских кадров для войск правопорядка орде-

вую песню с такими словами: "И помчатся по рельсам вагоны, развезут молодых лейтенантов..." Тогда их офицерская карьера чаще всего начиналась на Севере, в Сибири, на Урале. Именно туда — в затерянные и забытые Богом лесные поселки, где дислоцировалось большинство конвойных частей и подразделений, лежал путь выпускников училища.

В 1974 году училище получило статус высшего учебного заведения и перешло на четырехгодичное обучение. Выпускникам стали выдавать дипломы общесоюзного образца, в которых указывалась полученная специальность — офицер мотострелковых войск с общим высшим образованием.

С начала 90-х годов подготовка офицерских кадров осуществля-

ются в военном институте действуют четырнадцать кафедр, осуществляющих всестороннюю подготовку командных кадров для оперативных и специальных моторизованных воинских частей, способных успешно руководить воинскими коллективами в любых ситуациях. В том числе и в экстремальных, когда необходимо принимать самостоятельные решения.

В институте сложился дружный, сплоченный коллектив командиров и преподавателей. Неуклонно растет научный потенциал преподавательского состава. Абсолютное большинство педагогов — это высококвалифицированные специалисты, подлинники знатоки своего дела, имеющие за плечами богатый служебный опыт. С них ста-

ном Красного Знамени.

В послевоенные годы училище продолжало подготовку офицеров для внутренних войск. В учебном процессе широко использовался опыт Великой Отечественной войны с детальным разбором на занятиях примеров участия частей и соединений войск НКВД в различных боевых и чекистско-войсковых операциях. Много времени уделялось тактико-специальной подготовке — учебной дисциплине, в которой особое место отводилось изучению приемов и способов охраны исправительно-трудовых учреждений и важных государственных объектов. В 50-е — 70-е годы эти задачи для внутренних войск становились главными. В ту пору курсанты-выпускники пели строе-

ется по пятилетней программе обучения: выпускники в дополнение к военной специальности получают еще и гражданскую — юрист. Необходимость этого продиктована самой жизнью — офицеру войск правопорядка приходится работать с местным населением, следовательно, он должен знать основы юриспруденции, уважать и соблюдать права человека. Ведь войска призваны быть гарантом стабильности в обществе и государстве.

2 июля 1999 года приказом МВД России на основании распоряжения Правительства РФ училище преобразовано в Северо-Кавказский военный Краснознаменный институт внутренних войск МВД России.

раются во всем брать пример нынешние курсанты военного института — офицеры двадцать первого века.

Жизнь требует от людей служивых хорошей физической подготовки. От офицеров в особенности. Спорт в институте был всегда в почете. Очень популярны среди курсантов горная подготовка и альпинизм. Первое восхождение на вершину горы Столовая (Мат-Лам), сурово нависающей над Владикавказом, было совершено личным составом института еще в марте 1939-го. С тех пор это стало традицией: каждый выпускник считает своим долгом окинуть взором окрестности города с высоты орлиного полета.

Ныне горная подготовка явля-

ется одной из приоритетных спортивных дисциплин. Как показал опыт боевых действий и выполнения служебно-боевых задач в Северо-Кавказском регионе, она будущим офицерам просто необходима. Нашим курсантам не раз покорялись Казбек, Эльбрус и другие вершины седого Кавказа. А старший преподаватель кафедры физической подготовки и спорта подполковник В. Кореньков — наш «снежный барс» — неоднократно участвовал в международных высокогорных экспедициях. На его счету в том числе и Мекка всех альпинистов — высочайшая горная вершина мира Эверест.

Золотой фонд любого учебного заведения — его кадры, руководящий и преподавательский состав. Неоценимый вклад в становление,

был начальником штаба внутренних войск МВД СССР. А один из последних начальников военного института генерал-лейтенант В. Светличный ныне возглавляет управление по воспитательной работе ГКВВ МВД России.

Чечня... Четверо наших выпускников, сложивших там головы, стали Героями России. Этого звания удостоены посмертно генерал-майор Н. Скрыпник, старший лейтенант О. Варлаков, лейтенанты А. Зозуля и Е. Рындин. А всего 12 выпускников стали Героями России. Среди них: генерал-полковник М. Лабунец, генерал-майор И. Груднов, полковник С. Лысюк, подполковник А. Крестьянинов, капитан В. Величко и старший лейтенант Е. Остроухов, подполковник А. Савченко, майор С. Гри-

министры внутренних дел Северной Осетии генерал-лейтенант К. Дзантиев и Кабардино-Балкарии генерал-лейтенант Х. Шогенов, командующий внутренними войсками генерал-полковник А. Шкирко; командующие войсками округов: Северо-Кавказского — генерал-полковник М. Лабунец, Московского — генерал-полковник Е. Баряев, Приволжского — генерал-лейтенант М. Змеев, начальники Санкт-Петербургского и Пермского военных институтов генералы М. Тарасов и В. Погорелов. И в силовых структурах ближнего зарубежья немало выпускников-владикавказцев. Это бывший министр внутренних дел Республики Беларусь генерал-лейтенант В. Аголец и бывший командующий национальной гвардией Украины

развитие и совершенствование деятельности военного института-юбилея внесли прежде всего его начальники — генералы И. Ганнусенко, Ф. Бубенчиков, Н. Иванов, Г. Феодоров, В. Дмитрин, В. Светличный. Уже более года учебным заведением успешно руководит полковник В. Богатыренко, выпускник института.

Многие из тех, кто в разные годы возглавлял училище, а в последующем военный институт, не остановились на этом. Например, генерал-лейтенант И. Ганнусенко успешно руководил войсками, дислоцированными на территории тогда еще братских советских республик — Украины и Молдавии. Его преемник генерал-лейтенант Ф. Бубенчиков впоследствии

цук. Их имена золотом вписаны в историю института.

За мужество и героизм, проявленные при выполнении служебно-боевых задач на территории Чеченской республики, орденом Мужества посмертно награжден старший помощник начальника службы арттехвооружения капитан И. Найденов, навечно зачисленный в списки личного состава 3-го батальона.

В войсках Северо-Кавказский военный институт в шутку называют кузницей генеральских кадров. Шутка шуткой, но в ней есть немалая доля правды. Более 120 питомцев института дослужились до генеральского звания. Среди них: бывший министр внутренних дел России генерал армии А. Куликов,

генерал-лейтенант В. Кухарец.

Отзывы о выпускниках, анализ их дальнейшей службы в войсках доказывает, что за годы обучения они не только приобретают необходимые профессиональные навыки офицера-командира, но и вырабатывают у себя высокие качества гражданина-патриота. Об этом свидетельствует вся шестидесятилетняя история одного из старейших во внутренних войсках Северо-Кавказского военного Краснознаменного института.

Полковник Валерий ЮДИН,
заместитель начальника
СКВКИ, доцента

Фото из архива института

Я курсант выпускного курса. И вот он, последний шаг — итоговый экзамен. Еще каких-то двадцать минут, и все закончено. Через секунду я зайду в класс, представлюсь, возьму билет и попрошу разрешения отвечать без подготовки. Мне, разведчику, "зеленому берету", это раз плюнуть. Я слишком долго шел к этой цели и сейчас не ударю в грязь лицом ...

"ХОЧУ СЛУЖИТЬ В РАЗВЕДКЕ. В ЧЕЧНЕ"

Армии Алексей не боялся. Надо идти служить, значит, надо идти служить, какие тут могут быть проблемы! На фоне собравшихся в военкомате двадцати призывников выглядел более здоровым и физически развитым. Но черт его знает, куда комиссия смотрела: направили его служить не в морскую пехоту и не в десант, а во внутренние войска — в конвойный полк.

Что такое конвойная служба, я думаю, рассказывать не надо — суровая, неблагоприятная работа. Здесь нет и капельки романтики: вышка, колючая проволока, спецвагоны и лай караульных собак... Приехав в часть, Алексей разочаровался. Показалось, что все даже хуже, чем он представлял. Но первое впечатление всегда обманчиво. Да, это, конечно, не элита, не спецназ, но и здесь нашлись отличные крепкие ребята, ценящие настоящую дружбу и готовые постоять друг за друга. Как говорится, нужно выбирать лучшее из того, что имеешь.

Только к концу службы Алексей начал понимать, что дали ему эти два года. Умение принимать самостоятельные решения, постоянная готовность к действию и крепкое воинское братство — можно ли считать это время потерянным?

— Золотухин, к комбату! — Крик

дневального несколько удивил его.

"Чего мне там делать?" — нервно раздумывал про себя Алексей, подходя к кабинету. К такому вниманию он как-то не привык. Одно дело — взводный или ротный, которых постоянно видишь во время несения службы или в расположении, другое — командир батальона.

— Посмотрел я твоё личное дело — хорошо служишь, — начал комбат. — Да и командиры тебя в пример ставят. Короче, долго резину тянуть не будем, предлагаю тебе поступить в военное училище. Образование хорошее получишь, да в жизни определишься...

Прошло несколько месяцев, и Алексей уже стоял на плацу Новосибирского военного училища внутренних войск.

"Экзамены сданы, присягу я принял еще два года назад, взвешенную службу знаю", — думал он в первые дни.

Но не тут-то было. Пришлось сразу многому заново учиться, ведь попал он во взвод спецназа. Разведвыходы, маршброски, стрельбы и занятия по рукопашному бою стали нормой жизни. Все свободное время отдавал спорту, изучению специального оружия и тактике действий спецподразделений.

— Тут и так времени мало, а еще эти юридические дисциплины.

Римское право, земельное...Тыфу, на кой черт оно нужно! Нас на офицеров готовят или горе-юристов?

Хотелось узнать как можно больше, а еще больше хотелось попробовать себя в настоящем деле. А тут эти занятия, занятия, занятия. Но самое главное — это было то, что он ждал от службы в армии. Ах, если бы тогда его отправили не в конвой. Но жалеть уже поздно. Надо действовать.

Рапорту об отчислении курсанта Золотухина дали ход, и без особых проблем он оказался за забором. Приехал в родной городок, несколько месяцев отдохнул. И опять стоял у входа в военкомат.

Выбор военком предложил небогатый:

— 201-я мотострелковая дивизия в Таджикистане или миротворческий контингент в Боснии.

Думать долго не пришлось. Вторжение боевиков в Дагестан перечеркнуло оба варианта.

Но сразу на войну попасть не получилось. Алексея определили служить в одну из мотострелковых дивизий Министерства обороны, где его в числе немногих отобрали в разведподразделение. Несколько месяцев продолжалась подготовка. С бойцами занимались день и ночь. Офицеры, прошедшие не одну горячую точку, без лишних слов обучали разведчиков. Многие

ВЛАДИКАВКАЗ

СКВКИ

учебный
ЦЕНТР

Алексей уже знал, но только в теории. Теперь же он напрочь забыл про учебные аудитории и не вылезал со стрельбищ и полигонов.

Отделение разведки, в котором служил Алексей, было придано одной из военных комендатур Чечни. Такого поворота событий он не ожидал. Что, опять сидеть на месте? И для этого нас так гоняли? Но сидеть на месте, к великой радости, не пришлось.

Через несколько дней после прибытия комендант построил сибирских разведчиков. И представил им нового командира — коренного, одетого в "горку" майора Вячеслава Сычева. По его внешнему виду и поведению бойцы сразу определили: Сычев один из тех, кого называют матерыми спецями. Это построение Алексей запомнил на всю жизнь — дальше началась реальная работа.

Первые боевые рейды принес-

скольку колонна часто меняла направление движения. Через два часа изнурительной поездки оба бэтээра остановились.

— Рассредоточиться! Занять круговую оборону! — Приказы Шефа выполнялись молниеносно. — Без моей команды не стрелять!

Разведчики заняли выгодные позиции и затаились. Спустя полчаса Алексей, находившийся дальше всех от дороги, заметил на горной тропе вооруженных людей.

— Вижу группу, двигаются к нам, — доложил по радиации Золотухин.

— Пропускаем! — По команде майора Алексей еще больше вжался в землю, не выпуская из виду гостей.

Как только незнакомцы вышли из леса, Шеф поднялся и напра-

ли первые результаты. Только теперь все понимали, что это не полигон и против них не вероятный противник, а боевики и наемники. Не раз группа выходила на дозоры бандитов. Разведчики снимали "духов" без шума и пыли, как по учебнику. Кто-то прикрывает, кто-то берет языка. Шеф, как окрестили командира бойцы, внимательно следил за каждым. После ночных выходов он разбирал действия "летучих мышей", указывал на недостатки.

Несмотря на все эти боевые вылазки, у разведчиков оставалось много вопросов. Но задавать их в такой обстановке не принято. Да и шеф был немногословен. Все прекрасно понимали: мы делаем то, что приказано сверху. Вносим свой

маленький вклад в общее дело.

Как-то поступила неожиданная вводная: скрытно выдвинуться в район одного из населенных пунктов в горной части Чечни. Без промедления группа запрыгнула в бэтээр, второй за ними — и в путь. Бронемшины быстро неслись по проселочным дорогам. Многим казалось, что командир просто не знает, куда ехать, по-

Курсанты выпускного батальона на полевых занятиях в учебном центре

вился к ним. Поздоровавшись с одним из них, он крикнул:

— К машине!

Собравшись, разведчики сели на первый БТР, а гости на второй. Обе машины, поднимая столбы пыли, рванули с места. Преодолев перевал, колонна подошла к селению. На его окраине группа со второго БТРа спешилась и растворилась в уже наступившей темноте. В последующем разведчики еще не раз встречали и сопровождали такие таинственные группы. Вот где снова пришлось задуматься. Кто они? Грушники или «фэйсы», понятно, кто же еще. Но спросить, узнать, а еще лучше оказаться среди них очень хотелось. Хотелось так же уходить в неизвестность, выполнять задание и из ниоткуда появляться.

За чеченскую командировку группе Алексея приходилось также работать со спецназом Минюста, СОБРами МВД — офицерскими подразделениями. Приходилось вместе с ними участвовать в адресных зачистках, поисковых мероприятиях. С каждым днем мысли сводились к одному. И тут Шеф словно угадал, о чем думает его лучший боец:

— Давно присматриваюсь к тебе. Два года конвоя, два года воен-

ного училища. — Майор Сычев затянулся сигаретой. — Не пора ли самому в офицеры?

— Думал, товарищ майор. Только вот не знаю, куда податься.

— Ну и иди в взвэшное училище, раз уже учился там. По-моему, во Владике есть взводы разведки. Попробуй.

Как сказал командир, так разведчик Золотухин и сделал. Поступить в Северо-Кавказский институт внутренних войск Алексей приехал с хорошим багажом: боевой опыт, рекомендации командира, офицеров спецназа ФСБ и внутренних войск, с которыми вместе работали. Вопрос о зачислении на третий курс решился быстро. И снова началась учеба. Хотя гуманитарных предметов в СКВКИ было не меньше, чем в Новосибирске, к этому времени он осознал, что знание уголовного и административного кодексов в служебной деятельности не помешает.

Через год учебы сержант Алексей Золотухин отправился на войсковую стажировку. В отличие от многих своих сокурсников опыта у него было гораздо больше. Поэтому по прибытии в разведбат владикавказской бригады он сразу же взялся за дело. Главная задача — научить бойцов тому, что умеет

сам, ведь науку разведки он изучал не по учебникам.

Алексей быстро завоевал авторитет среди солдат и офицеров. Его умение и упорство сделали свое дело. А то, что будущий офицер по всем правилам выдержал экзамен на право ношения зеленого берета, только добавило уважения солдат. На занятиях бойцы с рвением выполняли приказы стажера, старались и учились. В общем, со стажировки Алексей вернулся с отличным отзывом и зеленым беретом. Благодаря настойчивости и энтузиазму сержанта со стажировки в институт с беретами разведки вернулись и два его товарища — Андрей Бандуров и Сергей Самойленко.

На предварительном распределении старшему сержанту Алексею Золотухину, как отличнику, предложили на выбор дальнейшее место службы в Москве или Питере. Ответ был краток: «Нет. Хочу служить в разведке. На Северном Кавказе, в Чечне!»

Виктор НЕМАН
Фото автора

Некоторые фамилии изменены

Со дня окончания Великой Отечественной войны прошло уже почти шестьдесят лет. Казалось бы, все, что можно было написать о ней, уже давно написано, все, что можно рассказать — рассказано. А те, кто вынес на своих плечах тяжелое бремя войны, должны были получить по заслугам. Фашисты — смерть и клеймо позора, советские воины-освободители — славу, награды и уважение всего мира.

Однако, как это ни странно, на протяжении последних лет в нашей стране все происходит наоборот. Молодые люди почему-то больше интересуются сочинениями немецких фельдмаршалов, таких, как Манштейн или Гудериан, чем воспоминаниями наших советских полководцев, к примеру, Жукова, Конева, Рокоссовского. Почему-то история создания подразделений СС, карательные операции, проводимые парашютно-диверсионными отрядами гитлеровцев в нашем тылу, интересны некоторым молодым людям больше, чем Курская битва и взятие Берлина, подвиг панфиловцев под Москвой и героический бой подлодки Маринеско. Мы начинаем забывать о тех далеких судьбоносных днях, когда ковалась наша победа.

Да, мы вспоминаем наших ветеранов, но когда? 9 мая и 22 июня. Вот, пожалуй, и все. С каждым новым поколением уходит частичка памяти из нашего сердца. Что же говорить о подростках, выросших на обломках некогда могучей страны, когда вся история нашего государства переписывалась по нескольку раз? Поэтому сегодня важно любое внимание к ветеранам, будь то просто интересная встреча или благодарственное слово в их адрес.

В специальной моторизованной части, что дислоцируется в городе-герое Волгограде, этому уделяют особое внимание. Ее командир полковник Юрий Долгов трепетно и чутко относится к ветеранам. Уже стало доброй традицией проводить встречи личного состава с теми, кто в трудное для страны время защищал ее интересы. Особенно сегодня, когда многие военнослужащие части выполняют боевые зада-

НЕ ЗАБЫТА ВОЙНА НЕ ЗАБЫТА НАГРАДА

чи в Северо-Кавказском регионе. И вот на одной из таких встреч, приуроченной ко дню части, произошел интересный случай.

На празднование были приглашены ветераны, многие из которых являлись участниками Великой Отечественной. Полковник в отставке Николай Назарович Ковалев, прослуживший в этом полку почти четверть века, был в числе почетных гостей. На торжественном построении командир полка сообщил всем собравшимся, что в ходе подготовки к юбилею офицером отделения по работе с личным составом в историческом формуляре части была найдена интересная запись. В ней по-военному скупко сообщалось, что ефрейтор Ковалев в августе 44-го задержал шпиона.

В те далекие августовские дни Николай Назарович был вызван в штаб части и назначен начальником оперативно-розыскной группы. Непростую задачу предстояло ему выполнить. Ведь найти и обезвредить матерого преступника, убившего конвоира при побегах из зала суда, где он был приговорен военным трибуналом к высшей мере наказания за измену Родине и помощь немецким оккупантам, не так-то легко. По оперативным данным, беглец находился где-то в окрестностях Сталинграда. Узнав адреса его родных и близких, проживавших в этом районе, ефрейтор Ковалев принялся проверять их. В течение трех недель оперативно-розыск-

ные мероприятия результата не дали, ни по одному адресу осужденный так и не появился. На 23-й день Николай Назарович с подчиненным рядовым Темирбековым решили организовать наблюдение за домом одной знакомой преступника.

Уже была глубокая ночь, когда ефрейтор, сменив своего напарника, заступил на наблюдательный пост. Не прошло и часа, как его внимание привлек слабый огонек в окошке. Это насторожило бдительного воина. Разбудив Темирбекова, он направился к ветхому домику.

— Открывать дверь хозяйка наотрез отказалась, — вспоминает Николай Назарович. — Тогда я с автоматом в руках бросился к окну и вдруг слышу мужской голос, требующий не открывать дверь. Меня как током прошибло: да это же мой беглец! Необходимо брать!

Выбив прикладом оконную раму, Ковалев пулей влетел в комнату. В это же мгновение в доме погас свет, а в сторону окна раздался выстрел. Оценив обстановку, Николай Назарович пошел на хитрость. Выпустив очередь из своего ППШ, он принялся давать указания Петрову, Сидорову и так далее. Как будто дом был окружен целым взводом солдат. Беглецу ничего не оставалось, как сдаться.

— После того как шпиону связали руки и ноги, — продолжает свой рассказ Николай Назарович, — я вытащил его на улицу. Каково же

было его удивление, когда кроме меня и рядового Темирбекова он больше никого не увидел. Еще долго сетовал: как же так, ефрейтор перехитрил целого полковника!

Доставив задержанного в часть, Ковалев доложил о выполненном задании командиру полка. Шпион был передан в особый отдел Смерша. На общем построении командир объявил, что ефрейтор Ковалев за выполнение с риском для жизни боевого задания будет представлен к ордену. По существовавшей тогда традиции за поимку шпиона давали орден Красного Знамени. Но по каким-то причинам про этот случай забыли, несмотря на то, что вопрос о награждении был согласован с командиром бригады в том же 44-м году. Нынешний командир части принял решение, что награда должна обязательно найти героя. В полку была создана комиссия и составлено письмо на имя командующего Северо-Кавказским округом и главнокомандующего внутренними войсками с просьбой о ходатайстве перед Президентом России по этому случаю.

Будем надеяться, что символ боевой доблести все-таки обязательно дойдет до Николая Назаровича. Ведь, согласитесь, он действительно заслужил его.

Кто именно виноват в ситуации с забытой на полвека наградой, наверное, мы не узнаем никогда. Да и нужно ли это? Здесь главное другое. Есть еще в частях офицеры, для которых память и внимание к нашим ветеранам не на последнем месте. Хочется сказать им спасибо за тот нелегкий труд, благодаря которому фронтовики могут снова воспрянуть духом и почувствовать себя в боевом строю. А молодое поколение имеет возможность научиться мужеству и смелости на их героических примерах.

Вот еще один не менее интересный случай с пропавшей наградой, который произошел в Москве, в специальной моторизованной дивизии с участником Великой Отечественной войны Иваном Ивановичем Гришиным.

Гвардейский кавалерийский полк, где служил рядовой Иван Гришин, в конце июня 1944 года был выведен с боевых позиций на отдых. За последние полгода ожесточенных боев в составе 1-го Белорусского фронта часть наконец-то получила передышку, и полку представилась возможность восстановить силы, ведь часть в боях потеряла больше половины своих лошадей. Воинский эшелон медленно приближался к станции. Небольшой польский городок, располо-

женный в низине Вислы, был местом назначения 2-го гвардейского кавалерийского полка. Отсюда подразделение части вместе с другими советскими войсками должны были перейти в новое наступление.

Пять суток непрерывного движения на поезде давали о себе знать. И люди, и животные очень устали. Лошади, словно чувствуя завершение длительного перехода, начали фыркать и громко стучать копытами. Командир эскадрона приказал рядовому Гришину успокоить лошадей, которые запросто могли проломить пол вагона.

— Не успел я подойти к ним, — вспоминает Иван Иванович, — как раздалась команда “Воздух!”. Гул моторов немецких штурмовиков приближался, где-то вблизи слышались разрывы авиабомб.

Необходимо было срочно отвести людей, лошадей и технику подальше от поезда. Налеты вражеской авиации не редкость для опытных фронтовиков, поэтому каждый знал, что ему делать в такой ситуации. В считанные минуты к той части вагона, где располагались лошади, бойцы приставили два бревна и накрыли сверху широким листом фанеры. По шаткому мосту кавалеристы начали выводить лошадей, держа их за сбруи. Вдруг раздался сильный треск. Случилось то, чего так боялся командир. Пол вагона не выдержал. Жеребенок, пытавшийся вскарабкаться на мост, прова-

лился задней ногой в образовавшуюся дыру, тем самым загородив выход другим. Создалась опасная ситуация.

— Самолеты начали бомбить эшелон, — рассказывает Иван Иванович. — Люди бросились врассыпную от состава, ведь человеческая жизнь все-таки дороже, чем жизнь животного. Тем более что шанс спасти лошадей был невелик.

Как только штурмовики сбросили бомбы и пошли на второй круг, Гришин подбежал к злополучному вагону. Успокоив встревоженного жеребца, он затащил под вагон деревянный ящик. Затем, взяв доску, подложил один ее конец под копыто лошади. Используя доску как рычаг, он со всей силы надавил на ее конец. Этим усилием хватило, чтобы жеребенок смог вытащить ногу и выскочить из вагона. Вслед за ним из вагонного плена выскочили и остальные лошади. Все это произошло за считанные минуты, немецкие штурмовики даже не успели зайти на очередную круг.

После налета командир полка поблагодарил молодого бойца за проявленное мужество и пообещал представить к награде. Слово свое он сдержал. Только когда орден пришел в полк, война уже закончилась. Иван Гришин к тому времени уже был не бойцом Красной Армии, а офицером в войсках НКВД.

Нелегкий путь из части в часть выделала одна из почетных наград Великой Отечественной войны, следуя за героем.

И вот в канун Дня Победы, спустя пятьдесят семь лет, командир московского соединения СМВЧ генерал-майор Илья Королев вручил ветерану полковнику запаса Ивану Ивановичу Гришину заслуженную награду.

Старшие лейтенанты
Виктор БОЛТИКОВ,
Роман ДУРКАЧ

В Крыму в 45-м

Советский и американский военнoслужащие на охране Крымской конференции, февраль 1945 года

Победный 1945-й начинался сокрушительными ударами Красной Армии по немецко-фашистским войскам. 12-13 января развернулись крупнейшие стратегические операции Советских Вооруженных сил — Висло-Одерская и Восточно-Пруская, в ходе которых противнику нанесено очередное поражение. В них было разгромлено 60 германских дивизий, еще 37 — потеряли от 50 до 75 процентов своего личного состава. Советские войска освободили почти всю Польшу, овладели Восточной Пруссией, вышли на территорию Германии.

Широкомасштабное и мощное наступление Советской армии помогло англо-американским войскам к концу января 1945 года окончательно оправиться от сильных ударов немецко-фашистской армии в Арденнах в декабре 1944 — январе 1945 года. Союзное верховное командование готовило решающее наступление на северном участке Западного фронта с целью ускорить продвижение своих войск в глубь Германии, опередить Советскую армию на пути к Берлину.

К 1945 году международный авторитет СССР неизмеримо возрос. К этому времени Советский Союз имел дипломатические отношения уже с 41 государством, тогда как непосредственно перед войной они были установлены лишь с 25 странами. Одной из главных задач внешней политики СССР по-прежнему являлось укрепление антифашистской коалиции. Несмотря на некоторые противоречия между США, Англией и Советским Союзом, их единство в борьбе с общим врагом было прочным. Это убедительно подтвердила и конференция в Крыму.

Конференция проходила с 4 по 11 февраля 1945 года в Ливадии, под Ялтой, в бывшем царском дворце. Место проведения, как принято ныне говорить, саммита

было выбрано по предложению советской стороны.

Во встрече принимали участие главы правительств трех союзных держав — И.В. Сталин, Ф. Рузвельт, У. Черчилль, министры иностранных дел, начальники высших штабов, другие советники. Повестка дня переговоров была весьма насыщенной: о координации совместных военных действий против Германии; о послевоенном устройстве Германии; о вступлении СССР в войну с Японией; о послевоенном устройстве в Европе; о создании Организации Объединенных Наций и другие вопросы.

Безусловно, конференция столь высокого уровня требовала особого внимания к обеспечению безопасности ее работы. Этим занимались специальные службы государств — участников конференции, в том числе специально сформированные в СССР два полка внутренних войск. Одним командовал полковник М. Нестерев — командир 20-го полка 2-й мотострелковой дивизии войск НКВД. Командиром другого полка был назначен полковник Г. Шимбирев, командовавший в то время 236-м полком конвойных войск.

Задача на формирование частей была получена от заместителя наркома внутренних дел СССР С. Круглова в конце октября 1944 года. Сроки устанавливались предельно жесткие. На формирование полка — 10 дней, на боевое слаживание — 30. Особо тщательным был подбор офицеров. Базой для этого являлись части войск НКВД Московского гарнизона. Не менее строго отбирались солдаты и сержанты. В основном из учебных подразделений и частей, дисциплинированные, физически крепкие, с образованием не ниже 7 классов. Все осуществлялось в обстановке строгой секретности.

С первых дней формирования

начались занятия по боевому слаживанию полков, обучению офицеров, сержантов и солдат. Они проводились по программе, специально разработанной Наркоматом внутренних дел. Основное внимание уделялось политической, тактико-специальной, огневой, строевой и физической подготовке. Активно велась индивидуальная воспитательная работа, изучение политических и деловых качеств офицеров, солдат и сержантов.

По завершении подготовки, как вспоминал впоследствии начальник штаба одной из частей В. Сабуров, их полк в ночь на 3 января 1945 года погрузили в железнодорожный эшелон с пунктом назначения — Владивосток (дезинформация, для того чтобы ввести в заблуждение противника). Вскоре, уже в пути, выяснилось, что эшелон идет на юг, причем ему давали зеленую улицу. Менее чем за двое суток полк прибыл в Симферополь, откуда на машинах автобатальона Приморской армии совершил марш в район Ялты, где и разместились штаб, службы и подразделения полка.

Обустройство на новом месте не заняло много времени. Командованию полка, некоторым офицерам штаба была предоставлена возможность ознакомиться с Ливадийским дворцом, в котором затем проходили заседания конференции, его парком и окрестностями.

10 января полк посетил заместитель наркома внутренних дел СССР С. Круглов. В беседе с офицерами он сказал:

— Вы прибыли в район, где будет проходить конференция глав правительств антигитлеровской ко-

алиции: СССР, США, Англии. Вам выпала большая честь осуществлять охрану делегаций. Время, оставшееся до их прибытия и открытия конференции, используйте для подготовки личного состава, изучения местности и организации охраны.

Замнаркома обратился к офицерам с просьбой не вести переписки и никому не сообщать о цели и месте своего нахождения до окончания выполнения боевой задачи.

На полк Г. Шимбирева была возложена охрана Ливадийского дворца и нижней дороги от Кореиза до Ливадии, около 7 км. Охрана других объектов — Юсуповского дворца в Кореизе, Воронцовского в Алушке, дорог из Алушки в Ливадию, Кореиз и Симеиз — поручалась полку, которым командовал полковник М. Нестерец. Общее руководство войсковой охраной осуществлял заместитель начальника охраны конференции, замначальника пограничных войск генерал-майор И. Петров.

До прибытия делегаций полковник Г. Шимбирев с офицерами штаба и командирами подразделений тщательно изучили местность вокруг Ливадийского дворца, а также ведущий к нему участок дороги. Учитывалась возможность диверсионных и террористических актов врага. Горный рельеф местности, большое число построек, множество парковых дорожек, пышная растительность на подъезде к дворцу осложняли выполнение задачи. Предстояло перекрыть все возможные подступы к зданию, где будет проходить конференция и размещаться американская делегация.

К 25 января была закончена разработка системы охраны: определены караулы, посты, разработаны особые обязанности часовых и войсковых нарядов. В подразделениях состоялись партийные и комсомольские собрания, активно проводились другие воспитательные мероприятия.

На подступах к дворцу были выставлены две линии охраны: первая в двадцати-сорока метрах от основного здания, вторая — в двухстах-четырестах. Посты выставались друг от друга на расстоянии зрительной связи с учетом оказания взаимопомощи при отражении возможных диверсионных нападений групп противника. Кроме того, был создан резерв для усиления караулов и обеспечения безопасности дороги от дворца к морю. Туда в свободное от заседаний время выезжал для отдыха президент США Ф. Рузвельт.

Обеспечение безопасности на дорогах между пунктами размещения делегаций осуществляли часо-

Полковник Г. Шимбирев

вые и дозоры по обочинам шоссе. Часовые выставлялись на посты, установленные на поворотах шоссе, у сливных дорожных труб и троп, идущих с гор к морю, и в других местах. На каждый объект, участок дорог предусматривалось две смены караулов.

3 февраля подразделения частей участвовали во встрече У. Черчилля и Ф. Рузвельта на аэродроме близ курорта Саки. В почетный караул была наряжена 1-я рота полка М. Нестерца под командованием старшего лейтенанта М. Козупеева.

Около полудня на четырехмоторном самолете С-54 в сопровождении пятерки истребителей прибыл премьер-министр Великобритании У. Черчилль. Спустившись по трапу, он обошел безукоризненный строй почетного караула, цепко всматриваясь в лица солдат. Но ни один из них не опустил глаза под ледяным, изучающим взглядом британского премьера.

Через 20 минут произвел посадку еще один С-54, на котором прилетел Ф. Рузвельт, президент США. Вместе с другими его встречал на летном поле и У. Черчилль. В сопровождении подразделения прикрытия главы держав проехали на автомобилях через Симферополь в Ялту.

Ф. Рузвельту, как уже отмечалось, был предоставлен Ливадийский дворец. У. Черчиллю — Воронцовский, в Алушке. Советская делегация разместилась в Юсуповском дворце в Кореизе.

Делегации западных союзников вместе со вспомогательным персоналом, журналистами, кинооператорами, охраной насчитывали около 700 человек. Подразделение охраны США разместилось в третьем корпусе дворца в Ливадии.

С момента прибытия американской делегации охрана дворца осуществлялась смешанными постами, то есть часовыми от СССР и США. Обязанности часовых, порядок несения службы и взаимодействия штаб полка согласовывал с командованием американского подразделения охраны.

Въезд на территорию объекта и выезд с него производились через единственный контрольно-проверочный пункт. Для стоянки автомобилей отводилось строго определенное место. Вход на территорию обслуживающего персонала, представителей печати, кинорепортеров осуществлялся по специальным пропускам, которые заполнялись на русском и английском языках.

Командование и штаб полка требовали от военнослужащих образцового внешнего вида, уделяли большое внимание четкости их действий, строгому соблюдению воинских ритуалов. Развод караулов производился всякий раз торжественно, с участием оркестра, в точно установленное время. Это было красочным зрелищем для представителей американской делегации. Оно особенно привлекало морских пехотинцев из состава американской охраны. С разрешения замнаркома внутренних дел СССР кинооператоры США засняли весь процесс развода и смены караулов.

В ходе совместного несения службы и общения наших солдат и сержантов с американскими военнослужащими бывали обычные, по нынешним взглядам, случаи. Тогда же им придавалась политическая окраска. Об одном из таких случаев рассказывал в своих воспоминаниях В. Сабуров.

...Однажды рядовой Б. Герасимов, возвращаясь в свое подразделение после несения службы в дозоре, шел по обочине шоссе. Его догнала автомашина с пятью американскими военнослужащими. Затормосив, американцы с трудом объяснились с Герасимовым и предложили подвезти его. Солдат отказался. Тогда трое американцев выскочили из джипа и, подхватив его под руки, усадили на переднее сиденье. В пути произошел обмен доллара на рубль и красноармейской звездочки на американскую кокарду. У штаба части американцы простились с солдатом и поехали к себе. Рядовой Герасимов незамедлительно (как и предписывалось) доложил командиру о «происшествии». И руководству охраны США было сделано еще одно заявление о непроизвольном поведении американских военнослужащих. К счастью для солдата, этим все и кончилось.

Военнослужащие 105-го погранполка, Потсдам, 1945 год

Первое пленарное заседание конференции состоялось 4 февраля, и затем они проходили ежедневно. И.В. Сталин на правах хозяина — ведь Ф. Рузвельт и У. Черчилль были все-таки гостями — всегда входил в зал заседаний последним. Вспоминая те дни, У. Черчилль в декабре 1959 года во время выступления в палате лордов Великобритании по случаю 80-летия И.В. Сталина сказал: «Сталин производил на нас неизгладимое впечатление. Его влияние на людей было неотразимо. Когда он входил в зал Ялтинской конференции, все мы словно по команде вставали и, странное дело, почему-то держали руки по швам».

Заключительное, восьмое заседание конференции состоялось 11 февраля 1945 года. 12 февраля было передано по радио, а на следующий день опубликовано в печати коммюнике о конференции руководителей трех союзных держав — СССР, США и Великобритании в Крыму.

Крымская конференция, имевшая большое историческое и военно-политическое значение, закончилась. 12-14 февраля состоялись проводы делегаций. Президент США Ф. Рузвельт выехал на машине в Севастополь, чтобы провести ночь на своем корабле связи «Конноктин», и затем вылетел на родину. У. Черчилль улетел немного позднее. Он решил осмотреть в Севастополе английское кладбище, на котором были похоронены солдаты Соединенного Королевства, погибшие при штурме города во время Крымской войны 1853-1856 гг.

Охрану гостей в период пребы-

вания в Севастополе и отправку их с аэродрома также осуществлял личный состав одного из подразделений внутренних войск.

Глава советской делегации И.В. Сталин отбыл из Крыма 12 февраля.

По окончании службы заместитель начальника охраны конференции генерал-майор И. Петров поздравил военнослужащих с успешным выполнением весьма ответственной задачи, поблагодарил солдат, сержантов и офицеров за труд, за службу, бдительность и умелые действия.

Через неделю личный состав возвратился в Москву. А спустя несколько дней Указом Президиума Верховного Совета СССР за выполнение специального задания правительства многие солдаты, сержанты и офицеры были награждены орденами и медалями.

Опыт организации охраны на Крымской конференции успешно использован для обеспечения безопасности Потсдамской конференции глав правительств великих держав-победительниц: И.В. Сталина, Г. Трумэна, У. Черчилля, которого после состоявшихся в Англии выборов сменил К. Эттли. Она проходила с 17 июля по 2 августа 1945 года в пригороде Берлина.

Конференция обсудила проблемы послевоенного устройства мира в Европе. Приняла решения о демилитаризации и денацификации Германии, наказании военных преступников, о системе четырехсторонней оккупации Германии (СССР, США, Великобритания, Франция) и четырехстороннем управлении Берлином. А также о западной границе Польши, о передаче Советскому Союзу г. Кенигсберга и прилегающего к нему района и другие.

В Потсдаме, как и в Крыму, об-

щее руководство обеспечением безопасности осуществлял замнаркома внутренних дел СССР С. Круглов. Его заместителем, начальником войсковой охраны был известный по Ялтинской конференции генерал-майор И. Петров.

Охрану маршрута следования советской делегации в Берлин по железной дороге на территории Польши и Германии осуществляли части и подразделения войск НКВД по охране тыла и коммуникаций действующей армии.

Само же место проведения конференции снова охранялось смешанными нарядами, состоящими из военнослужащих СССР, США и Великобритании. С советской стороны в несении службы участвовал личный состав 105-го Рижского Краснознаменного пограничного полка войск НКВД. Подразделения полка участвовали также в охране основных магистралей, по которым проезжали делегации к месту проведения конференции. На каждой трассе службу несли определенные подразделения, возглавляемые опытными офицерами.

Видимо, по предложению И. Петрова, а возможно, самого С. Круглова, начальником войсковой охраны трассы № 1 протяженностью около двух километров был назначен полковник Г. Шимбирев, командир 50-й дивизии конвойных войск НКВД.

Охрана трассы № 1 по обеим сторонам осуществлялась двумя линиями парных постов, расположенных в шахматном порядке. Третью линию составляли подвижные парные дозоры. Всего в одну смену выставлялось 99 постов и дозоров, в составе которых несли службу 198 бойцов. Как видно, охрана была весьма плотной. Впрочем, такая плотность охраны была и на других трассах.

Признанием успешного выполнения ответственного правительственного задания стало награждение орденами и медалями большой группы военнослужащих войск НКВД, принимавших участие в обеспечении безопасности Потсдамской конференции. Полковник Г. Шимбирев был отмечен орденом Кутузова 3-й степени. Ранее за службу по охране Крымской конференции он был удостоен ордена Отечественной войны 1-й степени.

Вячеслав ЕЛАГИН,
полковник в отставке,
ветеран Великой Отечественной войны,
научный сотрудник
Центрального музея
внутренних войск МВД России

Владимир Фролович Коньков пережил революцию и Гражданскую войну. В Великой Отечественной участвовал сам. И только после ее окончания смог полностью посвятить себя любимому делу, ставшему делом всей жизни. Такие чемпионы ринга, как Агеев, Чернов, Катаев, Нефедов, Бурлаков, обязаны своими достижениями этому выдающемуся человеку, заслуженному тренеру СССР.

Сам Владимир Фролович начал заниматься боксом еще в школе. Уже тогда он понял, для чего рожден. Его первые победы на городских соревнованиях положили начало замечательной карьере боксера, тренера, а впоследствии, более полувека спустя, — судьи международной категории.

С приближением немцев к Москве ОМСБОН перевели в центр столицы. Бригада дислоцировалась в Доме Союзов и ГУМе. Подразделения занимались охраной важных объектов, патрулировали улицы. Часто военнослужащих вывозили для диверсий на уже близкий фронт.

Владимир Фролович лично участвовал в нескольких таких вылазках. В деревне Пешки он впервые вплотную столкнулся со смертью. Небольшой группе поставили задачу взорвать мост на пути продвижения вражеских колонн. В деревне от немецких снарядов уже горели избы. Действовать нужно было немедленно и

Вся жизнь — борьба

Окончив 8 классов, Коньков в 1932 году поступил в автомобильный техникум. А через два года пришло время служить в армии.

Он попал в конвойные войска НКВД в город Горький. Спортсмены нужны были и здесь. Два года срочной службы рядовой Коньков выступал на ринге на первенство округа. За спортивные заслуги был даже демобилизован раньше срока. Владимир Фролович в то время не мог представить, что через несколько лет ему придется снова встать в ряды бойцов НКВД, но только не конвойных войск, а подразделений специального назначения.

Сразу же после демобилизации Владимир Коньков сдал экзамены в Государственный центральный ордена Ленина институт физической культуры имени Сталина. В числе первокурсников оказался и будущий Герой Советского Союза Борис Галушкин, ставший впоследствии другом Владимира Фроловича. Вместе они сдавали вступительный экзамен по боксу. Преподавателем был известный в то время боксер Иван Гордолопов.

В Советском Союзе тогда появилось множество спортивных школ. Владимир Коньков, будучи студен-

том, нашел себе работу тренера в одной из них. Именно эти годы можно считать началом его богатой тренерской практики.

Владимир Фролович и сегодня признается, что его всегда тянуло именно к работе с подростками. Он постоянно организовывал различные соревнования для воспитанников своей школы, проводил уличные чемпионаты по любительскому боксу.

Едва закончив институт, Владимир Коньков в числе своих товарищей-спортсменов был направлен в лагерь под Истрой для подготовки ко Дню физкультурника. Предполагалось, что выпускники физкультурных вузов примут участие в параде на Красной площади. Но эти планы разрушила война.

Всех их из-под Истры отправили в Москву на стадион "Динамо", где формировалась Отдельная мотострелковая бригада особого назначения НКВД. Все лето воины ОМСБОНа жили в учебных лагерях под Москвой, совершали многокилометровые марш-броски, стреляли из различных видов оружия. Около двух месяцев их натаскивали. Обучали проведению диверсий в тылу противника, подрывному делу.

решительно.

Владимир Коньков на мосту заложил заряды у балок и теперь, укравшись, ожидал мотоциклиста, который должен был забрать его. "В тот день я впервые по-настоящему испугался, — признается Владимир Фролович, — потому что наши, увидев первых немцев уже в самой деревне, начали скрытно отступать. Я же оставался один возле заминированного моста и уже слышал немецкую речь". Один из фашистских автоматчиков заметил Конькова, когда тот спустился под мост, и открыл стрельбу. Говорят, что в экстремальных ситуациях действуешь единственно верно. Так и Владимир Фролович упал за ближайшее укрытие и дал ответную очередь. На несколько мгновений стрельба прекратилась, и этого хватило для того, чтобы поджечь бикфордов шнур. И тут подскочил мотоциклист и забрал Конькова. Под огнем врага им удалось скрыться, и через минуту мощный взрыв уничтожил мост, преградив путь врагу.

Задачи следовали одна за другой. Так, в деревне Черные Грязи Владимир Коньков с двумя бойцами заминировали дорогу. Предполагалось, что по ней пойдут фашистские

танки. Когда пятикилограммовые мины М-5 были заложены, диверсантам дали отбой. Немцы изменили направление наступления. Необходимо было разминировать дорогу. "Закопать мины в лунки не так страшно. А вот откопать... Саперы ошибаются только один раз", — смеется Владимир Фролович, рассказывая о той неудавшейся диверсии.

А фашисты все приближались к столице. Владимиру Фроловичу хорошо помнилась та речь Сталина, которую вождь произнес на станции метро "Маяковская" и которую услышала по радио вся страна. А те крупные хлопья снега на следующий день Владимир Коньков не забудет никогда.

Бойцов ОМСБОНа поставили в оцепление вокруг Красной площади. Им выпала особая честь участвовать в параде, после которого солдаты прямо с брусчатки Красной площади уходили на защиту столицы. Владимиру Конькову довелось стоять напротив правительственной трибуны.

Особенно врезалось в память расставание с будущей женой Марфой на Белорусском вокзале. От слез любимой девушки Владимир отмахнулся: "Глупая, ну что ты плачешь? Вот увидишь — меня все равно не убьют!".

Москву отстояли, а из бойцов ОМСБОНа начали формировать небольшие партизанские группы. Им предстояло воевать в глубоком тылу у немцев.

"Те подмосковные вылазки по сравнению с заданиями, которые мы выполняли в лесах Смоленщины, — детские игрушки", — вспоминает ветеран. Группы уходили на десятки километров в тыл противника. Скрытно выдвигались к объекту, взрывали, а потом надо было еще уйти, не оставив ни одного из своих — ни раненым, ни убитым. И по свидетельству Владимира Фроловича, здесь было тяжелее всего.

Так, на одном из заданий тройке диверсантов, в числе которых находился Владимир Коньков, была поставлена задача подорвать железнодорожные пути. После того как немецкий эшелон с боевой техникой пошел под откос, бойцы ОМСБОНа начали скрытное отступление. Но подвело партизан раннее половодье. Подойдя к реке, бойцам ничего не оставалось делать, как ждать ночи для безопасной переправы. На берегу оказался старый полуразрушенный сарай с сеном. Именно в нем солдаты намеревались встретить сумерки, но вовремя заметили нескольких немцев, направивших воз к тому самому сараю. Выход был один. Рядовой Коньков предложил закопаться глубоко в сено у стенки ветхого строения...

Сталкивались омсбоновцы и с

предателями. Часто приходилось дожидаться сумерек для перехода через железнодорожное полотно, вдоль которого сидели крестьяне, готовые стучать о рельсы пустыми консервными банками при появлении людей в маскахалатах.

Неприветливо встречали изуровненных, промокших бойцов крестьянские семьи, напуганные гитлеровцами. Однажды ранней весной пришлось полдня провести в снегу в ожидании темноты. Мимо прошли полиция, к счастью, не заметив. Холод и близкий дымок из изб гнал диверсантов в деревню обогреться. С первыми сумерками вошли в крайнюю хату. Напуганная хозяйка сообщила, что дома болеет муж. Она не отказала бойцам в скудной пище и тепле. Только вот мужчина на кровати с подозрительным вниманием слушал разговоры солдат и следил за каждым их движением.

Кое-как обогрившись и поев, партизаны не успели отойти и двухсот метров, как поняли, чем обернулась их неосторожность. Сзади они услышали звуки погони. Больной хозяин успел им рассказать, где находится переправа, однако, подойдя к берегу, солдаты поняли, что это ловушка. Река здесь раскинулась во всю ширь. Но деваться было некуда. Бойцов подстегивала опасность, и они достаточно быстро переправились, правда, едва не потеряв одного из своих. Коньков успел протянуть лыжу низкорослому Александру Гутману, который неожиданно ушел под воду.

Свое первое офицерское звание Владимир Фролович получил зимой 1943-1944 года на далекой станции Путино-Бородулино в Сибири. Как опытного диверсанта его направили в один из полков НКВД, где формировались новые отряды партизан. Младшего лейтенанта Конькова назначили физруком полка. Но недолго новоиспеченный офицер занимался лыжной подготовкой с молодым пополнением. Пришлось ему стать начальником связи. Но не проводной и не радио. Полк был направлен на 2-й Белорусский фронт. Шло наступление. Младший лейтенант Коньков совершал ежедневные многокилометровые лыжные переходы, обеспечивая фельдьегерско-почтовую связь между передовыми частями и отступающими тылами.

За два месяца до окончания войны всех выпускников медицинских вузов и институтов физической культуры отозвали с линии фронта и распределили по госпиталям. Владимир Фролович, ставший к тому времени лейтенантом, был направлен в госпиталь для легкораненых в г.Росток (Германия). Коньков стал инструктором по реабилитации. "Там

мне уже не нужно было убивать. Я мог снова заниматься любимым видом спорта. Так командование наградило меня за две зимы, проведенных в сугробах Смоленщины", — рассказывает Владимир Фролович о последних месяцах войны.

Окончание ее лейтенант Коньков встретил дежурным по госпиталю. 12 мая группа офицеров и медсестер отправилась на экскурсию в еще горящий Берлин. На дымящихся развалинах Владимир Фролович заметил истощенного старика. Русский офицер протянул ему краюху черного хлеба с маслом. Из старческих глаз потекли слезы благодарности. В ответ на доброту блылого врага немец дал лейтенанту складной перочинный ножик, объяснив, что ножи дарят только тому, кто не ударит в спину.

Демобилизовался Владимир Фролович только в 1946 году, прослужив еще год в госпитале. С войны Коньков привез орден Отечественной войны II степени и медали.

Вернувшись в Москву, ветеран не мог прописаться в столице, чтобы устроиться на работу. Помогли старые знакомые по институту. Ректор Петухов дал койку в институтском общежитии.

Свою послевоенную трудовую деятельность Коньков начал в детской спортивной школе Ленинградского района. Прирожденный тренер вновь вернулся к ребятам, закаляющим тело и волю боксом.

С 1948 года и по сей день Владимир Фролович преподает в Московском Государственном художественно-промышленном университете им. Строганова. Кроме того, тренирует спортсменов в ДСО "Химик". Именно из "Химика" вышел чемпион СССР боксер Виктор Агеев, который сегодня возглавляет профессиональный бокс в России. За подготовку В. Агеева Владимир Фролович 9 июня 1965 года был удостоен звания заслуженного тренера СССР.

11 мастеров спорта по боксу обязаны своими достижениями этому замечательному человеку. Кроме того, трехкратный олимпийский чемпион по гребле Вячеслав Иванов начал свой путь в спорте с занятий боксом у Владимира Фроловича.

Будучи беспартийным, после получения права международного судейства в 1957 году Владимир Фролович все-таки сумел побывать в 14 странах. Судей такой категории в СССР было лишь шестеро.

Недавно Владимир Фролович отметил свой 90-летний юбилей.

Курсант Андрей РЯБЦЕВ

Майор Александр ЛЕБЕДЕВ
Фото Анатолия ЕМЕЛЬЯНЕНКО
и из архива Сергея ДЖОБАДЗЕ

ИЗБРАННЫЕ ЭПИЗОДЫ

ИЗ ЖИЗНИ РАЗВЕДЧИКА

Ничего хорошего впереди уже не будет. И мира не будет. С иллюзиями тихой спокойной службы на своей исторической родине — в прекрасной Кахетии — он распрощался в тот же день, когда подразделение его 12-й бригады спецназа ГРУ бросили на подавление беспорядков в соседний с Грузией Закавказский район Азербайджана. И это был уже 1988 год. Страна начала привыкать к словосочетанию «международный конфликт».

Сюда, в Лагодехи, небольшой грузинский городок, он приехал после Афганистана. Сам выбрал место дальнейшей службы, в этом «афганцам» шли навстречу. Стал командиром горно-разведывательного отряда. Щуря глаза, любил смотреть на воды древней Алазани. Места здесь и вправду благословенные — в других виноградная лоза, дающая прекраснейшее из вин, расти не будет. Здесь, на родине предков, он надеялся построить дом, жениться наконец и, если все сложится хорошо, выйти на пенсию, остаться жить. Здесь было много родственников, здесь жила бабушка. Родившийся в Ленинграде, живший до своей военной дороги в Москве, считая себя русским человеком, хотя один из дедов был грек, а другой — грузин, он с удивлением обнаружил в себе тягу к этим овеянным легендами и удиви-

тельно красивым местам восточной Грузии. Наверное, это был зов предков, в которых текла кровь бедных грузинских князей. Джобадзе — не редкая фамилия в Грузии...

Закавказским районом, как он и думал, все не кончилось. Кровью запахло в Баку и Сумгаите. Лагодехские спецназовцы снова гасили межнациональный пожар.

Трудно сказать, как сложилась бы его судьба дальше, не встретил он в 1990 году в раскаленном Баку командующего внутренними войсками МВД СССР генерала Шаталина. Именно там Джобадзе был представлен командующему по рекомендации начальника разведки Ставки Южного направления Юрия Личкова. Шаталин — человек прямой и решительный — тут же предложил Джобадзе перейти во внутренние войска. В то время генерал фактически создавал разведку — до 90-го года ее в войсках не было. Шаталин, мудрый и дальновидный военачальник, понимал, что с трансформацией войск из конвойной стражи в воюющую гвардию, где оперативным частям будет уделяться все больше внимания, без собственной разведки не обойтись.

Джобадзе предложение командующего принял, еще не до конца понимая, но резонно предполагая, что в ближайшие годы ему снова будет очень трудно. Но было трудно стране, которой он служил к тому времени уже почти двадцать лет, а

кроме того, после стылого Бердска преодолевать трудности, похоже, стало его призванием.

Разведка внутренних войск началась с обычного деревянного стола с инвентарной биркой на боковине. Это был стол подполковника Джобадзе. Стоял он в оперативном отделе, рядом находилась похожая мебель — стол подполковника Овчинникова, стол подполковника Додонова. Первый в конце 90-х стал главкомом внутренних войск, второй — заместителем. Джобадзе остался в разведке до самой пенсии...

Работы было невпроворот — ведь начинал с нуля. И кроме этих, чисто организационных трудностей, сталкивался на первых порах с полным непониманием со стороны многих офицеров, прослуживших во внутренних войсках не один десяток лет. Зачем войскам разведка? И Джобадзе, словно одержимый мыслью о создании разведуправления в структуре главка, выглядел в глазах иных старых конвойников блаженным чудачком, занимающимся малопонятным для них делом. Джобадзе отшучивался, но свою линию гнул, чувствуя на первых порах серьезную поддержку Юрия Васильевича Шаталина. Спустя некоторое время, когда первые организационные вопросы были утрясены, у Джобадзе по-

Окончание. Нач. в №4, 2003 г.

явился заместитель — полковник Василий Калугин, хороший знакомый еще по Афганистану, высочайший профессионал своего дела. После Афгана он служил в алма-тинском разведцентре. Потом пришли еще офицеры — удалось сформировать разведывательное отделение. Работали много. Готовили документацию, создавали разведподразделения в частях, формировали материальную базу (в 92-м министерство выделило средства для только-только формирующейся разведки внутренних войск — тогда удалось закупить бинокли, видеокамеры, диктофоны, сканеры, другое оборудование, жизненно необходимое для разведподразделений и которое используется в войсках до сих пор), не вылезали из бесконечных командировок, большинство из которых были в районы вооруженных конфликтов на Северном Кавказе. Вот там уже началась реальная проверка в деле только-только вставших на ноги разведорганов внутренних войск.

Джобадзе в тот период почти год “просидел” в Нагорном Карабахе, собирая и анализируя информацию о лидерах вооруженных формирований Азербайджана и Армении. Она приносила реальную помощь войскам, которые стояли буфером между противоборствующими сторонами, и наверняка помогла уберечь немало солдатских жизней. Карабахская миссия была небезопасной. Как бы он ни легендарно свое пребывание в республике, за его действиями пристально наблюдали национальные экстремисты. Не раз приходилось серьезно рисковать, добывая важнейшие сведения, столь необходимые и в главке внутренних войск, и в самом министерстве.

Далее, как говорится, везде... В

1992 году он выводил санкт-петербургский оперативный полк из зоны затухающего вооруженного конфликта в Южной Осетии. Маршрут вывода из Цхинвала проходил через территорию Грузии, и тогда он еще не знал, что больше никогда не увидит цветущей по берегам Алазани виноградной лозы. Было лишь предчувствие того, что путь в республику, где к власти пришли лидеры новой формации, решительно уводящие Грузию от России, будет закрыт. Друзья, коих немало осталось и в Лагодехи, и в Тбилиси, подтвердили его опасения: имелись достоверные сведения о том, что его имя занесено в черные списки компетентных грузинских органов, коим для этого хватало одного простого факта — он служил в бригаде спецназа ГРУ. С тех пор в Грузии он не появлялся.

Тогда он еще пытался подсчитать дни, проведенные в командировках на эти малые войны. За 92-й год таких дней у него набралось 282. После очень непростой командировки в зону молдавско-приднестровского конфликта, где он в том числе выполнял и обязанности представителя МВД России при министре внутренних дел Молдавии Косташе, после осетино-ингушского вооруженного столкновения, поразившего даже его, много повидавшего, своей жестокостью, Джобадзе перестал вести счет своим “боевым суткам”. Октябрьские события в Москве 1993 года еще больше утвердили его в тщетности такого подсчета: что тут считать зоной вооруженного конфликта, когда танки бьют прямой наводкой по зданию Верховного Совета в самом сердце его страны.

События тех дней развивались стремительно, но он предугадал обострение обстановки почти за неделю до 3-4 октября. В те дни и

он сам, и его подчиненные находились в самой гуще происходящего, собирали информацию, анализировали настроения людей, отмечали особенности изменения обстановки в бурлящей Москве. И очень рисковали — на его глазах толпа чуть было не разорвала офицера госбезопасности — того выдала вдруг заговорившая под одеждой радиостанция.

Свои выводы из анализа поступающих в разведотделение сведений Джобадзе докладывал “наверх”. Ответом до поры до времени была тишина, потом заговорили танковые пушки. Он и сейчас уверен: хоть ситуация была раскалиена до предела, кровопролития в столице можно было избежать...

Известие о том, что он вошел в группу по подготовке плана операции по восстановлению конституционного строя в Чечне, обожгло ледяным предчувствием. Предчувствием новой войны. Поначалу он не верил, точнее не хотел верить, что президент принял это решение окончательно. Иллюзии кончились, когда он вместе с представителями от командования внутренних войск вошел в рабочую группу Генштаба по подготовке плана предстоящей операции. Возглавлял группу генерал Виктор Барынькин, начальник Главного оперативного управления Генштаба. Работа шла непросто, взвешивались различные варианты, однако Джобадзе, который к тому времени имел кое-какие сведения о положении дел в Чечне, ощущал, что в Генштабе нет четкого представления о том, как могут развиваться события в случае ввода в мятежную республику армейских частей.

Однажды в Генштабе заинтересовались у представителей внутренних войск их мыслями о перспективах планируемой операции. Когда вопрос был задан непосредственно ему, Джобадзе высказал серьезные сомнения в возможности скорого разрешения конфликта путем вооруженного вмешательства. Постарался аргументированно объяснить свою позицию, ссылаясь на афганский опыт, опирался на факты, почерпнутые из имеющейся разведывательной информации, поступающей из-за Терека, и даже из аналитических материалов иностранных специалистов.

Его выслушали внимательно, а через короткое время за излишне самостоятельные и "необоснованные" выводы, изложенные в Генштабе, он получил немало неприятностей на свою голову.

Поначалу, еще обожженные известием о планирующемся штурме Чечни, он и его коллеги писали письма в Госдуму, другие федеральные органы власти, пытались хоть как-то привлечь внимание к проблеме. 11 декабря 1994 года он совершенно отчетливо осознал, что сражался с ветряными мельницами. Президент решение принял. Окончательно и бесповоротно.

В раннем январе 95-го он случайно узнал, что в новогоднюю ночь вблизи Грозного погиб журналист "Красной звезды" Владимир Житаренко. Скорбная весть резанула по сердцу. Он ведь знал Владимира Ивановича. В начале девяностых на одном из боевых выходов с "витязями" в районе осетино-ингушского конфликта Джобадзе познакомился с корреспондентом "Красной звезды". Житаренко, напросившись со спецназом на операцию, был восхищен работой отряда. В газете появились несколько "боевых очерков" о действиях "крапо-

вых беретов". В "дядюшке Джо" — герое одного из краснозвездовских материалов — Джобадзе узнал себя. Поначалу сильно разозлился: ну не имел права журналист "раскрывать" его личность на страницах печатного издания. В памяти всплыла встреча с Артемом Боровиком в Афгане — да уж, везет ему на до-тошных корреспондентов... Потом поостыл, хотел даже пойти на мировую, написано-то было, в общем, хорошо. По-доброму. В то время о войсках в прессе редко так писали. Хотел, да вот не случилось на новой войне по-доброму встретиться...

Вокруг него снова была война. Вокруг него снова гибли близкие люди, боевые товарищи: Александр Клинов, Дмитрий Чуханов, Александр Карпенко, Сергей Петрушко, гибли его разведчики, идущие, как всегда, впереди всех.

Это была тяжелая командировка, ведь и первые месяцы новой войны были очень трудными. От него, начальника разведки группировки, постоянно требовали одного — информации и еще раз информации. Добывать ее было невероятно тяжело. Большой помехой было полное отсутствие у разведки собственного канала связи — тяжелейшая проблема, так до конца и не решенная до сих пор. Сильно огорчало межведомственное размежевание — яркая примета той войны. Лишенный многих возможностей, а в первую очередь агентурной работы в среде незаконных вооруженных формирований, он не всегда мог получить достаточной и своевременной информации от разведорганов Минобороны, ФСБ и даже родного МВД. Каждый тянул одеяло на себя. Каждый зарабатывал очки на своем поле. То, что цена такому положению дел — жизнь солдата, похоже, мало кого интересовало. Но он работал. Случались и

удачи: из своих источников (много помогли казаки в Надтеречном и Наурском районах республики) удавалось получать сведения о нахождении в том или ином населенном пункте чеченского полевого командира. Дальше в дело вступали оперативные части или спецназ, с которым он и сам нередко выезжал на спецоперации.

В 95-м году случилось то, чего он так долго добивался: в главке внутренних войск было создано разведывательное управление. Наверное, и Чечня этому поспособствовала: наконец пришло понимание важности разведки как важнейшей составляющей в обеспечении боевой деятельности войск. Начальником управления был назначен генерал Кузнецов, до этого возглавлявший разведку Забайкальского военного округа. Почему это место не доверили Джобадзе — сейчас уже трудно сказать. Вроде бы не хватило образования — академии ведь не заканчивал. Он не стал докапываться до причин — не в его характере, а кроме того, и из разведки не ушел — занял место начальника информационно-аналитического отдела, мозгового центра разведуправления. С Кузнецовым они сработались — Виктор Иванович был человек знающий, опытный, настоящий профессионал, болеющий за дело всей душой. От этого у Джобадзе на душе было спокойно — с единомышленниками работать легче.

После первой кампании работы прибавилось. В войсках началось формирование отдельных разведывательных батальонов. Не все было просто, много нервов было потрачено, как всегда не хватало времени, средств, людей. Но батальоны были созданы и приступили сначала к учебе, потом к реальной боевой работе. И даже после хаса-

вюртовского мира, когда Чечня получила фактическую самостоятельность, поток информации, поступавший в разведуправление, в его информационно-аналитический отдел, не ослабевал. Все сведения скрупулезно разбирались, аккумулировались. Можно, конечно, было получить и больше, но для этого войсковой разведке требовалось одно условие — стать еще одним субъектом Закона об оперативно-розыскной деятельности. Для этого необходимо было внести поправку в закон. И Джобадзе, и его последователи много сил приложили для реализации этой идеи, однако до сих пор положительного решения по вопросу нет. А ведь это не прихоть разведчиков. Уже «первая Чечня» показала, что чисто войсковыми методами почти невозможно добыть весь тот объем информации, который мог быть полезен войскам при ведении боевых действий, проведении специальных операций. Без глубокого агентурного проникновения, без иных способов ведения разведки в Чечне разведчикам работать очень трудно. Получаемые войсками от «старшего брата» — МВД или Минобороны разведсведения часто бывают весьма важными, но нередко и, мягко говоря, «просроченными». Цена же информации на современной войне высока как никогда прежде.

«Вторую Чечню» он ждал. Анализ информации убедительно свидетельствовал: в той обстановке новой кампании было не избежать. У Джобадзе еще с молдавско-приднестровского конфликта сложились очень хорошие, доверительные отношения с казачеством. Ста-

вропольские казаки, как никто другой страдавшие от бандитских набегов с территории «свободной Ичкерии», здорово помогали, снабжая разведчиков внутренними войсками важными сведениями о чеченских бандах, промышлявших вдоль границы, об их главарях. Джобадзе в ответ, как мог, помогал казакам...

Когда полыхнуло в Дагестане, последние сомнения отпали: «вторая Чечня» будет.

Ехал он в свою крайнюю командировку с тяжелым сердцем. Нет, отказываться от места начальника разведки группировки не стал — не в его правилах. Просто чувствовал, что устал воевать. Неужели снова терять друзей?..

Как-то быстро надорвался он к январю 2000-го. Сердце, избитое большими и малыми войнами, стало давать сбои. Колоссальное напряжение — во что бы то ни стало дать информацию, дать! дать! дать! — в котором он жил каждый день той последней командировки, сказывалось все сильнее. Он горько усмехался, когда глубоко за полночь видел подъезжавшую к штабу «таблетку», забиравшую его в медицинский спецназ: «Вот и ты приотмился, разведчик...».

Сергей Сергеевич Джобадзе ушел в запас в звании полковника после инсульта, перенесенного вскоре после возвращения из Чечни. Организм, словно мощный аккумулятор, работал на полную мощность, пока не отдал все, что имел, потом энергия кончилась, свинцовые пластины осыпались... Джобадзе выкарабкался, вернулся к активной деятельности, начав работать в общественных ветеранских организациях. Создать семью

вновь за годы скитаний по пыльным военным дорогам так и не удалось. Дочь от первого брака живет на Украине, большинство родственников — в Грузии. Сегодня это очень далеко — в других государствах. Рядом остались мать и сестра. И боевые друзья. Кто-то еще служит, как Сергей Николаевич Куцов, сегодня возглавляющий разведуправление внутренних войск, кто-то ушел на заслуженный отдых, кто-то покоится в земле. К генералу Шаталину на могилу он ходит каждый год. Юрий Васильевич не только в памяти остался, но и в сердце.

Проезжая по московским улицам, он всегда снимает шапку и осеняет себя крестным знамением при виде православных храмов. Многие из них хорошо знакомы ему, он любит постоять в благой церковной тишине. А почему остался жив за все годы, проведенные на войне, он знает точно. Еще когда собирался в Афганистан, родственники дали ему в дорогу старинный серебряный крест, освященный в древней грузинской церкви, со словами «Железо тебя не тронет». Он, секретарь партийной организации части, носил его с собой все два года, что воевал под Джелалабадом. Хранил его и потом, во всех вооруженных конфликтах, во всех войнах. Были случаи, когда пуля пробивала его фляжку или проходила по касательной, пробивая бушлат. Но ранен он не был, остался в живых...

Из всех наград, которые имеет, больше всех он ценит две: медаль «За боевые заслуги», полученную в Афгане, и орден преподобного Сергия Радонежского, которым его в 2001 году наградила Патриарх Московский и всея Руси Алексей II.

Уроки мужества

На берегу реки Лабы, притока шумной Кубани, раскинулся небольшой городок Лабинск — место дислокации старейшей части внутренних войск, которой в январе 2004 года исполнится 80 лет. Этот славный юбилей выведенного в 1992 году из Тбилиси конвойного полка ныне готовятся встречать воины теперь уже оперативного батальона ВВ МВД России. Среди них немало тех, кто начинал службу в столице Грузии: замкомандира подполковник Александр Шавлов, замполтуну батальона подполковник Иван Яценко, начальник группы по работе с личным составом майор Олег Артемов, начальник склада старший прапорщик Георгий Райбули. В прошлом году уволился в запас отдавший четверть века родной части майор Николай Иванович Курилов. Пятеро Героев Советского Союза служили под знаменами прославленной, краснорозетной ча-

сти. Эти Боевые знамена и сейчас хранятся в комнате истории и боевой славы части, давшей немало экспонатов для Центрального музея внутренних войск. Сильны традиции прежних лет в батальоне. Теперь, когда в стране далеко не каждый год можно увидеть военный парад (то нет денег, то нет топлива), в Лабинске ежегодно на День Победы проходят по городу солдатские «коробки»: стрелки, связисты, саперы, разведчики. Урча, ползут БТРы, задрав в небо стволы, проезжают на ЗИЛах расчеты «зушек», буксируются минометы. Впереди с развернутым Боевым знаменем знаменитый взвод. Редкое по теперешним временам и красивое зрелище.

Полвека спустя

Есть в батальоне и Герой России, подполковник Николай Шевелев, бывший командир ныне расформи-

рованного второго батальона, погибший в апреле 2000 года под Сержень-Юртом. К сожалению, за время, прошедшее со дня гибели Героя, в части не осталось ни одного близко знавшего Николая сослуживца. Война, прошедшее сокращение сделали свое дело. Это не самое страшное, люди не вечны. Главное, чтобы сохранялась память. А это уже зависит от нынешнего поколения лабинцев.

В истории части есть интересный момент. В 1946 году воины полка занимались проведением специальной операции в Чечне, ликвидируя остатки банд в Грозненской области. Тогда было уничтожено 12 бандитов. Кто же знал, что история повторится почти через 50 лет. Только количество бандитов будет исчисляться уже не единицами. Действительно, если история — это наука, то почему она нас не учит? Или мы ее плохо учили? Может быть, об этом же думал старший лейтенант Евгений Автономов, по-

павший в плен к боевикам в бессознательном состоянии, будучи раненным 21 августа 1996 года. Через два дня начались мирные переговоры и обмен пленными, но не люди, потому что недобитых бандитов, расстреляли офицера, который предпочел смерть измене. Ныне он вместе с погибшим в боях с бандитами в 30-х годах красноармейцем Даниилом Саппой навечно зачислен в списки части. Девятнадцать однополчан потеряли лабинцы в ходе первой чеченской кампании.

Почти в два с лишним раза большие потери понесли они в ходе второй чеченской, которая еще далека до завершения. Больно вглядываться в портреты молодых мужчин в траурных рамках, "погибших на этом пути".

Вот обгоревшие военные билеты рядовых Вячеслава Веденкова,

Комбаты на вертушках не летают. Они летают на машинах. Вот и тут они гнали на всей скорости, ведь там, за поворотом, в каких-нибудь шестистах метрах, закончится этот ичкерийский лес и за горкой будет видна родная застава.

— "Туча-20", "Туча-20", я — "Второй", мы на подходе, как понял? Ответь.

Ну а в ответ подрыв фугаса и одновременно с обоих пологих скатов дороги из ожившего угрюмого леса прицельные залпы из гранатометов и треск автоматных очередей. Не меньше двух десятков боевиков, как шакалы на добычу, с истошными воплями "Аллах акбар!" кинулись к замеревшим машинам...

Это не разыграншееся журналистское воображение, это кадры трофейной видеосъемки, результаты судмедэкспертизы и восстано-

раненного, заменит задыхающийся от дыма Слава Воденков из Орла...

Отстреливались, пытаясь организовать оборону, раненые подполковник Николай Шевелев, волгоградец стрелок Евгений Вутлый. Но силы слишком неравны. Еще живых, шевелящихся людей боевик, позируя перед камерой, добывает контрольным выстрелом в голову из пистолета. Такие раны у Жени Вутлого, гранатометчика рядового Вани Лукьяненко, Максима Дубовского. Так и не смог покинуть горящую машину краснодарец рядовой Эдуард Даниелян.

Страшно описывать увиденное на кассете. И все же. Старший офицер на ближайшей заставе подполковник Виктор Мишура и кадры видеосъемки свидетельствуют, что оставшийся в живых засевавший в пылающей бронемашине, а это и был

Ивана Лукьяненко, Евгения Вутлого, других воинов, чьи фамилии и не разобрать. Здесь же их закоптившиеся жетоны-смертнички и настоящие крестики. Ясно, что они до конца были со своими хозяевами, в огне горящей бээмпэшки, подбитой из засады боевиками в апреле 2000 года под Сержень-Юртом. Эти ребята и были из экипажа подбитой бронемшины под номером 212, сопровождавшей КамАЗ с грузом для застав полка, разбросанных по всему Веденскому ущелью. Кто там бывал, не назовет это безалаберностью или беспечностью. Это тот нормальный минимум боевого охранения, который мог выделить командир разбросанного по всему ущелью оперативного батальона. Да и сам он, подполковник Николай Шевелев, ехал в том же КамАЗе, намереваясь проскочить на свои дальние заставы.

ленные поминутно радиопереговоры ближайшей заставы и сожженной колонны...

Подрыв и несколько прямых попаданий в корпус остановили и подожгли бээмпэшку. Застыл и КамАЗ — на узкой дорожке не разъехаться. От взрыва попавших гранат на месте погибли оренбуржец рядовой Евгений Виноградов, наводчик Павел Лысенко из прикубанской станицы Азовской. Беспомощно свесился из кабины водителя ростовчанин младший сержант Александр Пономарев. Начавших выпрыгивать из вспыхнувших машин солдат настигали пули. Прикрывая товарищей, задыхаясь в чаду горячей "бэхи", заработал пулемет, за который сел механик-водитель рядовой Александр Дашков из Старого Оскола; сквозь бойницу огнем из автомата его поддержал лабинец сержант Евгений Хлудеев, позже его, тяжело

Александр Дашков, не сдается, огрызается огнем. На заставе, где спешно формируется маневренная группа, выхватывают из эфира последнюю информацию: "Мужики, держись! Все погибли... Патроны заканчиваются... Я один остался... Прощайте!"

Учитель

Мое внимание привлекла отдаленно лежащая под стеклом фотография счастливо улыбающегося человека, держащего на руках "кулек" с младенцем. Рядом — молодая, красивая женщина.

— Наш начальник разведки майор Сергей Кустов, — опередил мой вопрос гид, заместитель командира батальона по работе с личным составом подполковник Александр Котов. — Погиб в ноябре 2001 года. Это его последнее фото.

Человек с фотографии продолжал улыбаться, будто говорил: "Посмотрите, какой у меня замечательный сын!". Почему так бывает в нашей жизни, что зло соседствует с добром, а счастье очень часто сменяется горем? Я заметил, что на военных фотографиях самые улыбочивые чаще всего потом и погибают. Видимо, смерть из зависти забирает их, лишая нас радости общения с такими людьми. Очевидно, и этот человек был большим жизнелюбом, собирался долго жить, растить и воспитывать детей. А еще он, наверное, хотел построить дом для своей семьи. И посадить дерево. Для полноты смысла жизни, раскрытого древним философом. Не успел...

— О нашем Сергее лучше расскажет его преемник и ученик капитан Мосолов, — прервал мои мысли подполковник Котов.

С капитаном Сергеем Мосоловым мы встретились вечером того же дня. Как я и предполагал, начальник разведки батальона, несмотря на свою молодость, человек бывалый. Настоящий боевой, обстрелянный офицер. По окончании военного института зеленым лейтенантом попал в разведку. Начать пришлось практически с нуля. Работа с картой, работа на местности, работа с людьми. В общем, сплошная работа, в том числе над самим собой. Постепенно стал появляться результат. Появился, как он говорит, вкус к выбранной профессии, ну и вместе с ним, наверно, непобедимое в молодые годы чувство бессмертия, крайне опасное для разведчика. Тут он и попался. Подорвался на растяжке. Подорвался серьезно. Жизнь спас бронезилят.

— Обычно я и не надевал его никогда, храбрился. А здесь будто кто-то подсказал: "Надень". В общем, спасибо пацанам моим, выволокли, оказали помощь, вкололи промедол... Получил паралич левой стороны тела. Пять месяцев валялся в госпитале, сначала в Ростове, потом в Реутово. Мать была сиделкой, ходила за мной и молилась. Видать, не зря. Откачали, однако. Теперь вот залечиваюсь да готовлюсь к очередной командировке.

Сергей вытягивает вперед левую руку и демонстрирует ее работоспособность. Рука еще не совсем восстановилась, да и ходит он тоже, немного припадая на левую ногу. Но разве может это стать преградой

человеку, который решил вернуться в строй?

Вообще же героем он себя и не считает, ему даже как-то неловко, что попался на растяжке, как пацан. Героем, Учителем, Кумиром для него навсегда останется его первый начальник майор Сергей Кустов.

— Когда я только прибыл в полк и был представлен ему, он сразу мне понравился, как только может понравиться зеленому лейтенанту статный, крепкий, улыбающийся майор в лихо заломленном на бок краповом берете. "Здорово, брат. Как тебя звать?" Узнав, что Сергеем, тут же пошутил: "Что ни рожа, то Сережа", а затем предложил посмотреть город. Потом он помог мне устроиться, перевезти вещи. Так я получил первые азы науки разведчика. Не корчи из себя крутого, оставайся самим собой, и люди, как говорится, к тебе сами потянутся. Но на другой же день от того вчерашнего, добродушного майора я получил по первое число. Не был готов к проведению занятий, а оправдаться было нечем. Не скажешь же, в самом деле: "Я же вчера с вами вместе вечер проводил". Намотал себе на ус и это второе правило. Дружба — дружбой, а служба — службой.

Так у нас и повелось. С утра гонял меня и бойцов Сергей Викторович до седьмого пота, учил всему, что сам знал. В вопросах службы Кустов был педантичен и порой придирчив до мелочей. Здесь он был жесток, требователен и бескомпромиссен. Все строго на "вы". Замечания так и сыпались на мою непуг

тую голову, порой даже обижался на него, глупый. А вечером он подойдет, обнимет за плечи, заглянет в глаза и скажет: "Ну, что, разведчик, нос повесил? Это только начало. Поедем пиво пить, я угощаю". И проходят все обиды, и ты опять счастлив, что не совсем, значит, ты еще потерянный для разведки офицер".

Замечательное это его качество — открытость и великодушие. Зла на людей он не держал. Не в его характере было затаить на кого-то обиду и по мелочам мстить. Да и ко всем своим подчиненным, до последнего солдата, он так относился. Очень чутким и заботливым был командиром. Любили его очень все у нас. Пользовался непререкаемым авторитетом. Бойцы знали, если что сказал Кустик (как они его любовно называли), значит, можно не сомневаться, так оно и есть. Как-то в командировке за начальника разведки был я. Чувствовал себя не совсем уверенно. Опыта было все же маловато. И бойцы мои сразу это поняли: в подразделении моментально нарушились те отношения между командиром и подчиненными, когда командир отдает приказ, а солдаты идут и выполняют его, не сомневаясь, что может быть как-то по-другому. От этого страдала работа, была низкая результативность, начала падать дисциплина. И тут в командировку прибыл Кустов. Бойцы моментально ожили, подтянулись. "Ну все, — можно было тогда услышать из палатки, — раз Кустик приехал, теперь все пучком!".

Когда в январе 2000 года под Мескер-Юртом наши попали в засаду, от больших жертв и паники спасло только хладнокровие начальника разведки. Тогда командование бригады отправило на Кустова документы на представление к званию Героя.

Семьями мы очень дружили. Когда у него второй сынишка, Димка, родился, мы с женой тоже пришли в роддом, Жанну его поздравить с выпиской. Помню, он тогда так не хотел ехать в командировку, это было заметно. Но ехать было некому, я тогда еще еле ходил. А через месяц счастливый папка погиб... Тот снимок, что вы видели — его последнее фото.

— Двадцать третьего ноября 2001 года на выезде из "мирного города Шали", будь он трижды проклят, бэтр, на котором ехал наш Кустик, подорвали фугасом. Подорва-

ли из дома, стоящего неподалеку от дороги. Мне он давно не нравился, подозрительный какой-то, хотя и жилой. Документы проверяли, все было чисто. А тут нате вам...

Хоронить Сергея Викторовича я сам напросился. Спасибо командиру, что не отказал. Похоронили его на родине, в деревне Грабово Пензенской области. Там же на стене школы, где Сергей учился, доску мемориальную установили.

Еще знаю, что комбат повторно отправлял документы на присвоение майору Кустову звания Героя России, но уже посмертно. Верите теперь, какой у меня был Учитель? Спасибо ему. Все, что он мне передал, я запомнил. На всю жизнь запомнил.

“Шахиды” на окладе

Беру со столика, застеленного трофейным ичкерийским флагом со следом солдатского ботинка 45-го размера и заваленного трофейным оружием и безделушками, книгу одного из идеологов ваххабизма Магомета Тагаева “Газават, или как стать бессмертным”, изданную на русском языке, между прочим, в Киеве. Листаю, читаю. Русскому православному человеку трудно понять, чего хочет автор. Убедить нас в бессмертии души? Но об этом нам, слава Богу, известно и без него. “Шахид” в переводе с арабского “мученик”. Между тем есть мученики и в православии, которое уже более тысячи лет исповедует Россия. Более того, 20-е, 30-е, 40-е годы прошлого столетия осыпали мученическими венцами тысячи россиян. Разве можно хотя бы близко сравнить их жизнь и смерть со зверствами псевдомучеников-шахидов? Шахид покупает свой “рай” ценой чужих жизней, жизней “неверных”, зачастую ими оказываются безвинные женщины, старики, дети. Наши православные мученики отдавали свои жизни, чтобы спасти жизни других, исповедую истинную христианскую любовь к ближним, своему Отечеству. Таковыми были первые русские мученики страстотерпцы князья Борис и Глеб, таковыми стали и наши воины, погибшие под Сержень-Юртом; тысячи других солдат и офицеров, жертвуя собой, “ради други своя”, становились истинными угодниками Божиими, мучениками. В какую преисподнюю отошли души бешеных мракобесов

в зеленых повязках, лучше и не вспоминать.

Впрочем, о несерьезности подобной литературы говорит и другой факт: лежащие здесь же россыпью записные книжки уничтоженных бандитов. Беру из кучи одну, другую, третью. Везде одно и то же. Имена, клички, населенные пункты Чечни и Ингушетии, а напротив колонки цифр. Долги. Кто кому и сколько должен в этой дьявольской игре под названием “Независимая Ичкерия”. Кочуя по небезопасной для них самих нынче родине, реквизируя у населения продукты, одежду, предметы первой необходимости, моджахеды предпочитают расплачиваться по безналу, то есть берут в долг и на всякий случай (для сомневающихся) записывают в зеленую книжицу: “Старые Атаги: Макка — 400, Зарема — 100”. “Видела, женщина? Воин Аллаха не врет. Теперь молчи и молись за нашу победу, которая не за горами”. Здесь же идут расчеты, уже, видимо, получаемые бандитом наличными, и раздача долгов своим: “Курчалой: Садид — 1 м. 500 т.р., Шазбан чечен — 100, наш Асланбек — 80 т.р.”. Примерно так расшифровали мне эти записи разведчики в штабе соединения. И никакой, заметьте, идеологии.

Ну а то, что нам объявлен газават, принимаем к сведению. Не впервой. Уничтожить нас физически, поработить духовно собирались многие. Переварили всех и не подавились, потому что в ответ на их крикливые лозунги в нашем народе всегда находилась мощная национальная идея сплочения народов и сохранения государства. А вот во-

круг “кого” и “зачем”, решать сегодня уже нам.

Быстро темнело, подошло время ужина, и за окном бойцы разных подразделений строем с песней направлялись в столовую. Сквозь окно громче всех доносилось нечто похожее на пионерскую речевку: “Раз, два, три, четыре, пять. Я иду тебя искать...”

— Это мои разведчики, — будто прочитав мои мысли, грустно улыбнулся капитан Мосолов, — а песня у них посвящена разведывательно-поисковым мероприятиям. Скоро ведь командировка в Чечню.

**Подполковник
Роман ИЛЮЩЕНКО**

Фото автора
и из архива семьи Кустовых

Лабинск-Москва

Некоторые фамилии изменены.

От редакции. Пока материал готовился к публикации, стало известно, что в январе от сердечного приступа скончался давний друг редакции, еще один замечательный боевой офицер, патриот своей части, майор Олег Артемов. Его сердце не выдержало нагрузок. Было ему немногим за тридцать.

ТЕРМИН “дедовщина” получил хождение с легкой руки журналистов, назвавших так случаи глумлений и издевательств одних военнослужащих над другими. Они даже расписали существующую градацию военнослужащих в зависимости от сроков службы: первая ступень — “салаги”, вторая — “духи”, третья — “черпаки”, четвертая (высшая) — “деды”. “Дедов” также называют “стариками”, “бойцы”, “дембеля”. На флоте “дедов” именуют “годками”, соответственно и дедовщина на флоте именуется “годковщиной”.

А в переводе на сухой юридический язык дедовщина — это по статье 335 УК РФ “Нарушение уставных правил взаимоотношений между военнослужащими при отсутствии между ними отношений подчиненности” “неуставные или антиуставные отношения”.

Еще раньше дедовщина именовалась казарменным хулиганством, поскольку наиболее часто подобного рода факты имели место именно в казарме, а специальной “воинской” статьи за это преступление не предусматривалось.

И все же термин “дедовщина” неприемлем из-за юридической бессодержательности, а “неуставные отношения” — слишком широкое и расплывчатое понятие, ибо любое отступление от требований уставов является, по сути, неуставным отношением к порученным обязанностям. Кроме того, дедовщина иногда существует в форме досконального соблюдения уставов. В этой связи рассматриваемые проявления было бы правильно называть правонарушениями в сфере межличностных отношений в войсках, а более конкретизированно — глумлением, издевательством и насилием над военнослужащими.

Под глумлением, согласно В. Далю, понимается насмешка, подшучивание в социально-негативном плане (недаром говорилось:

“С ТАКИМИ ГОСПОДАМИ НЕ НАДО ЦЕРЕМОНИТЬСЯ...”

Наиболее опасным и чрезвычайно тревожным последствием криминальной ситуации в войсках является постоянный рост насильственных преступлений и правонарушений, широко известных как дедовщина.

над стариками не глумись).

Под издевательством — насмешание, изгалиение, зубоскальство.

Под насилием — состояние, быт, жизнь под гнетом.

Любопытно отметить, что В. Даль характеризовал дедовщину как вотчину, дошедшую от деда. В определенном смысле это перекликается с современной армейской дедовщиной — армейский “дед” также передает свою “вотчину” следующему поколению “дедов”.

Таким образом, правонарушениями в сфере межличностных отношений в армии следует считать устойчивые социально-негативные проявления криминального характера, которые основаны на отрицательных традициях армейской действительности, уходящих в историческое прошлое, связанных с глумлением, издевательством и насилием одних военнослужащих над другими с целью подчинить их своему влиянию, с тем чтобы совершать в отношении них противоправные деяния корыстной направленности.

При этом корыстная направленность заключается не только в принудительном отбирании денег или

вещей у военнослужащего, но также в том, что молодого солдата заставляют выполнять работу вместо старослужащего, а иногда даже принимать на себя вину за совершенные старослужащими дисциплинарные проступки.

Откуда возникло это явление и каковы его основные причины, единой точки зрения нет.

Известно, что проявления дедовщины, по крайней мере, в русской армии существуют издавна, с допетровских времен. Сохранились они и в Красной Армии, и практически присущи в той или иной степени любой армии мира.

Так, на рубеже 1900 — 1914 годов в юнкерских и кадетских корпусах широкое распространение получила специфическая военная система “воспитания”, осуществляемая старшими воспитанниками над своими же товарищами, названная “цуканьем”.

“Цуканье” — это “всегда намеренное и насильственное издевательство старших воспитанников над младшими. Унижаются ... равно и дух, и тело”. “Цуканье” “практикуется порою как испытательная мера прочности товарищества”. Однако традиция “цуканья” — не симптом укрепления военной солидарности, а признак разложения, стирания личности; это нравственное убийство, вычеркивание веры в справедливость...” (журнал “Братская помощь”, 1909, №4). Например, юнкер Московского военного училища Дьяченко был осужден на два месяца заключения с содержанием в военной тюрьме за то, что нанес удар по лицу своему взводному после того, как последний сказал ему: “С такими господами, как Дьяченко, не надо церемониться”.

Известно, какое большое значение придавали большевики созданию Красной Армии. Несмотря на это, в период становления Красной Армии в ней были случаи избивания

военнослужащих офицерами. Объяснялось это тем, что "призыв к свободе понят превратно, все худшие черты духа человеческого, как более веселящие дух и тело, проявились на свободу" (Н.Мальшницкий, "Психология нашего солдата", журнал "Военное дело", 1919, №17-18).

Способствовал этому также ускоренный выпуск офицеров военного времени. Если в начале формирования Красной Армии были серьезные основания опасаться, что методы палочной дисциплины будут в ней доминировать, то позже в основном путем жесткой репрессивной уголовной политики этого удалось избежать.

Так, в 1924 году за оскорбление начальником подчиненного и подчиненным начальника было осуждено 2,5% всех правонарушителей — военнослужащих, а в 1925 году — 4%. Кроме того, наличие в Положении о воинских преступлениях (утверждено 31 октября 1924 года Президиумом ЦИК) статьи 19, устанавливающей ответственность за незаконное использование начальником подчиненного для обслуживания личных потребностей начальника или его семейства, говорит о том, что в Красной Армии середины 1920-х годов присутствовали элементы дедовщины. Также следует подчеркнуть, что в первые годы существования Красной Армии уровень преступлений против порядка подчиненности и воинской чести был высоким.

Вместе с тем дедовщины, как социально-негативного явления, ни в русской армии, ни в Красной Армии не было. В армии (конца XIX — начала XX века) происходили либеральные перемены, в частности, уменьшился до трех лет срок службы; практически отсутствовали питейные традиции; в лучшую сторону изменились взаимоотношения офицеров и нижних чинов (солдат), например, предлагалось обращаться к нижним чинам на "вы"; большинство солдат крестьянской армии искренне стремилось добросовестно послужить "царю и отечеству"; в Красной Армии во многом сохранялись лучшие традиции русской армии, привнесенные военными специалистами, этому способствовало также и то, что профессия военного была одной из самых престижных и высокооплачиваемых.

До 1960-х годов в Вооруженных силах и внутренних войсках не было устойчивых социально-негативных проявлений криминального характера в сфере межличностных отношений.

Что касается положения дел с дедовщиной в других армиях мира, то, например, в Германии осужденных за дурное обращение с подчиненными было: в 1903 году — 773 чел., в 1904-м — 669 чел., в 1905-м — 433 чел. За обиду и незаконное обращение с подчиненными в 1902 году — 205 военнослужащих, в 1903-м — 178, в 1904-м — 166, в 1905-м — 132. В этот период дедовщина насаждалась там унтер-офицерским (сержантским) составом с молчаливого попустительства офицеров. К воспитанию молодых солдат помимо унтер-офицеров привлекались и старослужащие. Но "воспитательные приемы" сводились к избиванию нижних чинов либо по прямому указанию начальствующего состава, либо с их молчаливого согласия.

В 1970-е годы в вооруженных силах США наблюдались проявления самодурства, цинизма, жестокости в обращении с подчиненными. Считается, что лишь с переходом на профессиональную основу в армии удалось решить эту проблему. В настоящее время при общении военнослужащих между собой запрещено употреблять нецензурные слова, а к виновникам применяются штрафные санкции. В то же время в уставе осталась норма, позволяющая сержантам наказывать провинившихся подчиненных физическими упражнениями, например отжиманием от пола до 50 раз. На армейском сленге это называется "битье мордой об асфальт".

В военном университете в Вест-Пойнте (создан по указу президента США Томаса Джефферсона в 1802 году) вся грязная работа по традиции выполняется первокурсниками. Кроме того, курсанты младших курсов в присутствии старших обязаны молчать. За нарушение этих предписаний вполне официально следует наказание — многочасовое выживание по плацу с оружием. Это своего рода форма борьбы с дедовщиной путем легализации некоторых ее наиболее безобидных форм.

Проблема дедовщины настолько сложна и многогранна, что в каждой части (!) вооруженных сил США

работает офицер, назначаемый генеральным инспектором. В своем подчинении такой офицер имеет несколько военнослужащих. Потерпевший от дедовщины обязан (!) информировать представителя назначенного офицера о случившемся. Рядовым военнослужащим дано право обращаться с любыми жалобами к командиру дивизии, предварительно записавшись на прием, минуя своего непосредственного начальника.

Однако вопреки всем мерам, например, в 1996 году от рук сослуживцев в армии США погибло 49 человек. Остаются в армии США нерешенными и вопросы наркомании, алкоголизма, суицидов, преступности. Об этом говорит статистика. В среднем ежегодно за прием наркотиков из армии увольняются до 20 тысяч человек. 120 тысяч проходят курс лечения от наркомании и алкоголизма. С неумеренным потреблением алкоголя связаны 31% всех травм, 23% случаев суицида и 32% убийств. Число суицидов в американской армии за 10 лет составило 17 тысяч человек. В результате опроса, проводимого Пентагоном в 1999 году среди военнослужащих национальных и расовых меньшинств, 75% признались, что испытали на себе предвзятое отношение со стороны сослуживцев.

Таким образом, проблема дедовщины, несмотря на предпринимаемые усилия, продолжает волновать командование и общественность не только в нашей стране. Круг нерешенных вопросов остается значительным, как видим, и в профессиональной армии США.

Борьба с правонарушениями в сфере межличностных отношений должна вестись комплексными методами на постоянной основе с привлечением достижений таких наук, как социология, психология, психиатрия, криминология, уголовное, уголовно-исполнительное право и других. Определяющим при этом должна стать позиция, согласно которой дедовщина — это зло, и его нужно искоренять усилиями всех должностных лиц.

Может ли быть коренным образом решена эта проблема в нашей армии, готовящейся стать профессиональной? Наверное, да, если на борьбу с дедовщиной встанем всем миром.

Подполковник Сергей МАЗУР

Подавляющее число журналистов в погонах — выпускники кафедры журналистики Военного университета. Не исключение и журналисты внутренних войск. Путь большинства из них к вершинам профессионального мастерства начинался на кафедре, которая в июне этого года празднует юбилей — 25-летие первого выпуска редакторского отделения. Об истории кафедры, о сегодняшних заботах ее педагогического коллектива наш корреспондент беседует с начальником кафедры журналистики Военного университета полковником Владимиром Ларченковым.

— Все, кто причастен к периодической печати, в том числе и военные журналисты, отметили в январе 300-летие российской прессы. Тем не менее мероприятия в честь этой знаменательной даты будут идти, как известно, в течение всего года. Выпускники редакторского отделения бывшей Военно-политической академии имени Ленина и факультета журналистики Военного университета в июне отметят еще один значимый для них юбилей. Какими же были прошедшие 25 лет для вашей кафедры?

— Сразу хочу уточнить, что 25-летие первого выпуска военных журналистов-управленцев — лишь одна из этапных дат в летописи кафедры. Свою же историю мы ведем с момента создания в 1947 году в Военно-политической академии имени Ленина редакторского факультета. Первые слушатели — участники Великой Отечественной войны. Преподаватели — также фронтовики. Руководил кафедрой полковник И. Портянкин, впоследствии доктор исторических наук, профессор. Преподавание вели полковники Н. Кононыхин, С. Жуков и другие. Кафедра первого формирования просущест-

Здесь готовят военных журналистов

ВИЗИТНАЯ КАРТОЧКА. Полковник Владимир Ларченков — военный журналист. Срочную службу проходил во внутренних войсках. Перед поступлением в военное училище служил в должности печатника дивизионной газеты «Сын Родины» (ныне газета Уральского округа ВВ МВД РФ). Выпускник Львовского высшего военно-политического училища и редакторского отделения Военно-политической академии им. В.И. Ленина. С 1977 по 1998 год проходил службу в Краснознаменном Дальневосточном военном округе. Прошел путь от корреспондента-организатора ежедневной газеты «Боевое знамя» 5-й общевойсковой армии (позднее ее главного редактора), старшего постоянного корреспондента журнала «Советский воин» до ответственного секретаря редакции центрального журнала Министерства обороны «Ориентир». В 2000 году по итогам конкурса полковник Ларченков назначен на должность начальника кафедры.

вовала двадцать лет. Затем последовали оргштатные мероприятия.

Следующая точка отсчета — год 1975. В составе военно-педагогического факультета академии воссоздается кафедра журналистики. Ее начальником становится полковник В. Ковалев (позже, последовательно сменяя друг друга, кафедрой руководили полковник Р. Зайнуллин, капитан 1 ранга П. Кузнецов, полковник В. Павлов). Спустя три года состоялся первый выпуск слушателей редакторского отделения. Выпускники академии были направлены для прохождения службы в окружные и флотские газеты, а также в центральную войсковую печать. Среди первых выпускников немало маститых журналистов. Это — Н. Рязанов, ныне возглавляющий пресс-службу одной из ведущих российских телекоммуникационных компаний, военный обозреватель «Комсомольской правды» В. Баранец и другие.

Многие выпускники принимали участие в боевых действиях на территории Афганистана. Суровую школу войны прошли Н. Бурбыга, А. Бреев, А. Дергачев, С. Дышев, А. Колотило, Г. Лисенков, Ю. Малышев, А. Патюлин, В. Пинчук, В. Чубаков, А. Ярошенко, М. Сыртланов.

Прискорбно, но события последнего десятилетия не обошли стороной выпускников редакторского отделения и курсантов факультета культуры и журналистики. Многие из них побывали в горячих точках. Есть и боевые потери. В 2000 году в Югославии погиб бывший адъюнкт, преподаватель нашей кафедры полковник С. Белогуров. В новогоднюю ночь 1995-го при штурме Грозного пуля обрвала жизнь ведущего публициста газеты "Красная звезда" полковника В. Житаренко. Во вторую чеченскую кампанию погиб заместитель главного редактора журнала "Морской сборник" капитан 1 ранга А. Лоскутов (сын Александра Григорьевича сержант А. Лоскутов учится у нас на третьем курсе). Все это еще раз подтверждает, что работа журналиста, тем более военного, всегда связана с риском. Грустно, что смерть вырывает из наших рядов лучших.

В этом году по инициативе кафедры воссоздан конкурс, носящий имя майора В. Глезденева, погибшего при выполнении редакционного задания. Так мы стимулируем добросовестную учебу курсантов, создаем атмосферу состязательности и заинтересованности в повышении их практического уровня. Кроме этого, очень важно сохранить память о коллегах, погибших при исполнении воинского долга.

В жюри конкурса заместитель главного редактора газеты "Красная звезда" полковник А. Докучаев, ведущий программы РТР "Вести недели" Е. Ревенко, генеральный директор журнала "Братишка" В. Шеремета, научный редактор журнала "На боевом посту" подполковник С. Колесников. В жюри также вошли руководители общественных организаций патриотической направленности: А. Буркин ("Россия православная"), М. Ненашев ("Общероссийское движение поддержки флота"), А. Ковалев (Московское объединение организаций ветеранов локаль-

Методический кабинет кафедры. Здесь собрана вся история военной печати.

Ветеран кафедры полковник в отставке Т.И. Ужegov.

Строгие экзаменаторы.

ных войн и вооруженных конфликтов). Все они помогли сделать вручение приза незабываемым для курсантов-дипломантов и участников

конкурса. Хочу отметить, что в конкурсе одержали победу курсанты Т. Сыртланов, Р. Вязин, Ю. Мухин, активно сотрудничающие с журналом "На боевом посту", газетой "Ситуация", их материалы хорошо известны читательской аудитории внутренних войск.

— Вернемся к истории кафедры. Несколько слов о том, в связи с чем в стенах академии начали готовить курсантов-журналистов.

— Произошло это в 1992 году, после того как в январе того же года Львовское училище — единственное на просторах СНГ учебное заведение, готовившее военных журналистов, — вошло в состав армии Украины. В апреле того же года большая группа курсантов в связи с отказом принять присягу на верность Украине была переведена в Гуманитарную академию ВС (до февраля 1992 года — ВПА им. Ленина). Здесь, на базе редакторского отделения, и был развернут факультет культуры и журналистики. Первый выпуск офицеров-журналистов состоялся в Москве уже в мае 1992 года.

— Кто сегодня постигает азы журналистского мастерства в стенах университета?

— Это недавние солдаты срочной службы, имеющие, кстати, определенные льготы при поступлении, суворовцы, нахимовцы, кадеты и, разумеется, вчерашние школьники. Есть те, кто продолжает семейную традицию. Для того чтобы поступить в Военный университет, необходимы крепкое здоровье, хорошая физическая подготовка и прочные знания в объеме школьной программы. Учатся, разумеется, и творческие способности абитуриентов. Что же касается сравнения с гражданскими вузами, здесь при подготовке специалистов мы руководствуемся единым Государственным образовательным стандартом. К тому же курсанты получают серьезные военные знания, без которых

не может обойтись кадровый офицер.

— Лицо любой кафедры, показатель ее научно-педагогического потенциала — преподавательский состав. Кто сегодня ведет будущих журналистов к вершинам знаний?

— На кафедре сложился коллектив единомышленников, высоких профессионалов, людей, всецело преданных своей профессии. Возьмем, например, заместителя полковника А. Колотило. Он член Союза писателей России, имеет большой опыт работы в военной печати. Александр Александрович — выпускник Львовского училища. Службу проходил в воздушно-десантных войсках. 25 декабря 1979 года в составе 103-й ВДД вошел в Афганистан и уже 1 января следующего года выпустил первый номер первой советской газеты на территории ДРА. Чуть позже он окончил редакторское отделение академии. На кафедру полковник Колотило пришел с должности заместителя ответственного редактора газеты "Солдат Отечества" Приволжского военного округа. Сегодня это автор книг "Афганистан идет за нами вслед", "Ошибка ефрейтора Зайферта".

Особая наша гордость — ветераны. Участник Великой Отечественной войны, полковник в отставке, орденонсец, кандидат исторических наук доцент кафедры Тимофей Иванович Ужегов 40 лет отдал педагогической деятельности. В 2000 году ему было присвоено высокое звание заслуженного работника культуры Российской Федерации. Среди бывших учеников Тимофея Ивановича известные военные писатели и ученые, генералы, руководители информационных структур Вооруженных сил и МВД, редакторы центральных, окружных изданий. За четыре десятилетия ветеран военной журналистики подготовил для военных СМИ свыше 1500 специалистов.

Достоинно трудится капитан 1 ранга в отставке Н. Шумихин. Более

К занятиям готовятся не только курсанты, но и преподаватели.

На занятиях курсанты 4-го курса.

Выпускники кафедры — корреспонденты журнала "На боевом посту".

четверти века Николай Алексеевич посвятил работе в "Красной звезде", пройдя путь от литературного сотрудника до редактора отдела про-

паганды. Николай Алексеевич преподает уже без малого 20 лет.

Под стать старшему поколению и более молодые преподаватели кафедры. Сегодня ее историю пишут полковник А. Чеботарев, подполковник В. Царик, капитан 2 ранга О. Половенко, В. Гапон, О. Фомина и М. Виноградова. В каждого из выпускников они вкладывают частичку своей души.

Нынешние выпускники факультета пополняют редакции военных газет и журналов. Не исключение и издания внутренних войск. Сегодня нет ни одного войскового печатного органа, где бы не служили воспитанники Военного университета. Кафедра журналистики гордится многими своими выпускниками. Среди них — заместитель главного редактора журнала "На боевом посту" Ю. Кислый, полковник запаса А. Ушар, главный редактор журнала "Братишка" С. Колесник, сотрудник пресс-бюро внутренних войск майор А. Лебедев и другие. Военный университет и кафедра журналистики подготовила достойную смену молодых военных журналистов для редакции журнала "На боевом посту" внутренних войск МВД России: А. Кудряшова, В. Винника, В. Болтикова, Р. Дуркача. Наши курсанты, проходя стажировку в этом издании, показывают высокий профессионализм.

Подводя итог, хочу отметить, что за прошедшие четверть века с момента первого выпуска редакторского отделения многое на кафедре изменилось: совершенствовались учебный процесс, программы, тематические планы, формы проведения занятий. Неизменны только гордость преподавателей и выпускников за свою альма-матер, преданность журналистским традициям и войсковому братству.

Беседовал майор
Андрей КОЗЛОВ

Фото Вадима ВИННИКА

Конечно, и нынешний 2003 год не станет переломным в деле обеспечения жильем военнослужащих и членов их семей. Очередь нуждающихся в улучшении жилищных условий по-прежнему велика. Да наши читатели и сами знают об этом. И все же что-то делается.

В прошлом номере мы познакомили вас с новостройками в Отдельной дивизии оперативного назначения. Однако не все наши части столь могучи, чтобы участвовать в строительстве многоквартирных домов. И здесь на помощь могут прийти государственные жилищные сертификаты и субсидии на приобретение жилья. Таких сертификатов Министерство внутренних дел в этом году получит 915. Достанутся они и очередникам войск. А о том, насколько весом квадратный метр по сертификату и субсидии в разных регионах, можно узнать из публикуемого по просьбам наших читателей постановления.

Государственный комитет
Российской Федерации
по строительству
и жилищно-коммунальному
комплексу

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

О средней рыночной стоимости 1 кв. метра общей площади жилья на II квартал 2003 г. для расчета размера безвозмездных субсидий и ссуд на приобретение жилых помещений всеми категориями граждан, которым указанные субсидии и ссуды предоставляются за счет средств федерального бюджета.

В соответствии с распоряжени-

ем Правительства Российской Федерации от 16 марта 2000 г. № 394-р Государственный комитет Российской Федерации по строительству и жилищно-коммунальному комплексу, проанализировав имеющиеся данные Госкомстата России о ценах на рынке жилья и стоимости строительства 1 кв. метра общей площади жилья по итогам IV квартала 2002 г., предложения администраций субъектов Российской Федерации и принимая во внимание ожидаемый рост стоимости строительной продукции, прогнозируемый Минэкономразвития России на I-II кварталы 2003 г., постановляет:

Утвердить среднюю рыночную стоимость 1 кв. метра общей площади жилья для расчета размера безвозмездных субсидий и ссуд, подлежащую применению федеральными органами исполнительной власти, органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации для расчета субсидий и ссуд, выделяемых по плану II квартала 2003 г., для всех категорий граждан, которым указанные субсидии и ссуды предоставляются за счет средств федерального бюджета на приобретение жилых помещений, в размерах согласно приложению к настоящему постановлению.

Председатель Н.П. Кошман

Приложение к постановлению
Госстроя России от
28.02.2003 № 28

Российская Федерация — 9960
Северный район — 8530
Республика Карелия — 7480
Республика Коми — 9000
Архангельская область — 8900
Ненецкий автономный округ — 8900
Вологодская область — 8850
Мурманская область — 8000

Северо-Западный район — 8470
Ленинградская область — 9000
Новгородская область — 8300
Псковская область — 7350

Центральный район — 9860
Брянская область — 7300
Владимирская область — 7400

Ивановская область — 7200
Калужская область — 7600
Костромская область — 7900
Московская область — 12400
Орловская область — 8600
Рязанская область — 8600
Смоленская область — 7500
Тверская область — 8600
Тульская область — 8600
Ярославская область — 9800

Волго-Вятский район — 8330
Республика Марий Эл — 7800
Республика Мордовия — 7540
Чувашская Республика — 8350
Кировская область — 8000
Нижегородская область — 8700

Центрально-Черноземный район — 7150
Белгородская область — 7140
Воронежская область — 7140
Курская область — 6800
Липецкая область — 7500
Тамбовская область — 7200

Поволжский район — 7970
Республика Калмыкия — 5300
Республика Татарстан — 8300
Астраханская область — 7850
Волгоградская область — 8400
Пензенская область — 7700
Самарская область — 8200
Саратовская область — 7430
Ульяновская область — 7400

Северо-Кавказский район — 7930
Республика Адыгея — 7550
Республика Дагестан — 6900
Республика Ингушетия — 6710
Чеченская Республика — 8380
Кабардино-Балкарская Республика — 6710
Карачаево-Черкесская Республика — 6710
Республика Северная Осетия-Алания — 6710
Краснодарский край — 9000
Ставропольский край — 7230
Ростовская область — 8150

Уральский район — 9880
Республика Башкортостан — 10450
Удмуртская Республика — 8700
Курганская область — 6900
Оренбургская область — 9100
Пермская область — 10400
Коми-Пермяцкий автономный округ — 8000
Свердловская область — 11500
Челябинская область — 8250

Западно-Сибирский район — 10390
 Республика Алтай — 7650
 Алтайский край — 8570
 Кемеровская область — 9970
 Новосибирская область — 11300
 Омская область — 8550
 Томская область — 9000
 Тюменская область — 11250
 Ханты-Мансийский автономный округ — 13500
 Ямало-Ненецкий автономный округ — 13500

Восточно-Сибирский район — 10030
 Республика Бурятия — 7100
 Республика Тыва — 6000
 Республика Хакасия — 7500
 Красноярский край — 11270
 Таймырский автономный округ — 8860
 Эвенкийский автономный округ — 8540
 Иркутская область — 11000
 Усть-Ордынский Бурятский АО — 9000
 Читинская область — 8450
 Агинский Бурятский автономный округ — 8450

Дальневосточный район — 10570
 Республика Саха /Якутия/ — 12800
 Еврейская автономная область — 7300
 Чукотский автономный округ — 7300
 Приморский край — 11000
 Хабаровский край — 10800
 Амурская область — 9100
 Камчатская область — 7300
 Корякский автономный округ — 7300
 Магаданская область — 7300
 Сахалинская область — 12200

Калининградский район
 Калининградская область — 10100

г. Москва — 17000
г. Санкт-Петербург — 12000

Я военнослужащий запаса, проживаю в двухкомнатной квартире общей площадью 44 кв.м с женой и дочерью (23 года), сын — студент, учится в другом городе. Жильем за все время службы не обеспечивался. Данную квартиру приобрел за свой счет. Часть, где я служил, была сокращена, пришлось уволиться. Однако так как обещанного мне сертификата для улучшения жилищных условий я

так и не получил, то решил дослужить в в/ч 3684 (г.Балаково), где в постановке на очередь для улучшения жилищных условий мне было отказано. В ноябре 2002 года, увольняясь со службы по предельному возрасту, подал рапорт на получение жилищного сертификата, однако командование мне отказало и в этом. Хотел бы узнать с вашей помощью, положен ли мне жилищный сертификат или денежная компенсация за приобретенное жилье?

Прапорщик запаса Н. КНЯЗЕВ
 г.Балаково,
 Саратовская область.

От редакции. Уважаемый товарищ Князев, на основании п.5 постановления Правительства Российской Федерации от 19.03.2002 г. №168 "О совершенствовании деятельности по реализации федеральной целевой программы "Государственные жилищные сертификаты" право на получение сертификата имеют граждане РФ, "не имеющие жилых помещений для постоянного проживания на территории Российской Федерации... и признанные в установленном порядке нуждающимися в улучшении жилищных условий". Поскольку жилье у Вас имеется и на момент увольнения Вы не стояли на очереди в части, то не считались нуждающимися в улучшении жилищных условий, поэтому сертификат Вам не положен. По той же причине Вам не положена и денежная компенсация или ссуда, выплачиваемая нуждающимся согласно Положению о порядке оказания безвозмездной финансовой помощи на строительство (покупку) жилья и выплаты денежной компенсации за поднаем жилых помещений военнослужащим и гражданам, уволенным с военной службы, утвержденному постановлением правительства от 26.06.1995 г. № 604. Однако если бы Вы были своевременно признаны согласно п.4 данного постановления нуждающимся в улучшении жилищных условий, то Вам бы полагалась безвозмездная финансовая помощь "в размере стоимости части площади жилья, недостающей до установленной социальной нормы площади жилья". Денежная компенсация за приобретенное за свой счет жилье законодательством не предусмотрена.

Воспитание — это не просто слова и лозунги, а повседневный, тяжелый и кропотливый труд. И как в любом серьезном деле, в воспитании подчиненных сегодня множество проблем как объективного, так и субъективного характера.

Человек был и остается абсолютным оружием на войне. Я в этом убедился во второй чеченской кампании. Чем современнее техника, тем больше возрастает роль бойца, и прежде всего роль офицера. Утраченные возможности подготовки офицеров-воспитателей, сокращение в военных вузах программ обучения по общественно-гуманитарным и социально-экономическим дисциплинам принесли свои горькие плоды. Сегодняшние командиры взводов и рот слабо знают, как организовать и проводить воспитательную работу с подчиненными.

Однако незнание методики не самая главная причина недостатков в организации воспитательной работы. Более веская — нежелание большинства молодых офицеров заниматься воспитанием подчиненных. В настоящее время у офицеров изменились приоритеты и мотивация службы. Вчерашний выпускник военного вуза, прибыв в часть, в первую очередь задает вопросы: "Где моя квартира? Почему мне так мало платят? Где найти подработку?"

Думаю, профессионально

В номер

подготовленный офицер-воспитатель просто необходим в войсках. В батальоне нужен и квалифицированный психолог, и профессионально подготовленные заместители командиров рот по работе с личным составом.

К сожалению, на сегодняшний день в войсках сложилась противоречивая ситуация. С одной стороны, налицо снижение качества призывного контингента. Более 40 процентов призывников приходят в армию с низким уровнем образования, нервно-психической устойчивости, каждый третий злоупотреблял до призыва алкоголем, пятнадцать процентов употребляли наркотики, каждый десятый имел приводы в милицию, два процента имеют судимость, десять процентов новобранцев не желают служить в армии, у тридцати процентов — ослабленное здоровье, каждый четвертый воспитывался в неблагополучной семье. Отсутствие начальной военной подготовки в школе, узость интересов подростков, стремление к легкой жизни, наживе, тунеядству плюс разлагающее воздействие некоторых СМИ, пропаганда разврата, насилие — все это не может не отразиться на податливой, неокрепшей психике молодежи.

С другой стороны, для воспитания и обучения таких военнослужащих нужны высококвалифицированные командиры, их помощники, профессионалы, которые, применяя современные методы и формы воздействия на человека и коллектив, могли бы решать задачи воспитания, поддержания вы-

сокого морально-психологического состояния, укрепления воинской дисциплины и правопорядка. Как ни парадоксально, но в настоящее время опытных психологов, социологов, правоведов очень мало в войсках. Уровень их "зоны ответственности" начинается не ниже полка, бригады. А солдатская жизнь в основном протекает в роте или батальоне. Со своим подразделением солдат ходит в караул, занимается боевой учебой. Поэтому психолога и социолога важнее иметь в батальоне, а не в полку или бригаде.

У нас любят подсчитывать соотношение офицеров и солдат. Я думаю, не надо бояться, если в низовом звене таков соотношение вырастет в пользу первых. Главное, мы добьемся повышения уровня дисциплины, обстановки в подразделениях станет чище и нравственнее, а значит, будет крепче фундамент профессиональной выучки. Не эту ли цель преследует реформирование?

Нам нужны современные средства обучения и воспитания личного состава. Время громких маршей давно прошло, баяны и гитары не удовлетворяют потребностей военнослужащих, денежных средств, выделяемых на соответствующую статью финансирования, не хватает даже на подписку на газеты и журналы.

Российский гражданин всегда отличался высоким уровнем духовности, эмоциональностью и патристичностью. Когда мой батальон готовился к участию в боевых действиях на территории Чечни,

своей распушки. Более 40 процентов личного состава приняли крещение. Практически весь личный состав батальона в ходе участия в боевых действиях носил ленты со словами православной молитвы "Живый в помощи Вышней!". А перед отправкой в район выполнения боевых задач семь военнослужащих мусульманского вероисповедания с благодарностью и трепетом восприняли напутствие православного священнослужителя, сказав: "Нам это не помешает, а скраб, поможет!" И в один день в процессе воспитания своих подчиненных я отчаялся исполнить возмозможности расположения поблизости монастыря.

А что происходит вокруг? В Москве и других городах распространяется литература, в которой даются советы, как уклониться от воинской службы. Существуют и действуют различные организации, формирующие негативное отношение к службе в армии. Но в правовом государстве должны пресекаться антигосударственные действия. И коль у нас определено Конституцией Российской Федерации, что защита Отечества является долгом и обязанностью каждого гражданина, то законопослушные граждане должны это требование выполнять, а государство — пресекать любые действия, идущие вразрез с законом.

Подполковник Сергей ВОЛКОВ,
командир батальона

Мне выпала честь служить в инженерных войсках, которые имеют трехсотлетнюю историю. Это бесценное наследие позволяет им не только гордиться службой, но и использовать в воспитании военнослужащих героические традиции, богатый боевой опыт. Поэтому мы твердо понимаем свою роль и личную ответственность за сохранение и развитие этой жи-

недеятельности, обучения и воспитания подчиненных. В частности, одним из важнейших направлений своей работы считая создание благоприятных условий для службы и быта офицеров. И все же, несмотря на проводимую работу, не удалось сократить количество молодых офицеров, желающих досрочно уволиться из войск. Нередко их побуждает к этому в том числе и то, что не все положения Закона "О статусе военнослужащих" исполняются в полном объеме. Есть много проблем и у старших офицеров. Например, в жизни получается так: офицер, переезжая из гарнизона в гарнизон, продвигаясь по службе, всегда на новом месте оказывается последним в очереди на жилье. А другой, служа в одной части, нередко на низшей должности, получает социальные льготы. Во многом именно это удерживает способных офицеров от продвижения по службе, получения дальнейшего образования. Считаю необходимым предусмотреть для них социальные гарантии.

Майор Артур ГУРДЖИ,
командир батальона

Помогите разобраться в сложившейся ситуации.

К вам обращается старший прапорщик запаса Белозеров Михаил Викторович. С 1978 по 1990 г. я проходил службу в войсковой части 8699 на должности контролера по охране ИТУ. В дальнейшем был переведен в аэродромную часть 3527. В 1993 году вышел приказ КВВ № 450 от 3.11.93 г., где говорилось о том, что военнослужащим, проходившим службу по охране ИТУ, при увольнении в запас засчитывается срок службы 1 месяц за 1,5 месяца. Я был уволен с военной службы в феврале 2002 года по возрасту и выслуге лет, которая составила 26 лет. При подсчете выслуги лет мне в в.ч. 3527 не засчитали льготную выслугу с

1978 по 1990 г., объясняя тем, что у меня не было записи в личном деле о том, что я пользовался льготами. Какая же может быть запись, если приказ вышел в 1993 году? Всем работникам, которые работали в колониях, засчитывается льгота, а нам, контролерам, тем, кто непосредственно выполнял основную работу в ИТУ по охране осужденных, сутками находящимся среди них, выполнявшим административную работу, выходит, она не положена? Я обратился в курский гарнизонный суд, откуда меня направили в пенсионный отдел, где объяснили, что, мол, вы военнослужащий и поэтому не попадаете в эту категорию. Положена ли мне все же льгота или нет?

С уважением,
старший прапорщик
запаса БЕЛОЗЕРОВ

г. Курчатов, Курская область

От редакции. Уважаемый Михаил Викторович, назначение пенсии в пенсионный отдел производится не на основании приказа КВВ МВД России, а на основании постановления Совмина — Правительства РФ от 22.09.1993 г. № 94.1 "О порядке исчисления выслуги лет, назначения и выплаты пенсий и пособий лицам, проходившим военную службу в качестве офицеров, прапорщиков, мичманов и военнослужащих сверхсрочной службы или по контракту в качестве солдат, матросов, сержантов и старшин, и их семьям в Российской Федерации", в которое был позже внесен ряд изменений. Согласно этому документу (п.3, п.п.г) "один месяц службы за полтора месяца" засчитывается при прохождении службы "в исправительно-трудовых учреждениях... лицам рядового и начальствующего состава органов внутренних дел, учреждений и органов уголовного исполнительной системы, уволенным после 20 июля 1992 г.". Поскольку Вы являлись военнослужащим и уволились из системы ИТУ до 20 июля 1992 года, эта льгота Вам, к сожалению, не положена.

Уважаемая редакция!
Благодарю за публикацию моего письма в №3.

Честно говорю, не думаю, что вы так быстро откликнетесь. А обидевшись, решил поделиться с вами еще одной проблемой. Точнее рассказать о непонятной ситуации с получением командировочных денег после командировок в Чеченскую республику. Дело в том, что положенные нам денежные командировочные следует получать в Моздоке. Или так же кадр поставить в командировочные удостоверение штампик, что эти деньги не получал Дя. Моздок наша тыловая база, там же аэродром и все же далеко не всегда выбираться из Чечни приходится через него. Колонна может выйти и на Ставрополье, в Дагестан вертушка может лететь в Краснодарский край, Наличик или Ростов-на-Дону.

К тому же положенное в Моздоке не получить в выходные дни или праздники. Или если ты являешься там поздно вечером, касса закрыта, и ищи полет до утра.

Если же не стал круглым вать, в примеру, из Махачкалы или в том же Моздоке подвернулся попутный борт, то потом приходится из части посылать опять в Моздок запрос о получении или не полученном тобой в нем командировочных.

Наверное, кто-то когда-то ужился получить командировочные дважды. В Чечне и у себя в части. Допускаю также, что таких жуликов было несколько. И все же не думаю, что это повод подбрасывать всем остальным возвращающимся из Чечни военным и создавать им дополнительные трудности, которые у них, поверьте, и без того хватает.

Михаил АНДРЕЕВ

г. Москва

От редакции. Если вы оказались в подобной ситуации, пишите нам.

МИХАИЛ БОРИСОВ

На фронт он ушел добровольцем в семнадцать лет. Отличился в боях под Сталинградом, а на Курской дуге в бою под Прохоровкой лично уничтожил из противотанкового орудия семь фашистских "тигров". Герой Советского Союза. Трижды раненный, дважды контуженный, закончил войну в Берлине. Затем были годы учебы и работы, борьбы с недугами и службы — непростой офицерской во внутренних войсках, в том числе и в нашем журнале. Михаил Федорович Борисов — автор двадцати пяти поэтических книг, лауреат нескольких литературных премий. Его стихи переведены на европейские языки.

О ВЕРЕ, О ДОЛГЕ, О МЕСТЕ В СТРОЮ...

СТРОКА, ОБОРВАННАЯ ПУЛЕЙ...

Памяти В. Стрельченко

Не голова — пчелиный улей,
А вздох — как стон издалека:
Строка, оборванная пулей, —
Не полновесная строка.
Но, истекающая кровью,
Она до боли дорога.
В ней пепелища Подмосковья,
Огнем крещенные снега.
И на нее, на вскрик поэта,
Пророка горестной земли,
В тот миг крылатая Победа
Уже откликнулась вдали.

МЕСТО В СТРОЮ

Со временем стала
лишь блеклой золой
Зловещая суть "Барбароссы"...
Но над горемычной все так же

землей,
Как некогда, вьются угрозы.
Не страшно у бездны застыть
на краю,
Страшней жить в тоске и печали.
О вере, о долге, о месте в строю
И днями твержу, и ночами.
И если нагрянет опять ворожье
В каком-нибудь яростном
"дранге",
При первом раскате команды
"В ружье!"
Займу свое место на фланге.
На левом иль правом
получится встать,
Какое имеет значение?
Важней, чтоб не смог
обезумевший тать
Разъять нашей жизни течение.
Не страшно у бездны застыть
на краю,
Страшней жить в тоске и печали.
О вере, о долге, о месте в строю
И днями твержу, и ночами.
Занять сразу место —
и выиграть бой,
И вспыхнуть заоблачным
светом...

Тревожные думы парят
надо мной,
И каждая дума — об этом.

ВСТРЕЧА С МАТЕРЬЮ

Ограда.
Полынного духа истома.
Задреманный клен у плетня.
И ты на крыльчке
родимого дома
Слезами встречаешь меня.
Целую твои исхудалые руки,
В глаза виновато гляжу.
— Прости, дорогая,
за годы разлуки,
В которых невольню кружу,
За слухи и вести о сыне
глухие,
За редкие письма прости,
За то, что поныне еще
ностальгия
У сына не очень в чести...
Как давит полынная

эта истома!
И я после долгих дорог
Стою на крыльчке
родимого дома
Не в силах шагнуть за порог.
Стою, сокрушаюсь,
Что было бы надо
Вернуться к тебе по весне...

И ты не простишь,
Как прощала когда-то, —
Мы встретились только во сне.

Ни волны, ни легкой зыби
Ни вблизи, ни вдалеке.
Целый день
Вдоль речки Бзыби
Прошагал я налегке.
Не светла она, не спорю,
И не каждому мила...
Но бежала речка к морю
И меня к нему вела.
Камни слева, камни справа,
Камни и передо мной —
Развеселая оправа
У смуглянки заводной!
От зеркальной этой стыни,
Необычной здесь,
Уже

Беспокойства и в помине
Не осталось на душе.
Словно все мои заботы
От нее вдруг отлегли,
Отлетели, точно годы,
И растаяли вдали.
Ни волны, ни легкой зыби
Не увидев день-деньской,
Я прошел вдоль речки Бзыби,
Как вдоль заводи обской.

РАССВЕТ ПОД СМОЛЕНСКОМ

Старый берег Днепра
от шоссе недалече
Приподнялся, привстал,

как чумак молодой,
Развернув во всю ширь
угловатые плечи
Над шумящей внизу
неуемной водой.
А на той стороне,
где сплошные покосы
До сих пор первородной
дремоты полны,
Расчесала заря
порыжевшие косы
Гребешком набежавшей
от стрежня волны.

Перед ней и стрижи
свой урок отлетали
И мотив отыграл:
— Не-ог-ля-ден прос-тор!
И теперь наяву заплясал
в краснотале
Золотой шевутной,
развеселый костер.

Рядом ахнула ель,
как на наледи полоз,
Подыграло шоссе
резким всхлипом оси...
У земли
нутряной прорезается голос
И плывет, и плывет
по исконной Руси.

НОЧЬ

Ночь распластала на шторах
Чуткие крылья свои.
В темных, бездонных просторах
Звезд закружили рои.

Ниже спускается небо,
Звень и смятенность струя.
Кажется, можно и мне бы
Кануть в шальные края,
Вспомнить далекое детство,
Сжечь за собой корабли...

Но никуда мне не деться
От притяженья Земли.

Когда плотней мою дорогу
Пожухлый лист припорошит,
Любой покой тогда, ей-Богу,
Уже ничто не сокрушит.
Но жизнь есть жизнь,
И для мужчины
Покой — не просто благодать.
Напрасно лгут мои морщины,
Что до него рукой подать.
Хотя недуги и усталость
Все чаще застыт белый свет,
Натура стойкою осталась,
Какой была на взлете лет.
Не зря же в сумерках белесых
Который день уже подряд
Твои девические косы
Чистейшим золотом горят.
Опять стою над Обью сонной
И под вечернюю зарю,
В тебя
И в жизнь еще влюбленный,
Судьбу стократ багодарю.
Благодарю за эти грезы,
За чувство верное свое
И за твои, как в дымке, косы —
Грядущей осени жнивье.

Были, знаю, судьбы и похуже,
Не пекись сегодня о своей
И о том,
Что выцвели к тому же
Солнечные пряди ковылей.

Ими околдованный однажды,
Не сумел усвоить одного:
Путнику, хрипящему от жажды,
Не спасти от жажды никого.

Задохнусь,
Забуду про отсрочку,
Про полет тропинки полевой
И на недописанную строчку
Упаду усталой головой.

Михаил ГОРБОВ

Михаил Васильевич ГОРБОВ родился в 1922 году на Украине. С золотой медалью окончил среднюю школу, собирался продолжить образование в гуманитарном вузе, поскольку уже в то время писал стихи и короткие рассказы и однажды в Киеве был премирован за участие в литературном конкурсе собранием сочинений А.С. Пушкина. Однако жизнь рассудила иначе.

В сентябре 1940 года он был призван на действительную службу в войска НКВД СССР. Здесь он встретил войну, участвовал в обороне Кавказа, в прорыве "Голубой линии" на Таманском полуострове, в борьбе с бандеровщиной на Западной Украине.

С 1948 года в войсковой печати. С золотой медалью окончил редакторский факультет Военно-политической академии им. В.И. Ленина. Десятилетие трудился в журнале "Пограничник", а с семидесятого по восемьдесят третий год — в нашем журнале. Здесь он возглавлял отдел боевой службы и боевой подготовки, отсюда уволился в запас с должности заместителя главного редактора. Награжден тремя орденами и многими медалями.

В декабре прошлого года полковнику в отставке М.В. Горбову исполнилось восемьдесят. Он всегда пользовался большим авторитетом в нашем творческом коллективе, являлся одним из его "золотых перьев". Но вот что примечательно — журналистика, писательство стали смыслом жизни этого талантливого человека. Прочитав его солдатские мемуары, думается, читатели сами в этом легко убедятся.

Странными и удивительными кажутся причуды человеческой памяти: иной раз никак не могу отыскать только что снятые очки и в то же время помню многое из того, что происходило со мной и моими боевыми друзьями полвека назад — в годы войны. Казалось бы, уже всё сказано о той гигантской кровопролитной битве нашего народа против смертельного врага. Но память ветеранов делает достоянием общественности все новые и новые факты. Вот и я, бывший фронтовой сержант, решил поделиться с вами своими воспоминаниями.

Фото 1941 года

НА ВОЙНЕ
И
РЯДОМ С НЕЮ

Документальное
повествование

Утро выдалось тихим, безоблачным. Вверху мирное голубое небо, внизу — бирюзовая гладь моря, а под боком — тёплый пляжный песок. У нас, курсантов сержантской школы, или, как тогда её называли, школы младшего начсостава 59-го полка войск НКВД по охране железных дорог и железнодорожных сооружений, был выходной день. Всего месяц назад школа переехала из Армавира в летние лагеря, расположенные на крутом морском берегу между Туапсе и Геленджиком. Сначала мы радовались: как же — попали прямо на курорт. Но “курорт” обернулся другой стороной. Ежедневно напряженные занятия, преимущественно полевые, в горно-лесистой местности. Перебежки, переползания, рытьё окопов в скалистом грунте и маршброски при полной выкладке, со станиной от пулемета “максим” весом в тридцать шесть килограммов. И всё это в тридцатиградусную жару. Единственной отрадой после такой “бани” было море: окунешься, и как будто сто пудов с плеч долой.

Вот и в этот выходной мы позволили себе расслабиться. И вдруг нашу мирную жизнь нарушил тревожный сигнал трубы, объявлявший общий сбор. Через несколько минут курсанты выстроились на плацу. Начальник школы старший лейтенант Осипенко сообщил о том, что сегодня на рассвете немецко-фашистские войска напали на нашу страну. Идут бои по всему фронту от Баренцева до Черного моря. Состоялся митинг, на котором мы проклинали врага и обещали разгромить его в считанные дни. Потом разошлись по палаткам и написали рапорта с просьбой направить на фронт. Нам тогда казалось, что мы не успеем повоевать и лавры победителей достанутся другим, более счастливым и удачливым. Только начальник школы Осипенко оказался трезвомыслящим и прозорливым. Он снова собрал нас на плацу, поблагодарил за боевой порыв и сказал:

— Война — дело серьёзное и долгое. Все мы успеем навоеваться. А сейчас давайте быстренько свернем лагерь и вернемся к постоянному месту дислокации в город Армавир. И продолжим учебу.

Армавир нас встретил тревожными вестями с фронта. Наш военный городок стал местом сбора мобилизованных воинов запаса. Почти ежедневно сюда сходились и съезжались мужчины из ближайших станиц и хуторов. Здесь их обмундировывали, вооружали, формировали команды и отправляли на запад. Всё это сопровождалось прощальными напутствиями, безутешными рыданиями матерей, жён и детей. Вот в такой обстановке мы проучились ещё месяц. В конце июля каждому из нас прикрепили на петлицы по одному красному треугольничку, что соответствовало званию “младший сержант”.

“Стоило ли из-за этого треугольничка вкалывать, если приплюсовать сюда учебный пункт, почти десять месяцев?” — думалось тогда. Зато позже я не раз поминал своих командиров добрым словом за их науку, которая на фронте выручала в трудные минуты боя.

Из школы я был направлен в Ростов-на-Дону командиром хозяйственного отделения при управлении только что сформированной 36-й бригады внутренних войск, которая также занималась охраной железных дорог. Признаться, такое назначение меня не очень вдохновило: хотелось покомандовать строевым отделением, а получилось иначе. Моё уныние еще больше возросло, когда я познакомился со своими подчиненными. Почти все они были призваны из запаса, а зна-

чит, намного старше меня. Это были шоферы, писари, кладовщики, повара. Одни исчезали куда-то среди ночи, а днем отдыхали, другие, наоборот, работали целыми днями и появлялись за полночь. Не было ни общего подъема по утрам, ни дружного отбоя вечером, к чему я привык в сержантской школе. Тут надо бы работать с каждым в отдельности, а я был обучен лишь подавать общию команды перед строем. Поэтому, как говорится, путался у всех под ногами, не мог найти своё место в коллективе. От нечего делать помогал писарям в штабе или в хозяйственной части.

Между тем война приближалась. Немцы захватили Таганрог, и бои шли на подступах к Ростову. Город постоянно бомбили. В Ростове скопилось много беженцев, среди них скрывались дезертиры. Последних вылавливали и отправляли на передовую. Однажды и мне довелось поучаствовать в этом, скажем прямо, неприятном деле.

Вызывает меня как-то начальник штаба и, указывая на стоявшую в сторонке группу бойцов, говорит:

— Сержант, вот этих молодцов надо доставить на фронт. Повезёшь их на полуторке и сдашь первому попавшемуся командиру на передовой. И смотри, чтоб не разбежались. Иначе шкуру с тебя сниму...

Их было до двух десятков. В основном пожилые, из запаса. Я велел всем забраться в кузов, а сам сел в кабину рядом с водителем. К счастью, никто из них не сбежал, хотя в пути возможностей для этого предоставлялось хоть отбавляй. Дорога непрерывно обстреливалась вражеской артиллерией, да и авиация не давала покоя. Заметив приближение “юнкеров”, мы останавили машину и бежали подальше от шоссе, прятались в придорожных канавах, воронках.

Во время одного из таких налетов я отбежал к телеграфному столбу и уткнулся головой в его основание. В тот же миг земля вздрогнула, что-то взвизгнуло, и раздался треск. Открыв глаза, я с ужасом увидел, что столб, возле которого прятался, накренился и держался только на проводах. Его выше головы головы срубил острый осколок величиной с ладонь. Ещё горяченький, он лежал тут же рядом. Придя в себя, я потянулся рукой к этому ужасному сувениру, засунул его в вещевой мешок на память. Потом долго носил его с собой, показывал товарищам.

Наша машина вскоре вошла непосредственно в зону боёв. Там и сям в кюветах попадались опрокинутые автомашины и броневики. Справа и слева от шоссе на огневых позициях стояли орудия. Многие из них вели огонь прямой наводкой. По всему полю вставали кусты от разрывов снарядов. Низко, почти цепляясь за придорожные деревца, пролетел наш У-2. Сделав несколько прыжков, он остановился среди поля. К нему сразу подбежали санитары с носилками, на которых лежали раненые. Погрузка длилась считанные минуты, иначе вражеский снаряд накрыл бы и самолет, и санитаров, и тех, кого они спасали. “Кукурузник”, словно стрекоза, развернулся, снова малость пробежался по стерне и взмыл в небо. Удивительная машина для такой “работы”!

Наконец я увидел матушку-пехоту. Стрелковое подразделение рыло окопы. Некоторые из них упирались прямо в шоссе. Из окопа выскочил какой-то командир, капитан, и замахал нам кулаком.

— Куда прёшься... тыловая крыса! — в сердцах выпалил он, когда мы остановились и я выглянул из кабины. — К немцу в руки угодить желаешь? Не больно понравиться ты ему в своей фуражке.

Тут только я вспомнил, что на мне вовсе не полевая

форма, а что ни на есть тыловая: фуражка ярко-голубая с краповым околышем. Такая и впрямь немцу не понравится. Между тем капитан малость поостыл и уже спокойно спросил:

— Далече ли направился?

— Да вот велели подкрепление вам подбросить, — ответил я, кивнув в сторону кузова. О том, кто эти люди, я умолчал.

— Подкрепление — это хорошо! — обрадовался командир. — Даже очень кстати. Ну-ка мигом, ребята, в окопы! — уже приказным тоном обратился он к притихшим бойцам. Те повыскакивали из кузова.

С легким сердцем я снова сел в кабину и скомандовал: "Поехали!" Но не тут-то было. Наш грузовик попрыгнул и заглох. Пришлось просить у капитана нескольких "своих" бойцов вытолкать машину на взгорок. Она под уклон резво покатилась, но на очередном подъеме снова замерла.

Что делать? Фашистские снаряды ложатся все ближе и ближе. Бросить машину и идти дальше пешком? Но как на это посмотрит начальство? Оно же не побывало в подобной переделке и не поверит в мои объяснения. Нет, нельзя оставлять казенное имущество. Надо еще раз попытаться вытолкнуть грузовик на горку, а там, может, он одумается и заведется.

Скрывшись за горкой, мы уже спокойно починили мотор и с горем пополам добрались до Ростова.

Я побежал в штаб, чтобы доложить о выполненном задании. Но докладывать оказалось уже некому: управление бригады переехало в Тихорецк. А тут, в здании, остался лишь один офицер — начальник физподготовки и спорта капитан Смагин. Он сообщил, что отныне я перехожу в его распоряжение. Наша задача — по очереди дежурить у телефонных аппаратов, в том числе у аппарата правительственной связи ВЧ, поддерживать связь с руководством войск в Москве и передавать полученные распоряжения центра в штаб бригады.

Война подступила к самому городу. В небе безнаказанно кружили фашистские самолеты, отовсюду слышались взрывы авиабомб. Мы продолжали исправно нести свою службу. Одно было плохо — в спешке наши начальники позабыли снабдить нас пропитанием. Пришлось добывать провизию самим. Это взял на себя капитан Смагин. Он на время исчезал куда-то и внезапно появлялся с какими-то коробками, свёртками, из которых извлекал колбасу, печенье, сухари. А однажды он привез на повозке два небольших бочонка с пивом и вином. Всё это добывалось из складов и магазинов, которые уже почти не охранялись.

В городе участились случаи мародерства. Боясь остаться без средств к существованию, население очищало магазины, лавки, продовольственные склады. Да и власти, готовясь к эвакуации, уничтожали всё, что не удавалось вывезти. На крутом берегу Дона я видел ручей, по которому в реку стекала не вода, а самый настоящий спирт. Это на винзаводе открыли краны резервуаров. К ручью потянулись алкоголики и просто любители выпить на холяву. Скажу прямо — неприятное это было зрелище.

У нас в роду не баловались спиртным. Поэтому и у меня не было к нему никакого интереса. Оба бочонка оказались в полном распоряжении капитана. А я тайком от него наполнял вином кружку и ставил на подоконник соседнего дома, стоявшего впритык к нашему. Кружку исправно забирала жившая там Валюша, подружка моего товарища Лёни Чудинова, который вместе со штабом уехал в Тихорецк.

Не знаю, пила ли она сама или отдавала вино отцу,

но я взялся снабжать их исправно. Правда, история эта продолжалась недолго: на второй или на третий день Валя постучала мне в заветное окно и с волнением сообщила, что по соседнему переулку только что проехала колонна немецких мотоциклистов, направлявшихся прямо к Дону. Тут же подбежала её мать, державшая в руках гражданскую одежду.

— Вот возьми! — крикнула она, сунув мне узел. — Быстренько переоденься и беги к нам. Уходить из города уже поздно. Какое-то время переждёшь, а там видно будет...

— Нет-нет! Что вы?! Ни в коем случае! — с волнением ответил я и побежал сообщить о случившемся своему начальнику.

Мы стали лихорадочно метаться по кабинетам, срывая телефонные аппараты и складывая их в мешок, сшитый из штор. Жалко было оставлять врагу такое имущество. В последнюю минуту я достал из печки уголёк и на стене большими буквами написал: "Мы ещё вернёмся!" Затем взвалил на одно плечо мешок, на другое вскинул винтовку, и мы выбежали на улицу. Решили пробираться к Дону дворами.

Со всех сторон слышались стрельба, разрывы мин и снарядов. Мост, к которому мы добежали, ещё не был захвачен фашистами, но уже обстреливался с двух сторон. У переправы скопилось много беженцев. Мы с капитаном на ходу вскочили в кузов подошедшей к мосту автомашины, доверху загруженной каким-то барахлом, в основном мебелью. Выбросив несколько стульев, втиснулись между диваном и задним бортом. Ну, кажется, вот оно — спасение.

Но не тут-то было. Рядом прогремел мощный взрыв, машина вздрогнула и остановилась.

— Вот гады! — выругался капитан, первым выскочив из кузова.

Я спрыгнул вслед за ним.

То, что мы увидели, было ужасным: мина угодила прямо в кабину водителя. А нас, выходит, спасла чья-то добротная мебель. Спасибо хозяину! Видать, это был не простой человек. Скорее всего, какой-то начальник.

Невдалеке на обочине, у моста лежала мертвая женщина, а рядом маленькая девочка, видимо, её дочь. Вся эта картина промелькнула в мгновение ока, а запечатлелась на всю жизнь...

До берега оставалось несколько десятков метров. Мы ринулись туда и оказались в окопчике. Теперь можно было отдышаться и подумать, как действовать дальше. Только тут я вспомнил, что мешок с телефонными аппаратами остался в машине. Но не бежать же за ним под грохот рвущихся вокруг снарядов и мин, под свист пулеметных очередей? Однако жалко всё же военное имущество. А что как спросят, где оно?

— Да брось ты терзаться, — прикрикнул на меня капитан. — Твой мешок наверняка уже сгорел. Лучше давай думаем, как добраться до Батайска.

Словно услышав наши мольбы, судьба смилостивилась над нами: через мост, обстреливаемая со всех сторон, прорвалась ещё одна полуторка. К вечеру на ней мы добрались до цели. Оказалось, что хозяйственные подразделения нашей 36-й бригады все ещё находятся в Батайске. Возглавляет группу начальник продслужбы капитан Грунфест. Короче говоря, я снова попал в своё родное отделение, разместившееся в одной из местных школ.

В Тихорецк нас не отправили. Немцы к тому времени выдохлись, фронт стабилизировался. Да и стужа сделала своё дело. Зима в том году выдалась ранняя и суровая. На беду фашистов. Вот они и решили отси-

даться в теплых городских квартирах. А наши войска, занявшие оборону на левом берегу Дона, готовились к реваншу. Накапливали силы, вели усиленную разведку. Ночью по скованной льдом реке некоторые ростовчане приходили к нам и рассказывали об обстановке в городе: немцы мародёрствуют, веселятся, празднуют победу. Многое наши разведчики узнавали и от вездесущих мальчишек: катаясь на санках и коньках по льду, те подмечали, где у немцев зарыты орудия, миномёты, где расположены пулемётные точки...

Удар был дерзким и неожиданным. Ночью, когда фашисты справляли очередную пирушку, советские войска перешли по льду Дон, охватили город с двух сторон и дружно ударили по противнику. Перепуганные фашисты, многие буквально в нижнем белье, выскакивали из домов и драпали в сторону Таганрога. А на пути их встретили наши конники с шашками наголо...

К утру Ростов был очищен полностью. Это случилось 26 ноября.

Спустя неделю наше хозяйство возвратилось на прежнее место. Вскоре сюда прибыл и штаб бригады. Разместились в разбитом здании, там же, на Энгельса, 63. Оккупанты похозяйничали в нем вовсю: поломали и спалили мебель, повыбивали стекла в окнах. Но вот надпись моя на стене осталась. Я радовался и хвастался перед товарищами: дескать, каким прозорливым оказался. Обещал — вернёмся, вот и вернулись.

Несколько дней мы приводили здание в порядок. А до этого квартировали кто где у местных жителей. Устроив своих подчинённых, я пошёл доложить об этом капитану Грунфесту. Тот как раз готовился ужинать. На столе перед ним стояла открытая банка тушёнки, тарелка с хлебом и бутылка водки.

— Присаживайся поближе, сержант, — пригласил он меня к столу, едва я закончил доклад. — Закусим чем Бог послал.

— Спасибо, товарищ капитан. Я поужинаю с солдатами, — попробовал было уклониться я, глядя на уже откупоренную поллитровку и два стакана возле неё.

— Садись, раз начальство велит. Ты что, устава не знаешь? — шутя настаивал гостеприимный хозяин стола. — Да и гляжу, вон как посинел на морозе. Ещё заболеешь.

Капитан разлил "горючее" и один стакан поставил передо мной. Заметив, с какой робостью гляжу на этот стакан, приказным тоном продолжил:

— Да пей же ты! Тоже мне красная девица нашлась. Залпом хватани, и вся недолга.

Зажмурил глаза, я опрокинул обжигающую жидкость в рот. Поперхнулся, закашлялся, но не прошло и пяти минут, как ногам стало тепло-тепло. Потом теплота стала подниматься выше и выше и наконец дошла до моего посиневшего лица.

— Ну вот и порозовел, — улыбнулся капитан. — Водка, брат, для фронтовика лучшее лекарство. Раньше я тоже её не шибко уважал, а здесь нужда заставляет.

Рассказываю об этом эпизоде так подробно потому, что употребил спиртное первый раз в жизни. В армию меня призвали после окончания десятилетки, почти мальчишкой. Вообще, как уже говорил, у нас в семье не любили выпивок, да и денег на них не было. А пиво не люблю до сих пор, предпочитаю ему русский квас.

— Теперь иди и хорошо отоспись, а завтра за работу, — сказал на прощание Грунфест и добавил: — Я тоже, пожалуй, прилягу. За день очень устал.

Легко сказать: можешь идти отдыхать. А где? Там, где устроил подчинённых, для самого места не осталось. Что ж, решил я, попытаю счастья у старых знако-

мых — у родителей Вали Белозёровой. Небось местечко для меня найдется. На стук дверь открыла заспанная хозяйка. Объяснил ей ситуацию, попросился на ночлег. Она сказала, что в комнатах все места заняты. Рада бы приютить, да вот...

— Ничего, — нашелся я, — не барин, лягу прямо здесь, у порога.

Ей ничего не оставалось, как согласиться. Я сунул одну полу шинели под бок, другой укрылся. Шапку — под голову. Вот постель и готова.

В тот же миг я уснул. Проснулся довольно рано. И не потому, что хорошо выспался. Разбудил меня громкий и, как мне показалось, недовольный голос. Надо мной стоял изрядно обрюзгший мужчина в майке и брюках-галифе, висевших на подтяжках.

— А это ещё кто такой? — спросил он.

— Сержантик из вашего штаба. Пришел поздно. Попросился переночевать, и я не могла ему отказать, — словно оправдываясь, пояснила хозяйка квартиры.

— Чтобы впредь его здесь не было! — произнёс обладатель галифе не терпящим возражения голосом.

Я притворился спящим, соображая, как мне быть. Тихонечко приоткрыл глаз и сразу узнал в постояльце нашего контрразведчика, старшего сержанта госбезопасности, что по армейским меркам соответствовало старшему лейтенанту. Фамилию его запомнил, да это сейчас и не важно.

В войну ведомство, в котором он служил, называлось "Смерш", то есть "Смерть шпионам". От этого ведомства он и был прикомандирован к нашей бригаде. Понятно, как только он ушел в другую комнату, меня как ветром сдуло. Схватил шапку в охапку да шинель подмышку и был таков.

В тот ранее гостеприимный дом я долго не заходил. Так, изредка встречался с Валею то на лестничной площадке, то во дворе. Перекидывались парой-тройкой ничего не значащих слов и шли каждый своей дорогой. А далее этот мелкий вроде эпизод имел серьезные последствия. Мои случайные встречи с Валею не остались незамеченными "грозовой шпионов". Тут не до сантиментов, когда завелся соперник, к тому же моложе тебя лет на пятнадцать. Комитетчик, видимо, не знал да и знать не хотел, что я ему вовсе не помеха, что встречаюсь с девушкой как с подружкой моего приятеля, с которым переписываюсь. А она от него писем не получает и поэтому каждый раз спрашивает, нет ли чего нового от Лёни.

Как бы то ни было, а закончилась эта история тем, что меня вскоре откомандировали в 106-й стрелковый полк войск НКВД по охране железных дорог и железнодорожных сооружений...

Штаб полка находился здесь же, в Ростове, а его подразделения были разбросаны по всей области. Один из таких гарнизонов охранял железнодорожный мост через Дон. Мост тот почему-то назывался "американским". Поговаривали, будто его строили под руководством американского инженера. Вот сюда меня и перевели для дальнейшей службы. В сущности, моста как такового уже не существовало. Средний его пролет, что поднимался на двух опорах, пропущенная корабля, был взорван ещё осенью, когда наши войска уходили из Ростова. Теперь это была куча искорёженного железа. Ее надо было убрать и соорудить новый пролёт. С этой целью сюда прибыли два мостопоезда — так назывались части, состоящие из саперов и гражданских специалистов. Вагоны, в которых они жили, стояли тут же рядом на запасных путях.

Этот мост оказался чуть ли не единственной пере-

правой, связывающей фронт с Северным Кавказом, где располагались ближайшие тылы соединений, сражавшихся под Таганрогом и на реке Миус. Правда, в черте города имелись ещё шоссейные мосты, но сколько груза через них переправишь нашим немногочисленным автотранспортом? Вот почему командование фронта прилагало все усилия для восстановления "американца". А немцы старались всячески помешать этому. В центре такого противоборства и оказались мы, бойцы маленького гарнизона. Сначала его возглавлял молодой, энергичный, спортивного телосложения старший лейтенант Кашкаров. Но вскоре его откомандировали. Начальником гарнизона был назначен призванный из запаса бывший партизан, участник Гражданской войны, а затем директор кирпичного завода на Кубани капитан Занин.

На новом месте мне не пришлось долго входить в курс дела, моих обязанностей. Там я встретил двух своих одноклассников по сержантской школе. Оба они уже были отмечены государственными наградами. У маленького ростом коренастого сержанта Конончука на груди красовался орден Ленина. Другой сержант, по фамилии Ротань, был награжден боевой медалью. Ещё до встречи я знал историю их награждения и события, предшествовавшие тому.

Случилось это как раз в тот день, когда мы с капитаном Смагиным покидали Ростов и на мосту попали под вражеский обстрел. А несколько ниже по течению Дона, у моста железнодорожного, разыгралась настоящая трагедия. По заранее уложенному настилу здесь двигались войска, отступавшие под натиском врага. Проходили не только танки, артиллерия, но и пехота. И вдруг одно из таких подразделений численностью человек сорок-пятьдесят, не доходя до моста, развернулось в боевой порядок и открыло огонь по часовым, по казарме нашего гарнизона. Часть автоматчиков устремилась на другой берег и завязала перестрелку с бойцами, выскокшими из расположенного там караульного помещения. Автоматчиков поддерживала плотным огнем другая часть нападавших, забравшихся на ферму моста. Атаковавшие, а это было спецподразделение немцев, переодетых в красноармейскую форму, хотели захватить мост и не дать нашим саперам взорвать его после отхода войск. Их действия были так неожиданны и дерзки, что наши бойцы сначала растерялись. В одном из окопов немцам удалось захватить даже подготовленный к стрельбе станковый пулемет. Германский офицер, заскочивший в этот окоп, открыл из него огонь...

Не могу точно вспомнить, по какой причине в нужную минуту возле пулемета не оказалось возглавлявшего расчет сержанта Конончука и его подчиненных. То ли беспечно все ушли на обед в караульное помещение, то ли бросили, запаниковав. Но как бы то ни было, красноармейцы опомнились, сообразили, с кем имеют дело, втянулись в бой. А Конончук решил хотя бы и ценой жизни искупить свою вину. Под прикрытием огня товарищей он подполз к траншеям и по ходу сообщения незаметно подобрался к фашистам. Первым выстрелом из револьвера он сразил офицера, вторым — лежавшего рядом с ним солдата. Быстро развернув станковый пулемет, сержант открыл стрельбу по автоматчикам, захватившим караульное помещение, а затем перенёс огонь на тех, что засели на фермах моста.

Из соседнего окопа застрочил ручной пулеметчик Ротань. По свидетельству очевидцев, немцы сыпались в реку, как орехи с куста. Под прикрытием пулеметного огня остальные бойцы дружно атаковали фашистов.

Почти все они были уничтожены, лишь небольшой горстке удалось скрыться за домами на правобережье. Не обошлось без потерь и с нашей стороны. Погибли часовые, стоявшие на постах в это время. Несколько человек получили ранения. Но главное — боевая задача была выполнена, мост снова находился в наших руках. За этот подвиг Конончук и Ротань удостоились своих наград.

Ну а мост саперы в тот же вечер взорвали. Взорвали, чтобы спустя несколько месяцев снова восстанавливать его, что и происходило, как я уже говорил, на моих глазах.

Немцы всячески пытались воспрепятствовать этому. Их артиллерия уже не могла нас достать. Зато авиация бомбила исправно. Педантичные немцы действовали с точностью до минуты: перерыв делали только ночью с двух до четырёх часов. Остальное время кружили над городом и мостом, пытаясь во что бы то ни стало уничтожить его. Такой "концерт" продолжался несколько месяцев, до тех пор, пока не началось летнее наступление фашистов в 1942 году. И здесь нам, пожалуй, было ничуть не легче, чем тем, кто сражался на передовой. В минуты усиленных бомбёжек я не раз вспоминал того фронтového капитана, который обозвал меня тыловой крысой. Что бы он сказал, если бы увидел всё это?!

Назло врагу восстановительные работы на мосту шли полным ходом. Их прикрывали дивизион зенитных орудий и дивизион зенитных пулеметов. В небе часто вспыхивали воздушные бои между нашими истребителями и фашистскими бомбардировщиками. Заградительный огонь был так плотен, что немцы не рисковали опускаться низко, бомбы сбрасывали с большой высоты и куда попало.

"Юнкерсы" чаще всего появлялись со стороны устья Дона. Шли армадой, наводя ужас всё нарастающим гулом моторов. Затем рассредоточивались: одни поворачивали к центру города, другие продолжали полет вдоль реки. Это "наши". Сейчас они тоже разделятся на две группы: одна нацелится на подавление зенитных средств, другая — на удар по мосту.

Как обычно, бомба сбрасывается заранее, далеко от цели и летит к ней по инерции. Поэтому мы не сразу прячемся в укрытия. Надеваем каски и наблюдаем, как что-то напоминающее чернильную каплю отрывается от самолёта. Постепенно она увеличивается и начинает свистеть. Вот теперь пора нырять в окоп.

Часто случалось, что бомба пролетала сквозь проёмы ажурных мостовых ферм и, так и не задев их, шлепалась в воду, а на берег вместе с брызгами летела оглушенная рыба. После такого налета некоторые смельчаки садились в лодку, плыли вниз по течению и там подбিরали судаков, лещей, красноперок. До очередного налёта мы успевали всё это почистить, сварить в ведре и накормить тех, кому предстояло идти на посты. Во вторую смену за стол садились те, кто вернулся со службы. А случалось, что уху есть было некому: хотя возле каждого поста были устроены укрытия, они не спасали от бомбежек. Ведешь смену, а сменять-то некого: часовой убит.

Одна из бомбежек запомнилась мне особенно. Это случилось в начале июня. В тот день я был назначен начальником караула. В промежутке между налётами покормил, проинструктировал и развел по постам вечернюю смену. Не успел вернуться, как появились "гости". На этот раз их было слишком много. Я доложил в штаб полка о налете. По мере приближения стал считать самолёты, чтобы точнее получился доклад. Но так и не ус-

пел закончить подсчёт. Заметив, что некоторые самолёты разворачиваются на бомбометание, побежал к телефону. Вокруг караульного помещения уже сотрясалась земля, а дежурный офицер всё допытывался: сколько самолетов, да каких типов, да что они делают. Я не выдержал и крикнул в трубку:

— Если нужна такая точность, приезжайте и считайте!

Выскочил из караулки, которая уже ходила ходуном, и по привычке нырнул в окопчик, вырытый как раз напротив входной двери. В этот момент земля вздрогнула и заколебалась, как при землетрясении. Я сразу смекнул: где-то совсем рядом шлёпнулась бомба огромного размера. Следующая мысль: сейчас она грохнет. Сейчас она рванёт. Сейчас...

Тело сжалось в комок в ожидании роковой секунды. «Сейчас она...» А она всё медлит, словно хочет поиздеваться надо мной. Между тем надсадный рёв в небе стих. Я осторожно выглянул из окопа. Караульное помещение уцелело. Рядом — подозрительное отверстие в земле. Не иначе как туда ушла эта страшная бомба. Ушла глубоко и почему-то не взорвалась. И слава Богу. Пора докладывать дежурному в штаб о последствиях налёта, а для этого надо обежать посты...

А налёты день ото дня учащались. Вскоре и наше подразделение вооружили зенитным пулеметом. Командиром расчёта по совместительству назначили меня. Видимо, учли, что в сержантской школе я обучался стрельбе из пулемёта «максим». Новый пулемёт назывался ДШК. Говорили, что такие установлены на самолётах. Позицию для него мы оборудовали невдалеке от железнодорожной насыпи, рядом с землянкой. Установив пулемёт, стали тренироваться в стрельбе по воздушным целям. Для этого на проводах между телеграфными столбами развешивали макеты немецких самолётов, передвигали их с помощью длинных шнуров и осваивали прицеливание. Помогали нам и соседи — зенитчики. Вскоре на тренировках стали использоваться боевые патроны, что приближало учёбу к реальной обстановке.

Между тем ситуация накалялась.

Над нами всё чаще стала появляться «рама». Так называли мы немецкий двухфюзеляжный самолёт-корректировщик. Он разведывал цели и передавал их координаты экипажам бомбардировщиков или же фотографировал наши позиции. Очень неприятная птица эта «рама». Вот и в тот памятный для меня день она появилась с утра и, как стервятник, выслеживала добычу. Вести огонь по ней бесполезно — слишком высоко, не достанешь. Сделав круг над городом, она удалилась в сторону Азовского моря. Почти одновременно на горизонте появились тёмные точки. По мере приближения они всё увеличивались, наконец превратились в силуэты самолётов. Очередной налёт.

Невдалеке загрохали наши зенитки. Напряжение нарастало. Сквозь прицел вижу, как один бомбардировщик, отделившись от остальных, летит прямо на меня. Или это мне так кажется? Нет, не ошибся я — это «мюй». Подавляя внутреннее волнение, прицеливаюсь и жму на гашетку. В небо взлетает фейерверк трассирующих пуль. Но «юнкерс» упрямо идет вперёд. Делаю поправку в прицеле, но опять не достаю. В потоке трассирующих пуль замечаю знакомую чёрную каплю. Снижаясь и увеличиваясь, она неумолимо движется в мою сторону. Уже слышен свист. Вот-вот грохнет. Поняв своё бессилие в поединке, камнем лечу в открытую дверь землянки и падаю на пол. В тот же миг где-то рядом раздаётся мощный взрыв:

Первое, что я увидел, очнувшись, была закрытая дверь землянки. Неужели я успел её захлопнуть? Что-то не помню. Поднялся, попробовал открыть дверь — не поддаётся. Значит, захлопнуло взрывной волной. Оглянулся по сторонам. В полумраке увидел сидящих на нарах солдат, которые отдыхали здесь после смены. Жутко тянет гарью. Кинулся к светящемуся в другом конце окошку. В нём наше спасение. Осторожно просовываю голову. Хорошо: раз голова прошла, пройдет и остальное. С трудом выползаю наружу и бегу к своей позиции. Но... нет ни позиции, ни пулемёта. Лишь одна искорёженная станина сиротливо торчит из земли.

Надо же так угодить — бомба взорвалась в пяти метрах от места, где стоял пулемёт. А в воронке, как телеграфный столб, красуется железнодорожный рельс. Какая же нужна сила, чтобы поднять на воздух, перевернуть торчком и вбить в грунт эту стальную махину?!

Если не считать ДШК, мы обошлись без потерь. А вот у зенитчиков один боец убит, несколько ранено. Досталось и немцам: в километре от нас горел фашистский самолёт. Ещё один, оставляя за собой шлейф дыма, удалялся в сторону Азова.

Итак, мост снова уцелел, а это было для нас самое главное.

Такое единоборство продолжалось до июля. К тому времени мост полностью восстановили, по нему пошли первые поезда, доставляя на фронт оружие, боеприпасы, продовольствие, а оттуда возвращаясь с ранеными. Мостовики от нас уехали на другой участок. На объекте стало тише. И никто, кроме вражеской авиации, не мешал нам налаживать его надёжную охрану.

Иногда меня, как знающего город, капитан Занин посылал с поручениями в штаб полка или бригады. Однажды, выполнив задание, я все же решил заглянуть на минутку к Вале и её родителям. Тем более что Валина мама относилась ко мне как к родному сыну, старалась покормить, чем могла. Приняли меня хорошо, благо постояльца не было дома.

В Валином облике произошла большая перемена. Она как бы стала взрослее и одета была по тем военным временам шикарно. Просто настоящая дама. Что-то новое для меня появилось в её манере двигаться и разговаривать.

Все это я уловил не столько умом, сколько интуицией, нутром. Нет, не та Валюша, и всё. Пока ее мама готовила для меня еду, я успел расспросить Валентину, нет ли писем от Леонида — её и моего дружка. Затем от нечего делать взял с подоконника книжку и стал перелистывать. Из книги выпала на пол бумажка. Решив, что это закладка, поднял её и хотел было обратно сунуть под обложку. Но вдруг заметил, что на бумажке что-то написано. Любопытство взяло верх. Читаю: «Долго ли мы с тобой будем играть в кошки-мышки?» И никакой подписи. Почерк твёрдый, ровный, короче — мужской. Во всяком случае не Валин: её каракули я знал. Трудно сказать почему, но записка вызвала во мне неприятное чувство. Нет, это была не ревность, а что-то иное. Гадливость скорее всего, обида за друга Лёну, которого обманывают, и, конечно же, неприязнь к человеку, который оставил в книге эту записку. Им, разумеется, был особист. Стало ясно: между ними самый обычный флирт.

Ничего необычного в этом не было: иные женщины не могли устоять перед хорошим офицерским пайком. Не исключаю и тот вариант, что энкавэдэшник просто шантажировал Валентину, используя своё служебное положение и тот факт, что она хоть недолго, но находилась в оккупации. При желании он мог пришить ей что

угодно: и связь с оккупантами, и даже сотрудничество с германской разведкой.

Но как бы там ни было, я решил, что отныне моя нога не ступит на порог этого дома. А впрочем, если бы я и не принял такого решения, всё равно наши пути должны были разойтись навсегда. Надвигались грозные события, по сравнению с которыми всё остальное казалось такой мелочью.

БЕГ К МОРЮ

В двадцатых числах июля немцы вдруг перестали бомбить мост. Казалось, ну и что такого? Может, решили сделать передышку. А может, все бомбы поизрасходовали и теперь пополняют запас. Моим сержантским умом этого было не понять. Да мы и не задумывались о причинах. Просто радовались затишью. Спокойно несли службу, занимались боевой учебкой, а в свободные минуты ловили рыбу или просто грелись на солнышке. Но, как известно, затишье предвещает грозу.

Вскоре стало ясно, почему фашисты перестали нас бомбить: они готовились к наступлению, и переправа им оказалась бы как нельзя кстати. Замысел был грандиозным: один удар нанести в сторону Сталинграда, второй — через Ростов на Северный Кавказ к бакинской нефти. Как пишет в своей книге “Генеральный штаб в годы войны” генерал армии С.М. Штеменко, в те дни Ставка Верховного Главнокомандующего приказала Южному фронту во избежание окружения оставить Ростов и отойти за Дон.

О том, что наши войска покидают город, мы узнали от саперов, прибывших готовить мост к взрыву. Они закладывали взрывчатку под опоры, пролёты и подвязывали на фермах. А мы продолжали охрану.

Странно как-то получается с точки зрения здравого смысла. Полгода сотни людей трудились день и ночь, восстанавливая поврежденный мост, и вот уже готовимся его взорвать. Но такова логика войны. Не оставлять же врагу целёхонькую переправу.

Наше подразделение тоже начало готовиться к эвакуации. Перенесли из казармы на левый берег документы, оружие, имущество. Всё это припрятали в землянке, а сами расположились в окопах, готовые при надобности вступить в бой. Справа и слева от нас готовили позиции минометчики, артиллеристы, пехотинцы. А из города с боями отходили потрепанные, разрозненные подразделения.

И вот шум боя стих. Наступил час “Х” для подрывников. Они попросили нас снять часовых и прикрыть их, саперов, на случай, если немцы попытаются захватить мост.

Жалко было оставлять насиженные места. Странно это звучит, но человек привыкает ко всему, в том числе к своим окопам, землянкам. Оставляли позиции и наши соседи, зенитчики. Теперь мосту не понадобится их героизм. Минута-другая, и его не станет.

Наблюдая за действиями саперов из окопа, я ожидал, что вот сейчас грохнет так грохнет. Вместо этого увидел яркие вспышки, сизый дым над мостом, средний пролет которого рухнул в реку.

Отныне наше присутствие здесь было лишним. Капитан Занин приказал нам группами, по отделениям, отходить в сторону Батайска на сборный пункт. В пути соблюдать маскировку, так как вражеская авиация стала слишком активной. Истребители почти непре-

рывно с воем носились над нашими головами, обстреливали шоссе, идущее параллельно с железнодорожным полотном. Сперва мы шли по насыпи. Хотя и неудобно шагать по шпалам, но зато тут сухо да и скорее заметишь опасность. Но вскоре “мессершмитты” заставили нас свернуть с дороги. Свернуть с дороги — это значит идти плавнями, поросшими камышом. Но и камыши плохо нас укрывали. Фашисты до того обнагтели, что стали гоняться за отдельно идущим человеком.

Попало и моё отделение в такой переплёт. Вроде бы маскируемся, в пилотки камышовые метлы повтыкали, идём рассредоточенно, иногда приседаем. Думаем, не заметит нас фашист. Как же, надейся, да не плошай. Вот позади слышен гул мотора, вот он вырастает в истошный рёв, вот раздаются пулемётные очереди. Пули прошивают воду прямо перед нами. Слава Богу, пронесло! Нет, “мессер” разворачивается, продолжает игру с нами. Пытаемся стрелять по нему, но это бесполезно — слишком велика его скорость. Только взвизгнет над тобой — и уже вдалеке. В этой скорости и наше спасение: немец не может вести прицельный огонь. Видимо, поизрасходовав весь боезапас, он наконец отстает от нас и удаляется в сторону Ростова. Но на смену ему уже летит следующий. Забавы фашистских асов продолжают. Они сопровождают нас до самого Батайска. Передых наступает только с заходом солнца. Отныне ночь — самая верная наша союзница.

Передышка, конечно, от вражеских самолетов. А так движение приостанавливаем только для того, чтобы поесть. Болотная жижа, смешавшись с потом на наших гимнастерках и галифе, выглядит не хуже нынешнего камуфляжа.

За Батайском выходим на шоссе Ростов — Баку и по нему следуем в сторону Тихорецка. Идём не только мы — идут какие-то другие подразделения, едут на повозках беженцы. Здесь я впервые узнал, что такое спать на ходу. Идешь, идешь и вдруг напрочь отключаешься от реальности. Длится это секунду-другую, даже ноги не успевают сбиться с ритма, но становится вроде бы чуть легче. И так клюёшь носом до тех пор, пока не взбодришься.

И вдруг, как во сне, на развилке дорог перед нами возникла группа генералов. Столько лампасов одновременно мне никогда до этого не доводилось видеть. Вот, думаю, сейчас зададут нам жару. Но, к моему удивлению, генералы не кричали, не командовали — они уговаривали:

— Товарищи! Братцы, довольно убежать! Если вы не остановите врага, то кто же его остановит?

Возможно, мы бы усовестились и начали рыть окопы, готовясь к обороне, но к генералам подошёл наш старший, капитан Занин, и объяснил, показывая документы, что по приказу командования внутренних войск мы следуем на сборный пункт в город Сухуми. От нас, как говорится, отстали, ибо без согласия наркома внутренних дел нас никто не смел трогать.

Маршрут наш лежал до станции Новомысская, затем западнее — через Усть-Лабинск, Белореченскую и через горы к Туапсе. А там вдоль моря до Сухуми. Этих станиц и городов мы, по правде сказать, как следует и не видали, потому что двигались преимущественно ночью, а днём останавливались где-нибудь в рощице или в овраге, отрывали индивидуальные окопчики, чтобы укрыться в случае налета, приводили себя в порядок, отдыхали.

Где-то за Тихорецком наши командиры сообразили, что дальше двигаться по шоссе бессмысленно: здесь большое скопление людей, техники, а следовательно, и

почти непрерывные бомбежки и обстрелы с воздуха. Один из командиров оказался родом из Усть-Лабинска. Он взялся провести нашу группу просёлочными дорогами. Но и там, как показали дальнейшие события, оказалось немало отступавших.

Мы отходили более-менее организованно во главе с командирами, с соблюдением всех правил походной жизни. А что творилось вокруг, не поддаётся описанию. Так, в станице Новомихайловской на днёвку остановился зенитный артиллерийский дивизион. А рядом разрозненные мелкие подразделения, небольшие группки бойцов. Эту неуправляемую массу мог бы остановить заранее подготовленный оборонительный рубеж. Но такого не оказалось, и войска отходили на юг в надежде, что удастся закрепиться в горах. В воздухе было полное господство вражеской авиации. Из наших появлялись изредка У-2, но и те, заметив фашистского стервятника, быстро прятались в кукурузе.

А немецкая авиация всё больше нагнала. Цель её действий — побольше нагнать страху, посеять панику. В этом немцы были изобретательны. Однажды, после того как над нами пролетел самолёт, в небе раздался страшный вой. Сперва показалось, что это бомба. Но она издаёт совсем не такой звук. И когда это “секретное” оружие упало, оно оказалось обыкновенной пустой железной бочкой. А чтобы та громче свистела, в ней высверлили отверстия, через которые с напором проходил воздух.

Дороги по пути нашего отхода были усеяны листовками. Поднимать их нам категорически запрещалось. И всё же некоторые любопытные бойцы ухитрялись “нечаянно” прихватить листовку. Одна из таких листовок запомнилась особенно, потому что была написана стихами: “Возьмём Ростов бомбёжкой, а Баку — с гармошкой”. То есть играючи. Фотоснимки на листках якобы свидетельствовали, какое райское житьё уготовано тем, кто сдаётся в плен. Но охотников попасть в немецкий “рай” среди нас не оказалось. Даже те, кто по логике вещей должны были вроде остаться у немцев, бежали от них.

По дороге мы догнали колонну заключённых, которых конвоировали пешим порядком из Тихорецкой тюрьмы. Возможностей для того, чтобы сбежать, у эсков было достаточно, особенно по ночам. Более того, на наших глазах фашисты бомбили и расстреливали арестантскую колонну, приняв ее, наверно, за воинское подразделение. Когда же самолёты удалились и были подсчитаны потери, оказалось, что больше всего убито конвоиров. Однако ни один заключенный и не думал о побеге. Они помогли похоронить убитых, перевязать раненых, уложили их на повозки и двинулись организованно в путь. Наша помощь им была минимальной — только медикаментами, бинтами и советами, как избежать в дальнейшем бомбёжек.

Кстати, нашего полку прибыло: к колонне присоединились другие подразделения внутренних войск, и таким образом был сформирован целый батальон.

В эти дни кубанская степь представляла собой жуткую картину. Отступали вместе с войсками предприятия, колхозы, уводили скот, транспорт, имущество. Позади оставалась выжженная земля. Стоял жаркий август. Пшеничные поля налились спелым колосом. Пора было начинать уборку. Убирали не комбайнами, а огнём. Над полями вздымались огненные смерчи. На всем пространстве стоял леденящий сердце гул. До сих пор мысленно вижу, как мечется среди этого ада колхозный бык. Со страшным рёвом кидается он то в один конец поля, а там бушует пламя, то в другой, но и

оттуда надвигается огненная стена... Всё это врезалось в память в считанные секунды, а осталось на всю жизнь.

Но вернёмся в станицу Новомихайловскую. Пока мы приводили себя в порядок, отдыхали после ночного перехода и запасались харчами, в небе снова появились немецкие самолёты. Ожидая очередной бомбёжки, бойцы кинулись в укрытия. Но вместо бомб с неба посыпались парашютисты и даже лёгкие танкетки. Зенитчики открыли огонь, однако поздно: десантники уже приземлялись и с ходу вступали в бой. Поддержанные броней, они начали охватывать с двух сторон станицу. Это было так неожиданно и дерзко, что наши командиры подрастерялись. Вместо того чтобы организовать круговую оборону, они стали принимать меры к тому, чтобы поскорее выбраться из мышеловки.

Меня вместе с ещё одним бойцом вызвал комбат и приказал разведать южную окраину станицы и найти лазейку для прорыва. Мы побежали туда и вскоре убедились, что там пока немцев нет.

Между тем стрельба в станице усилилась. А спустя минуту-другую я увидел жуткую картину: в нашу сторону бежали сотни людей, мчались подгоняемые кнутами лошади, гремели на ухабах повозки. Я стоял как вкопанный, соображая, что происходит и как мне быть.

Мимо пробежал какой-то молодой лейтенант. Он на ходу сбросил с себя ремень с портупеей и швырнул вместе с кобурой и пистолетом в крапиву. Затем начал нервно срывать с гимнастёрки петлицы. Видать, был уверен, что плена ему не миновать, и намеревался выдать себя за рядового.

Пока я наблюдал эту позорную картину, чуть было не прозевал свой батальон. Только краем глаза уловил, что как раз мимо мчится наша батальонная повозка, а из неё выпрыгивают и катятся по дороге зеленые мячи арбузов, собранных на бахче. Тут только я пришел в себя, попытался догнать её. Наконец с трудом удалось ухватиться за поручень. Я бежал рядом, еле успевая перебирать ногами. Через несколько минут мы оказались на горе, с которой видна вся станица.

После такого драпа было стыдно глядеть друг другу в глаза. А неприятнее всего чувствовали себя командиры, поддавшие панике. Разобравшись в обстановке, они вскоре сообразили, что немцев-то не так много, построили нас в боевой порядок и повели в наступление на фашистов. Тем более что и оставшиеся в станице подразделения, особенно зенитчики, открыли огонь по десанту. В течение часа десант был ликвидирован, танкетки сгорели за околицей. Вот что значит взять себя в руки да вовремя одуматься.

Даже сейчас, по прошествии шестидесяти лет, тяжело и больно вспоминать те дни нашего невольного бегства, позора и обиды. Пыльные дороги Кубани и Ставрополя, широкие улицы станиц и посёлков, вдоль которых по обе стороны стояли женщины, старики и дети с ведрами ключевой воды, кринками молока, сотовым мёдом, крепким самосадам в самодельных кисетах. И всё это от чистого сердца, без всякой платы они протягивали нам. Угощайтесь, родимые, на здоровье. Стоят притихшие, как на похоронах. А в глазах и мольба, и укор одновременно: “На кого, сыночки, нас покидаете? Богом просим: не уходите!” А мы идём понурые, пристыженные, виновато отвечая на их мольбы: “Ждите, мы обязательно вернёмся”.

Не знаю как для кого, но для меня эти слова были искренними. Ведь как бы ни было трудно, я, как и большинство бойцов, ни на минуту не сомневался в нашей победе, и это придавало силы.

После встряски в станице Новомихайловской мы

стали умнее. Десантами нас уже было не запугать. При каждой остановке отрывали окопы, продумывали оборону, выделяли наблюдателей за воздухом и местностью. И вот на горизонте показались предгорья Кавказского хребта. Мы повеселились: здесь есть где укрыться от самолетов противника. Есть за что уцепиться на случай организации обороны. К сожалению, нашлись и такие, кто думал иначе. Один боец, кстати, родом из этих мест, подошёл как-то ко мне и на ушко прошептал:

— Слушай, дорогой, давай вместе уйдём в горы. Там мой аул. Спрячемся так, что до конца войны нас никто не найдёт.

Я возмутился, начал его отговаривать и пригрозил даже отвести к командиру батальона. Конечно, я не герой, иногда бывает боязно. Ведь жить хочется, но не любой ценой. Это было моё жизненное кредо. Оно придавало силы в трудных ситуациях.

В те невероятно трудные, трагические дни, когда все могло обернуться катастрофой, руководство страны принимало отчаянные меры, чтобы воспрепятствовать этому. Среди таких мер — знаменитый, вызывающий и поныне много споров приказ № 227. Суть его в нескольких словах: «Ни шагу назад!» Хватит отступать, пора одуматься. Что же касается пресловутых заградотрядов, которые, по мнению некоторых ретивых критиков, гнали нас, как баранов, в бой с пулеметами наперевес, то на самом деле они выполняли совсем другие задачи: наводили порядок в тылу войск, вылавливали шпионов, паникеров, дезертиров. Приказ отрезвил горячие головы некоторых командиров, готовых отступить куда угодно, вплоть до Ирана. И чудо произошло — в предгорьях Кавказа наши войска остановились, повернулись лицом к противнику и начали сражаться, как подобает российскому воинству.

Этот приказ застал нас в горах, когда мы подходили к Туапсе. Вскоре я снова встретился с морем. Оно было всё таким же голубым и спокойным, словно его не касалось то, что творится вокруг. Но оно теперь не вызывало в моей душе прежнего юношеского восторга. Хорошо, конечно, искупаться в прохладной морской водичке, смыть с себя пыль и грязь многодневного перехода, а точнее сказать — бегства. Только вот неприятный осадок, накопившийся за эти недели в душе, не могла смыть никакая вода.

Дальнейший путь был не столь утомителен. Нас подбросили к конечной точке маршрута товарным поездом. Конечный пункт — это Новый Афон. Главная его достопримечательность — Новоафонский мужской монастырь, известный во всем христианском мире. Красота в нём необыкновенная. Впечатляет величественный собор — белоснежные, с голубыми просветами высокие стены, золотые купола, ажурные кресты на фоне ясного неба... И всё это дополняется панорамой зеленеющих вдаль буковых рощ и тонущих в туманной дымке гор. От монастыря в сторону моря спускаются многоступенчатые каменные лестницы, а между ними благоухающие апельсиновые и мандариновые сады. Глаз не оторвать, что-то есть в этом сказочное, неземное. Вот нам и предстояло теперь жить в этом раю.

Разместили личный состав не в кельях, а почему-то в соборе. Выглядело кощунством то, что мы делали. Прямо на каменном полу настелили соломы и устроили на ней постели. Мне лично досталось место аккурат под роялем. Как он здесь оказался? Может, до войны здесь концерты устраивали? Скорее всего так оно и было.

Через неделю нас перевели в другое место и разместили в грузинском селении недалеко от райцентра Гу-

даута, где располагался штаб полка. Жили мы в домах, брошенных их хозяевами. Дело в том, что в тридцатые годы селение было построено государством. Сюда переселили горцев, чтобы здесь, в Колхиде, они выращивали чай, табак, цитрусы. Как видно, некоторых горцев это не очень устраивало, и с началом войны они вернулись в свои родные горы.

Началась нормальная, упорядоченная воинская жизнь. Ранний подъем, занятия, тренировки. Особо налегали на тактическую подготовку. Рытьё окопов, действия в обороне, действия в наступлении, штыковой бой, переходы в горно-лесистой местности, марш-броски с полной выкладкой. Вместе с тем личный состав привлекали к службе. Разведывательно-поисковые группы почти ежедневно патрулировали шоссе вдоль морского побережья, горные тропы.

К тому времени в горах сложилась непростая обстановка. Немцы вплотную подошли к Кавказскому хребту и кое-где пытались прорваться через него. На горных перевалах, таких, как Марухский, Зеленугский и другие, занимали оборону подразделения внутренних войск. Один батальон оборонял перевал Ахчо севернее озера Рица. Войсковые наряды задержали нескольких вражеских агентов, участвовали в ликвидации диверсионных групп противника.

Вспоминаются и неприятные моменты той далёкой жизни. Местность, где мы располагались, в далекие времена была страшным очагом малярии. Вокруг простиралась болотистая местность Колхида, где обитал и свирепствовал малярийный комар. После революции болото решено было высушить. Из Австралии завезли тысячи саженцев чудесного и ненасытного дерева эвкалипта, в сутки потребляющего тонну воды. Болото почти все высохло, к тому же у населения выработался иммунитет к малярии, а мы, пришельцы, не имели никакого понятия обо всём этом. Вот комарики и набросились на свеженьких. Короче говоря, уложило и затрясло нашу роту почти целиком. Из восьмидесяти восьмью человек только двое — я и военфельдшер Валя Фёдоров не поддались хвори. Я почти ежедневно ездил на повозке в штаб полка, чтобы получить там в медчасти акрихин или хинин, а из продуктов вез только хлеб и повидло. Больше ничего наши больные не брали в рот. Когда же некоторые бойцы стали помаленьку выздоравливать, малярия свалила и нас с Валентиной. Так и лежали мы с ней рядышком под шинельками целую неделю.

Памятны те дни не только трудностями и болезнями, но и своего рода романтическими приключениями. По соседству с нами жила одна грузинская семья — отец и дочь по имени Нино. Семнадцатилетняя красавица напомнила мне стихи Пушкина и Лермонтова о горянке. И коса у Нино длинная, до самого пояса. И глаза огромные, под распростертыми, как орлиные крылья, бровями. Именно в ней воплотился для меня поэтический образ грузинки молодой. И я всячески искал повод, чтобы познакомиться. Однажды отважился заговорить с ней. Нино отозвалась. С тех пор мы стали встречаться вечерами возле их дома. Просто хотелось побыть рядом с божественным созданием, поболтать о том о сем. Я читал ей наизусть стихи любимых поэтов о Кавказе, о Грузии. Удивил её тем, что знаю кое-что из поэмы Шота Руставели «Витязь в тигровой шкуре». В те дни особо были созвучны с нашими настроениями такие его строки: «Кто в беде покинул друга, сам узнает горечь бед...» или «Лучше гибель, но со славой, чем грядущих дней позор...»

Нино слушала меня с большим удовольствием. Ей,

видимо, нравилось и то, что я вёл себя по-рыцарски, ничего такого по отношению к ней не позволял. Но отец Нино опасался за нее и постоянно наблюдал за нами в раскрытое окно, пока мы не расставались. А бывало, что и сам вводил её домой. Однажды, в её отсутствие, он подошёл ко мне и завёл такой разговор:

— Я вижу, ты парень порядочный. Но Нино неуравновешенна, может сильно увлечься тобой. Ты уйдёшь на войну, а она как это переживёт? Хорошо подумай над тем; что я тебе сказал.

Я подумал. Понял, что зашел далеко. Тем более что нам предстояло вскоре покинуть этот гостеприимный посёлок у моря. В память о той встрече осталась одна фраза, которую я ношу в голове целых шестьдесят лет: “Бакакхы цхалши кыкыйнепс”, что по-русски означает: “В воде квакает лягушка”. Нино говорила, что это самая труднопроизносимая фраза. Если я её выучу, то непременно освою грузинский язык.

Фразу я освоил, а грузинский язык не успел. Времени оказалось слишком мало. Да и стало не до того. Горизонт снова заволочло тучами.

НАСТАЛ И НАШ ЧЕРЕД

В результате реформирований наше подразделение стало называться 7-й ротой 267-го полка 41-й (сухумской) дивизии войск НКВД. С количеством и обученностью личного состава дела обстояли в целом неплохо. Не хватало артиллерии, особенно противотанковой, боеприпасов, автотранспорта. В середине января 1943 года командир дивизии полковник М.Е.Микрюков и его заместитель по политчасти подполковник А.И.Шулепов, вручая Боевое знамя полку, провели смотр батальонов на тактических учениях и остались довольны нами.

А 11 февраля мы погрузились в эшелоны и двинулись в путь. И не в сторону фронта, к Новороссийску, а на восток — через Тбилиси на Баку, затем повернули на север, проследовали Грозный, Армавир и однажды ночью остановились на каком-то полустанке. Нас обгоняли другие поезда, а мы всё стояли, словно раздумывая, куда же податься дальше. Да так оно и было на самом деле. Лишь позже стало известно, какую долю готовит нам командование. Выяснилось, что первоначально мы должны были следовать под Харьков, где выдвинувшись далеко вперед советские войска попали, как говорится, в западню и оказались в окружении. Вместе с другими соединениями мы и должны были прийти на выручку угодившим в беду.

Пока мы колесили по Кавказу, под Харьковом всё завершилось поражением наших соединений и потерей города. Потому-то мы и стояли на полустанке: начальство не знало, как теперь быть с нами. Наконец все решилось — наши эшелоны двинулись в сторону Краснодара. Его проследовали почти без остановки и оказались в низовьях Кубани, на Таманском полуострове. Здесь нам предстояло штурмовать “Голубую линию”. Немцы создавали её много месяцев по склонам Таманской возвышенности. Оборона состояла из опорных пунктов, укрепленных дотами, с развитой системой траншей и ходов сообщения. Передний край проходил по берегу многоводного канала Курка. Кроме того, впереди противник создал не менее подготовленное предполье в районе хутора Свистельников с минными полями, а кое-где и с проволочным заграждением. Цель у

немцев была двойная: их таманский плацдарм прикрывал Крым с востока; кроме того, отсюда шла угроза нашим тылам на Нижнем Дону и Кавказе. Короче говоря, нам предстояло сразиться не только с превосходящими силами противника, но и с его решимостью обороняться упорно, до последних сил.

Выгрузили нас в районе станицы Красноармейской. Дальнейший путь запомнился непролазной грязью и частыми налётами вражеской авиации. Затем всё развивалось несколько неожиданно и непонятно.

Я, например, представлял себе, что мы сначала займём позиции, оборудуем их, укрепимся, а затем двинемся в наступление. Ничего подобного. Может, в других частях и было что-то, но не у нас. Видимо, мы опоздали с выходом на указанные рубежи. Никаких окопов, никаких укрытий, потому что вокруг простирались болото, плавни.

Никогда не забуду этот рассвет, это последнее мартовское хмурое утро. Штурмовать нам предстояло всего-навсего... хутор Свистельников, который растянулся по высоткам вдоль болот аж на целых десять или двенадцать километров. По канонам военной науки это полоса для наступления дивизии. Но приказ есть приказ.

Пока идем по густому камышу, противник нас не видит. Но вот камыш редеет, и в нашу сторону летят первые мины и снаряды. На просёлочной дороге нас догнал легковой автомобиль. Из него вышел командир полка майор С.И.Митрофанов, которого я знал ещё по Армавиру. Он какое-то время идёт рядом с нами, в солдатской цепи, и громко, чтобы было слышно как можно дальше, кричит:

— Хорошо! Как хорошо настоящим пороховым дымком запахло. Смелей, ребята, вперед!

Ободренные присутствием полкового командира, мы прибавляем ходу. Хотя это и нелегко: липкий, как смола, чернозём тормозит движение, изматывая бойцов.

— Вперед, вперед! — кричу замешкавшимся я, повторяя слова полкового командира.

Майор поотстал от нас. Скорее всего подбадривает бойцов в соседней роте. Или возвратился на командный пункт.

Между тем отдельные разрывы снарядов постепенно сменяет стена вздыбленной земли. Впереди, метрах в ста, словно по чётко прочерченной линии, грохочут взрывы, позади — в точности та же картина. А мы идём между этими огневыми валами. Первый медленно удаляется, как бы заманивая нас поближе к противнику, второй подгоняет, торопит отставших. Величественное и страшное зрелище! На какое-то время я испытываю чувство причастности к чему-то торжественному, неповторимому. Да, кое-что осталось во мне от того восторженного юноши, каким я был два года назад!

Но вот мой восторг, словно искра на ветру, погас: я увидел первого убитого. Почувствовав холодок в груди, осторожно обошёл труп и двинулся дальше. Но погибшие попадают всё чаще и чаще. Потому что снаряды падают ближе и ближе. Один из них рванул метрах в сорока впереди меня. Вокруг воронки остаются навсегда несколько бойцов, в том числе и знакомых мне. Это ребята из полковой разведки. Вот лежит, разметав руки, наш отважный разведчик Мустафа, призванный из Кабардино-Балкарии. Огненно-рыжие волосы шевелятся на ветру, в небо глядят синие-синие глаза, застывшие в удивлении от случившегося. Рядом кровотоцит оторванная нога в изящном хромовом сапоге. Из-за голенища сиротливо выглядывает алюминиевая ложка, которая уже никогда не понадобится хозяину.

А наступление продолжается. Впереди слышна яростная ружейно-пулемётная стрельба. Пули свистят где-то рядом, но пока они предназначены не для нас, а для тех, кто наступает в первом эшелоне.

Пробираемся сквозь камыши и видим ужасное зрелище: недалеко друг от друга дымятся обгоревшие танки. Их более десятка. В сущности, это уже не боевые машины, а железные гробы. Вокруг них тут и там лежат обуглившиеся тела танкистов. Эти успели выскочить, но не смогли спастись от свинцового огня. А сколько их осталось внутри танков — одному Богу известно.

Как же так случилось?

А случилось так: эти танки должны были поддерживать наступление нашего первого эшелона. Ждали сигнала в готовности к развёртыванию в боевой порядок. Но противник опередил. Налетели фашистские штурмовики и атаковали танки с воздуха. Об этом нашему ротному рассказал полковник-танкист, командир этой части. Он сидел поблизости и, видимо, ещё не отошел от случившегося. Как ему самому удалось уцелеть, мы не спрашивали. Единственная фраза, которая запомнилась мне, была такова:

— Мне бы таких ребят, я бы с ними до самого Берлина дошёл.

Это он сказал о нас, наблюдая, как мы ведём наступление. И дело, мне кажется, не столько в нашей смелости, сколько в молодости и умении, сноровке. Да, с такой подготовкой, выучкой в том сорок третьем оставалось не так много солдат. Подавляющее большинство из нас — восемнадцати-двадцатилетние юноши, успевшие до войны прослужить год, а то и два, овладеть воинским мастерством, пройти школу боевого слаживания и воспитания. Вот и шли мы в наступление, не кланяясь пулям, не шарахаясь от взрывов мин.

Но вот артиллерийская канонада стихает. Это значит, что передовые позиции немцев совсем близко. О том напоминают усилившийся огонь пулеметов и взрывы мин мелкого калибра.

Приближается решительная схватка. Справа и слева слышатся крики раненых. На их зов спешит военфельдшер Валя Фёдорова. Маленькая, быстрая, сноровистая, она успевает сделать перевязку и вернуться в ряды наступающих.

Вот она пробегает мимо меня влево: там, в соседней роте, кто-то ранен.

Я кричу: “Куда ты? Там есть свой фельдшер”. В ответ она машет рукой — дескать, отстань, и продолжает бежать. Такая у неё работа. Раненый не виноват, что фельдшер его роты где-то отстала, а может, и побаивается. Не каждая же такая смелая, как наша Валюша.

У моего уха взвизгнула пуля. По примеру других извлекаю из чехла саперную лопату и стараюсь держать её на уровне головы. Раньше лопату применяли только для рытья окопов, теперь у неё появилось новое предназначение — служить вместо каски. Касок, видать, для нас не хватило или начальники решили, что нам и без касок неплохо. Вот и заставила нужда изобретать.

Многие бойцы и командиры в ходе наступления побросали за ненадобностью противогазы, а лопаты оставили. Бежишь — в одной руке винтовка, в другой — лопатка перед лицом. Небольшая, а всё ж защита: глядишь, пуля, метившая тебе в голову, срикошетит, ударившись в стальное полотно...

Напряжение боя нарастает. Мы уже не идём в полный рост, а, как и полагается на поле боя, делаем короткие перебежки. Тут команда не нужна — вместо неё личный пример командира отделения. Одним словом, делай, как я. Подчиненные это понимают и всё чаще

припадают к земле. Как и учили когда-то в сержантской школе, а ещё раньше — на учебном пункте, намечаю впереди бугорок, резко вскакиваю и делаю несколько шагов-прыжков. Камнем падаю, и в тот же миг над головой свистят пули. Понимаю: начинается “игра” с немецким пулеметчиком. Он наметил меня как цель и пытается во что бы то ни стало сразить. А мне это ни к чему. Стоит сейчас поднять голову, как всему придет конец: пулемётчик наверняка держит на прицеле мою кочку. Но я тоже не дурак. Плотнo прижавшись к земле, отползаю на несколько метров в сторону и снова рывок. Пока он переводит прицел, я успеваю упасть, и пули над головой свистят впустую. Кукиш тебе, паршивый фриц! Доберусь я всё же до тебя. А может, и нет. Вон сколько вокруг падает ребят, падает и не поднимается, хотя я покрикиваю изредка: “Вперед!” Особенно уязвимы те, кто мешкает, кто ленится лишний раз упасть, отползти.

А вот уже потери и среди командного состава. По цепи передают, что тяжело ранен наш комбат капитан Занин. Мужественный человек, но несколько бесшабашный, он додумался вести нас в бой, сидя верхом на белом коне. Видимо, вспомнил Гражданскую войну. Не исключено, что по возрасту или состоянию здоровья не мог иначе передвигаться на поле боя. Как бы там ни было, но фашист всадил в его тело девять пуль. Капитан скончался не сразу, а спустя час, когда санитары несли его на плащ-накидку в полковой медицинский пункт. Там даже наш опытный врач начальник медицинской службы А.И. Белов оказался бессильным что-либо сделать для спасения капитана. Кстати сказать, та же участь постигла и комиссара батальона Карпова, который по примеру Занина преодолевал болото на коне. Правда, на сером...

Вот мы и осиротели. Командование батальоном принял на себя начальник штаба младший лейтенант Бондаренко. Он молодой, энергичный, передвигается, как и мы, короткими перебежками с саперной лопатой в руке. Этого не так просто взять.

Вот он подаёт команду приготовиться к атаке. Примыкаем к винтовкам штыки, вскакиваем с земли и с диким рёвом несёмся вперёд. Однако дотянуться до фашистского горла не можем — мешает сплошная завеса огня. Он ведётся из всех дотов и окопов, устроенных по ту сторону ручья. А мы перед ними как на ладони. И никакой огневой поддержки с тыла. Да и кто мог поддержать, если полк располагал лишь сорокапятками, предназначенными для борьбы с танками? Ну была ещё миномётная батарея. Вот и всё.

Согласно канонам военной науки для успешного наступления необходимо было сначала как следует обработать артиллерией, минометами, авиацией передний край противника, разрушить или подавить его доты и другие огневые средства, а уж затем пускать вперед пехоту. Без этого, как бы ни были храбры воины, они бессильны сделать что-либо существенное.

Но тогда мы об этих высоких материях не думали. Продолжая атаку, достигли околицы разрушенного хутора, ворвались в сады, сплошь усеянные трупами. Это пали почти все, кто наступал в первом эшелоне. Нам “повезло” — мы во втором. Но если нас не поддержат, не миновать той же участи. Да оно уже видно, что так и будет. Редеют и редеют наши цепи. Убиты командир и политрук роты. Прямо в последний момент пуля сразила храбрую и неугомонную Валю Фёдорову. До ручья, который в каких-то ста метрах от противника, мы добегаете уже жалкой кучкой. Шлёпаемся в грязь и не смеем даже поднять головы: над нами сплошной огонь. Всё,

атака захлебнулась.

Мы лежим, никак не отдышемся, ждём поддержки или хотя бы команды. Но ни того ни другого. Сверлит крамольная мысль: нас вели не в наступление, а на убой.

Ночью, воспользовавшись относительным затишьем, ползу вдоль ручья, пытаюсь подсчитать наличные силы. Везде натываюсь на тела убитых. Из восьмидесяти восьми человек, начинавших бой, в роте осталось всего восемнадцать. Офицеров — никого. Ещё в ходе наступления мой командир взвода младший лейтенант Шапиро был ранен и оставил за взводного меня. Погибли почти все сержанты — в живых только я и командир пулемётной расчёта Вася Мионов.

Вскоре из темноты вынырнули младший лейтенант Бондаренко и сопровождающий его ординарец. Они занимались тем же, что и я, только в масштабе батальона. Временно командиром роты Бондаренко назначил меня. Тяжело вздохнув, он добавил:

— Держитесь, ребята. Утром немец может контратаковать.

Да, теперь уж нам не до атаки. Впору бы удержаться на этом рубеже. Врываемся саперными лопатами в раскисшую землю на противоположном берегу ручья. Здесь место чуть повыше. Каждый роет себе индивидуальный окопчик, чтобы укрыться от вражеского огня и на случай контратаки немцев не сплеховать. На правом фланге у нас станковый пулемет, на левом — ручной. А посередине стрелки, вооружённые винтовками. Я в их числе.

Беда, как известно, не приходит одна. Резко ухудшилась погода: начал накрапывать мелкий холодный дождь. А тут ещё и голод напомнил о себе. Выданные вчера продукты, так называемый НЗ — американскую тушенку и сухари — мы порешили ещё перед наступлением: зачем добру пропадать, ведь могут и убить. Погибшие оказались правы, но нам, пока ещё живым, от этого не легче.

В полночь недалеко в тылу послышался приглушённый голос ангела-хранителя, то бишь ротного старшины:

— Где тут седьмая рота — отзовись!

Да здесь же мы, дорогой и долгожданный старшина! Только не все, а лишь малая толика, оставшаяся от роты.

А продуктов старшина привёз на всех, кто был в списке с утра. Теперь пшеничную кашу и водку каждый из нас вправе употребить за четверых. Помануть павших, пожелать скорейшего выздоровления раненым, отогреть озябшие тела. И хоть на несколько минут забыться, не думать о том, что готовит нам день грядущий.

Но как забудешься, когда немец напоминает о себе частыми пулемётными очередями? Стрельбу ведёт не просто абы как, а художественно — в ритме пулеметных очередей угадывается мелодия знаменитой на весь мир "Катюши". Спустя некоторое время со стороны дота доносится голос:

— Русский Иван, переходи на нашу сторону. Обещаем сохранить тебе жизнь!

Говорит на чистом русском языке. Позже прошел слух, что там вместе с немцами оборонялись кубанские казаки — власовцы. Это они выстукивают "Катюшу", гады.

К утру дождь усилился. Плащ-накидок, которые обычно выдают фронтовикам, у нас не было. Что же делать? Шинель насквозь промокла... Вспоминаю, что в противогазной сумке лежит пропитанная парафином бумажная накидка, которую боец должен надеть в слу-

чае химической атаки. Натягиваю её поверх шинели в надежде хоть немного согреться. Но тщетно: накидка расплзлась в течение нескольких часов. Ногам тоже несладко: сапоги почти до верха голенищ утопают в холодной воде...

Светает. На фоне пасмурного неба уже видны очертания высоток на горизонте. Там притаился враг. Что он делает? Отдыхает на сухих и мягких перинах? Что ж, устроились фрицы с комфортом: хуторское дома разобрали и соорудили из них удобные бункера рядом с дотами, с пулеметными площадками, откуда и ведут по нашим позициям огонь.

Нет, немец уже не спит. В его тылу слышится натужный рёв моторов. А ещё спустя четверть часа из-за бугра выползают три танка. Стало быть, готовится контратака. Вот они уже спускаются в долину. Всё ближе и ближе... За танками с автоматами наперевес идут пехотинцы. А некоторые из них сидят на броне.

С надеждой оглядываюсь в наш тыл — никакой реакции: то ли не видят, что происходит, то ли нечем помочь. Что делать?.. Что делать?

Подчиненные мои волнуются. Вон двое, самые старейшие, не выдерживают, поворачиваются задом к фронту и ползут к камышам.

— Наза-а-ад! — кричу им вслед, наставляя винтовку.

Подчиняются, возвращаются и изготавливаются к бою.

Маловато у нас силёнок. К тому же ночью почему-то забрали противотанковые ружья из подразделений и сосредоточили у командного пункта полка. Зачем? Говорят: для обороны КП. А чем мы встретим танки? Одна надежда на гранаты да на авось. Лихорадочно собираю гранатные сумки убитых. То же делают и бойцы.

Ползу к своему окопчику и готовлю связку гранат. Теперь надо занять удобную позицию. В окопчике меня танк задавит в два счета. Так куда же?.. Куда? И тут мои глаза останавливаются на глубокой воронке от разорвавшегося снаряда. Она немного впереди. Ползу туда и решаю: если танк не раздавит меня, вскочу и сзади свирну в него связку.

А танки всё ближе. Один из них прёт прямо на нас. И тут только до меня доходит: автоматчики, наступающие вслед за танком, прикончат меня раньше, чем я успею что-либо сделать. И я кричу пулемётчику Мионову:

— Вася, по десанту — огонь!

Вася что-то кричит в ответ, и его "максим" взахлёб строчит очередями. Автоматчиков как ветром сдуло с бортов танка. Они попадали на землю и залегли. А танк остановился, помедлил немного, повернул влево башню. Из ствола его пушки сверкнул огонь, и в тот же миг раздался мощный взрыв на наших позициях. Наш пулемёт замолчал.

Позже там, где лежал Вася, я отыскал лишь пробитый осколком кожух от станкового пулемёта. Ни Мионова, ни его напарника мы не нашли. Видимо, их тела разметало вместе с пулемётом...

Нас остается все меньше, а танки совсем близко. Бегущие за ними автоматчики принимают боевой порядок, готовые к атаке. Мы ведём огонь из ручного пулемёта и винтовок. Но немцев это не останавливает. Вот они уже в трёхстах метрах, а может, и ближе.

По спине ползут мурашки. Но я заставляю себя не думать о худшем. В голове стучит одно: вот сейчас танк проутюжит воронку, и если останусь жив, брошу ему вдогонку подарочек.

И, о Боже, в этот момент происходит чудо: появившиеся невсёе откуда два наших истребителя атакуют фашистов. Чуть ли не до самой земли идут в пике и

бьют из пулемётов, бросают малые бомбы. Сделав свою работу, самолёты разворачиваются. Один из них спустился совсем низко и, как мне показалось, помахал нам крыльями, дескать, не робейте, братцы. Не осознав еще до конца случившегося, машу ему рукой и шепчу: "Спасибо, родной".

Тут только замечаю, что один танк горит, второй подходит к нему, берет на буксир и тянет назад, за бугор. Автоматчики, подобрав убитых и раненых, последовали их примеру.

Вздых облегчения невольно вырвался из груди: мы удержали позицию!

Дальнейшее припоминается как в кошмарном сне. Немцы больше не контратаковали, не пытались наступать и мы. Начались так называемые позиционные бои: фрицы строчили из пулемётов, а мы отвечали ружейным огнём.

Почти целую неделю так и простояли в залитых водой окопчиках, не смея ни присесть, ни высунуться наверх: вниз вода не пускала, а над головами беспрерывно свистели пули крупнокалиберных пулемётов. А дождь всё лил и лил не переставая.

Два моих бойца не выдержали, оконечили от сырости и холода. Одного помню хорошо — это пятидесятилетний красноармеец Рудаков. В таком возрасте ему бы на печке греться, а он неделю пролежал в грязи.

Такое вот тоже бывает на войне, что и без пули погибает человек. А я держусь пока молодцом, даже не кашляю. Потому что молод — мне ведь только двадцать лет. Помогали также сильное нервное напряжение, сжатая в кулак воля и ответственность за судьбу подчиненных, за порученное дело.

Вспоминая те дни, удивляюсь: как это я, человек вовсе не героического характера, мог всё это выдержать? Как выдержали этот ад мои боевые друзья? Мы верили в себя, мы верили друг в друга, мы верили в справедливость своей борьбы, верили в победу. Главный урок, который тогда я вынес для себя — в любой беде не отчаиваться, не сдаваться...

Как-то во второй половине ночи всё вдруг стихло. Ни пулемётных очередей, ни рвущихся мин. Неужто немец готовит новую контратаку? Готовимся и ждём рассвета. Наконец от командира батальона прибежал связной и передал приказ: сержанту Горбову произвести разведку позиций противника. Мои ребята даже повеселели: хоть согреемся.

Ставлю задачу: двигаться только ползком, по-пластунски. Дот обойдём стороной. Ориентируемся по направлению ветра — он должен дуть прямо в лицо. В пути никаких разговоров, никаких команд. Впереди ползут дозорные, за ними все остальные в готовности открыть огонь по противнику.

Ползем. Вокруг тихо, даже дождик перестал шуметь. А немец небось спит на мягких перинах? Сейчас, голубчик, разбудим. Дай только незамеченными обойти bunker... Вот он уже близко... Есть же у них наблюдатель или часовой?... Сейчас откроет огонь...

И вдруг огонь нежданно-негаданно приходит совсем с другой стороны. Не успел я ничего понять, как над головой просвистели снаряды, и впереди всё поле, по которому ползём, озаряется вспышками разрывов. Визжат пролетающие осколки. Резкий удар в левую руку повергает меня в шок. Очнувшись, сообщаю: нет у меня левой руки, совсем её не чувствую. Боюсь взглянуть на неё. Но всё же преодолеваю страх и правой рукой ощупываю то место, где была левая. И, о радость, она на месте! Но почему не чувствую ничего? И тут меня осеняет: осколок снаряда, видимо, прилетел изда-

лека, ударил по локтю плащмя, и потому рука не ранена, а занемела. Такое часто бывает.

Да, повезло мне. Видать, не судьба погибать.

Что ж, ползём дальше. Только боязно: не шарханут ли снова наши "катюши"? Лучше бы били тогда, когда на нас танки наседали. Неувязочка получается там, наверху. Но это их дело, пусть разбираются. А наше — поставленную задачу выполнять.

Вот мы уже обходим дот с тыла, а немец молчит. Что за чёрт? Даже "катюши" не разбудили? Тут что-то не так.

Подползаем к bunkerу и пытаемся заглянуть внутрь. Но там уже никого нет. Чиркаем спичками и разглядываем всё вокруг.

Да, правду говорили, что фашисты строили здесь укрепления из новороссийского бетона — цементные заводы тогда были у них в руках. На стенах висят ковры, на нарах — одеяла, тюфяки. Недурно устроились. Не в пример нам, бедолагам. Да разве мы стали бы, как они, разрушать дома хуторян и грабить их? Нет, на такое способны только оккупанты.

Поднимаемся на поверхность. Рядом с bunkerом — пулемётная площадка, заваленная огромной кучей стреляных гильз. Отсюда нас поливали свинцовым дождем.

Почему же немцы отошли?

Вспомнилось, что вчера вечером далеко справа от нас донесился шум боя. Значит, фрицы побоялись удара с фланга и отошли за канал Курка, где у них основные позиции. Теперь и нас, наверное, перебросят туда. Но это будет потом, а пока надо отправить к комбату сообщение о результатах разведки.

С остальными бойцами занимаем оборону: вдруг противник задумал схитрить? Наконец-то можно встать во весь рост, размять ноги, согреться. Но что-то не получается. Поясница словно одеревенела, не даёт выпрямиться. Неужто так и буду ходить в полусогнутом состоянии? Нет, надо что-то делать. Сначала грею спину у костра, потом разминка. Через пару часов худобно выпрямляюсь...

Потом нам дали несколько дней отдыха. В сущности, это был не столько отдых, сколько переформирование. Личный состав трёх полков — 266-го, 267-го и 34-го, так называемого отряда Баранникова, свели в одну часть — 266-й стрелковый полк внутренних войск НКВД. И то еле наскребли. Вот какова цена первого боя у этого хутора с шальным казачьим именем Свистельников.

Вечная память вам, павшие! Может, когда-то напишут книги о ваших подвигах (что будет очень справедливо) и талантливым руководством со стороны наших военачальников (что подлежит большому сомнению). Скорее всего тут не было злого умысла, а рассчитывали они на простое русское авось. Старший начальник приказал, младший не посмел возразить, что против сильно вооружённого противника нельзя воевать с одними трехлинейками, и повёл нас не в бой, а на убой. Впрочем, на Руси никогда не жалели живота. Это вошло даже в поговорку. Это всякие там американцы не пойдут в атаку, пока не убедятся, что впереди погибло всё живое под снарядами и бомбами. Но они нам не пример. У нас людишек хватает. Чего их жалеть?!

...Ночью нас привела на какой-то холмистый участок и стали готовить к наступлению. Поставлена задача: к утру соорудить из бревен и камыша по плоту на каждое отделение. К рассвету плоты перенести к каналу Курка и подготовиться к форсированию водной преграды.

Почему-то и на этот раз меня с отделением назначи-

ли в разведку. Вроде в тот раз, когда мы обследовали бункер, я никаких особых разведческих талантов не проявил, и тем не менее. Видно, остальные сержанты не имели даже такого опыта.

Задание наше сводилось к тому, чтобы установить, как далеко находится этот канал, что он из себя представляет, какова ширина и глубина водной преграды, ну и найти места, удобные для форсирования.

Командир роты старший лейтенант Повх вызвал меня в заброшенную немцами землянку и, поставив задачу, сказал:

— Если выполнишь приказ, представлю к ордену Красного Знамени. Смотри не подведи.

Признаться, обещание ротного меня ничуть не вдохновило. Ни карты, ни компаса, ни карманного фонаря нам не дали. Словом, иди туда, не знаю куда. А как идти, если небо заволочло тучами и тьма такая, что не видно даже рядом идущего товарища. Но... приказ не обсуждается.

Вышел я из землянки, собрал своих архаровцев, собиравших о задании, и мы двинулись в путь. Как когда-то учили в сержантской школе, выделил вперед дозор из двух бойцов. Далеко отрываться от нас не велел. Так что впереди постоянно слышалось пыхтение дозорных и чавканье их сапог по грязи. По моим предположениям, этот чертов канал должен быть совсем недалеко.

Слева послышались какие-то подозрительные шорохи, и мне подумалось: а ведь противник тоже не дремлет и, наверное, тоже послал свою разведку в нашу сторону. Есть полная вероятность встретиться с нею. И ведь у нас уже были случаи, когда немцы захватывали наших разведчиков. Такая перспектива мне явно не улыбалась, и я приказал дальше двигаться ползком. Снизу скорее заметишь на фоне неба силуэт противника.

Наконец мы наткнулись на какую-то насыпь. Остановились, прислушались. Рядом, за насыпью поплескивает вода — весной течение сильное.

Итак, канал нашли. Теперь надо немножко перевести дух, измерить глубину канала и найти удобные места для переправ. Но чем будем делать замеры? Этот вопрос я тихо вслух задал сам себе. Но его услышал лежавший рядом пожилой красноармеец Тучин.

— Не горюй, сынок, у меня в вещмешке есть шнур. Привяжем к нему камень и опустим на дно, — прошептал он и стал развязывать свой сидор.

Что бы я делал без тебя, дорогой мой наставник?! И на этот раз выручил. Пятидесятилетний Николай Тучин, маленький, щедедушный, с рыжими прокуренными усами, излучал какой-то особый свет. Из-под его насупленных бровей на мир смотрели умные, пытливые глаза. Бывший разведчик Первой мировой войны, родом из Ставрополя, он знал себе цену и ни перед кем не заискивал. Но сколько деликатности было в манере этого деревенского мужика говорить со мной, мальчишкой. Прежде чем что-то посоветовать, он говорил: сынок, вот так и так мы поступали в ту войну, давай и сейчас попробуем. Я соглашался и отдавал соответствующую команду...

Однако пора братья за дело. Благо и сами немцы нам в этом содействуют: периодически над их передним краем в небо взлетают осветительные ракеты. Мы договорились так: если ракета над нами, ложимся и не выдаем своего присутствия; если в стороне, то быстро делаем замеры. Кроме шнура с камнем на конце, нашлось и другое приспособление — длинный кол, валявшийся на берегу. Дело стало спориться. В нескольких местах произвели замеры, определили глуби-

ны, нашли удобные спуски для плавсредств. Пора возвращаться.

Но тут случилось непредвиденное. Заканчивая последний замер, один из бойцов оступился и чуть было не упал в воду. Он громко матюкнулся. А ночью ведь слышно далеко. И что тут началось, батюшки! Передний край немцев враз ожил, ошетинился. Над каналом повисли десятки осветительных ракет. Застрочили пулемёты. Заухали ротные миномёты. В нашу сторону полетел град стали и свинца.

Я подал команду: "Ложись!" — и все бойцы камнем упали на землю. Все за исключением одного — нашего санитаря красноармейца Ивана Кулиничя. Он стал суетливо искать место посуше и поплатился за это — шальная пуля ударила прямо в грудь, рядом с сердцем. Мы с Тучиным бросились к нему, разорвали рубашку, собираясь сделать перевязку, но она не понадобилась: Кулинич скончался.

На этом неприятности не кончились. Невдалеке раздался крик на осетинском языке. По голосу я узнал: кричит боец Шамаев. Что с ним стряслось? Подползая. Оказывается, он ранен осколком мины в бедро. Рана так себе, левая, скорее царапина, но все же рана. Услышав крик, немцы опять открыли огонь. И точно по тому месту лупят, где находимся мы. Теперь нам крышка... Что делать? Командую: "Бегом за мной вдоль канала!" Скрываясь за насыпью, на полусогнутых мы пробежали метров двести в сторону от огня. Позади ковылял раненый Шамаев. Залегли. Слушаем. То место, откуда мы сбежали, полыхает взрывами. Да, вовремя мы оттуда смылись.

Теперь можно сделать перевязку раненому. Бинтов ни у кого не оказалось. Вспомнили: бинты остались в вещмешке у Кулиничя. Посланный туда боец вскоре притащил мешок. Стали искать в нём бинты. Но рука нащупывает что угодно, только не то, что надо. Несколькое пар нательного белья, пара гимнастёр, полдесятка полотенец, масса портянок и... о Боже, малюсенькие хромовые сапоги. Сразу их узнаю: это же сапожки Вали Фёдоровой, погибшей на днях. Пока не придаю этому значения — скорее бы отыскать бинты. Они оказались на самом дне. И только после перевязки Шамаева в голову ударило: каким образом Валины сапожки попали в мешок Кулиничя? Да и всё остальное барахло? Выходит, наш санитар не только перевязывал раны, но и потрошил вещмешки и карманы убитых товарищей. И это в обстановке, когда не знаешь, будешь ли жив в следующую минуту. Наверное, рассчитывал на долгую жизнь после войны. А вышло вон как. Мелькнула злорадная мысль: знала немецкая пуля, в кого метить... Однако хорошо так рассуждать мне, молодому и не отягощенному семейными заботами. А у Кулиничя осталась дома большая семья, живущая в постоянной нужде. Дома всё пригодится. А тем, кто убит, эти вещи больше не понадобятся. Нет, нет!.. С такими рассуждениями можно далеко зайти, оправдать даже предательство. А мародёрство, кроме правовой, имеет и нравственную оценку: это же кощунство, надругательство над павшими товарищами. Не зря оно сурово карается законом, вплоть до расстрела.

К счастью, такие случаи были единичны, и о них можно было не вспоминать. Но нельзя и скрывать правду. Ложь порождает ложь...

По существу, моё отделение почти полностью выполнило задачу. Осталось лишь добраться с разведанными до своих и не попасть в лапы немецких разведчиков. К счастью, всё обошлось благополучно. Теперь мы уже не ползли, а шли, пригнувшись, делая ко-

роткие остановки, чтобы сориентироваться и прислушаться к ночным звукам.

Незадолго до рассвета я бодро вошёл в землянку ротного командира и доложил, что приказ выполнен. Но вместо ожидаемого слова “молодцы” ротный сквозь зубы процедил:

— Наконец-то выжились...

Его можно было понять: результатов разведки ждал не он один — ждал штаб батальона, а может, и более высокое начальство. И они теребили ротного. Ведь время поджимало: к рассвету надо было выдвинуться на исходные для наступления рубежи.

Отделению так и не удалось передохнуть. Поступила команда двигаться на передний край. Рота шла гуськом. Впереди — моё отделение, которое должно было вывести всех к каналу. Рядом со мной шел старший лейтенант Повх. Замыкали колонну те, кто нёс плавсредства.

К утру, как назло, небо заволокло ещё больше, и оттого сумерки сгустились. В долине стоял туман. Разглядеть толком что-то в такой кромешной мгле было очень трудно. Только каким-то внутренним чутьём, часто ошибаясь, шараясь из стороны в сторону, я вёл роту вперёд. Командир сначала молчал, затем его терпение лопнуло, и на мою голову обрушился поток всевозможных ругательств. Не стану их повторять, да и не всё помнится. Лишь одна фраза засела глубоко:

— А я ещё собирался предать тебя к ордену...

Я молчаливо сносил ворчанье Повха. Но на это раз не выдержал:

— Не нужна мне ваша награда. Не мешайте ориентироваться!

Ротный продолжал ворчать, но вдруг осёкся. Мы прибыли в назначенное место. Вот и старый окоп на бугорке, где, по моему мнению, можно разместить ротный наблюдательный пункт. Место старшему лейтенанту понравилось, а у меня от сердца отлегло. С отделением вернулся в свой взвод, заняли позицию, стали вгрызаться в землю.

Рассвет не сулил ничего хорошего. Немцы заметили наше появление у канала и усилили пулемётный и миномётный обстрел.

Мы с помкомзвода старшим сержантом Куликовым решили обосноваться вместе. Землю, как и полагается, выбрасывали вперёд, устраивая бруствер для стрельбы. Только закончили работу, как к окопу подполз связной командира роты и передал его команду: через пятнадцать минут начать наступление, форсировать канал и атаковать передний край противника. Не успел он договорить, как вдруг замолк и уткнулся лицом в землю. Выследил-таки его немецкий снайпер. А приказ командира Куликов передал дальше по цепочке, от окопа к окопу.

Стали ждать, когда над головами вспыхнет красная ракета — условный сигнал атаки. Но вот прошло пятнадцать, двадцать минут, полчаса, а ракеты нет как нет. Кто его знает, может, атаку отменили. Между тем вражеский огонь усиливается. Особенно усердствуют шестиствольные миномёты, или, как мы их называли, “ишаки”, при стрельбе издающие звуки, напоминающие крики этих животных.

Осторожно выглядывая из-за бруствера, у которого продолжает лежать убитый связной, и стараюсь разглядеть впередилежащую местность. Далеко за каналом видны постройки. Это, стало быть, и есть совхоз “Красный Октябрь”, в направлении которого нам предстоит наступать. По эту сторону домов происходит какое-то движение. Присматриваюсь внимательно. Там появи-

лась целая колонна бронетранспортёров. Из них на ходу выпрыгивают автоматчики и скрываются в окопах. Всё ясно: прибыло подкрепление. Враг со всей серьёзностью готовится к отпору.

Какое тут наступление?... Да оно и не могло состояться: слишком неравные силы встретились у канала. Как известно, наступающая сторона может рассчитывать на успех лишь тогда, когда она втрое превосходит обороняющуюся по огневым средствам и пехоте. Сейчас превосходство явно у немцев. Разве так берут укрепленные районы? А ведь “Голубая линия” сплошь состояла из долговременных укреплений. И что могли сделать тут мы, бойцы внутренних войск, со своим слабым вооружением?

Позже выяснилась роль, которую сыграла наша дивизия в те дни. Это стало ясно, когда наш сосед — 11-й кавалерийский корпус и другие соединения атаковали немцев и провели успешное в целом наступление. Мы же должны были демонстрацией подготовки к форсированию канала отвлечь на себя часть сил противника, что и удалось сделать.

А у нас снова завязались позиционные бои, в основном перестрелка. Прежде чем начать охоту за целями, мы с Куликовым поднимали над бруствером его каску и, убедившись, что снайпера на нашем участке нет, начинали действовать.

Устраиваю поудобнее винтовку на бруствере и наблюдаю. Ожидание длится недолго. Вот идут по траншее два фрица. Видны только головы да плечи. Один из них размахивает руками и, видимо, поёт. Сейчас ты у меня и попляшешь! Прицеливаюсь и плавно нажимаю на курок. Немец как-то неестественно взмахивает руками и падает в траншею.

В этот раз я чётко видел результаты своего труда. Обычно же, когда огонь ведёт сразу все подразделение, не разберёшь, чья пуля поразила врага. В такой обстановке можно было запросто стать героем дня. Да в тот раз и произошло нечто подобное.

Когда стемнело, в роту пришёл политработник из управления полка. Он ходил по окопам и спрашивал солдат, кто сколько немцев убил. Иной отвечал — десять, иной — двенадцать, пятнадцать. А я сказал — одного.

Полагаю, эти сведения понадобились капитану, чтобы составить донесение о потерях противника за день. Вполне справедливо шутили после войны: если бы указанное в донесениях и сводках число потерь противника соответствовало действительности, то война закончилась бы значительно раньше, потому что у немцев некому было бы воевать. Но для нас такое вот очковитательство имело и положительные последствия: спустя неделю все, кто “убил” двенадцать и более немцев, были награждены боевыми медалями. Слов нет, каждый из них, возможно, заслуживал ещё большей награды. Однако не таким путём. Не хочу бросать тень на всех награжденных. Подавляющее большинство были истинные герои. Но, как говорится, из песни слова не выкинешь...

В те дни произошло важное событие в моей жизни — в числе других “окопных жителей” меня вызвали в политчасть полка, располагавшуюся в землянке, и велели написать заявление: “Хочу идти в бой коммунистом”. Я охотно написал. Меня приняли в партию. А это означало, что отныне и спрос с меня больше. Коммунист должен служить примером.

Так оно и было на фронте. Когда трудно поднять в атаку залёгших под огнём противника бойцов, раздавался клич: “Коммунисты, вперёд!” И как бы ни молили

сегодня по поводу фронтовых коммунистов злые языки, факт остается фактом: коммунисты, особенно рядовые, не прятались за чужие спины, а действительно первыми шли в атаку, вдохновляя остальных бойцов. Естественно, им доставались и первые пули...

Несмотря на относительное затишье на нашем участке фронта, подразделения ежедневно несли потери. Немецкие снайперы, видимо, хорошо заранее пристреляли местность и зачастую били наверняка. Я уже рассказывал о ротном связном, погибшем у бруствера нашего окопа. А спустя несколько дней та же участь постигла старшего сержанта Куликова. Стоило ему на секунду высунуться из открытого нами совместно окопа, чтобы, как он сказал, поразмять кости, как снайперская пуля угодила прямо в звезду на его каске...

Весь день тело погибшего друга пролежало рядом со мной в окопе, и только с наступлением темноты его подобрала похоронная команда.

А мне пока везло. То, что произошло буквально через несколько дней, не чем иным, как проделками судьбы, не объяснишь.

После гибели Куликова моим соседом по окопу стал младший сержант, фамилию которого я так и не успел как следует запомнить. А случилось вот что. У нас было заведено: с наступлением сумерек кто-то один бежит в тыл к походной кухне за едой, а второй остается оборонять позицию. В тот вечер была его очередь идти за ужином. Но у него разболелось колено, и он попросил: "Смотайся за жратвой, а я потом уж два раза подряд схожу". "Ладно", — говорю. А когда вернулся с двумя котелками перловой каши, то мне показалось, будто я заблудился. Точно знаю, что вот возле этого кустика наш окоп, но отыскать не могу. Вокруг одни воронки от недавно разорвавшихся мин. Свежие, гарью пахнут. И тут я вдруг наткнулся на свой окоп, вернее на то, что от него осталось. Одна из мин угодила прямехонько в него, разворотив все вокруг и похоронив младшего сержанта...

В первых числах мая наша сухумская дивизия передислоцировалась за реку Кубань, на левый фланг 9-й армии, в составе которой мы воевали. Итак, снова поход, снова спешка.

Погода стояла хорошая, дороги подсохли, так что на этот раз не пришлось месить липкую кубанскую грязь. И всё же поход был трудным. Шутка ли сказать, целых пятьдесят километров предстояло отмахать в ускоренном темпе. Остановки делали только на короткий передых да на еду. Шли день, шли ночь, и казалось, дороге не будет конца. Почти все бойцы и командиры опирались на палки: хоть какая, но помощь. Силы были на пределе. К утру достигли реки. Тут нас поджидала колонна автомашин. Срочно погрузились и дальше в путь.

Командиры, конечно, знали, зачем и куда мы так спешим. В это время южнее нас проходила войсковая операция по прорыву немецкой обороны в районе станции Крымской и овладению этим сильно укрепленным узлом сопротивления. В операции принимала участие особая дивизия НКВД во главе с полковником И.И. Пияшевым. Там и были сосредоточены основные силы, в том числе авиация и танки. А нам предстояло действовать несколько севернее, вдоль левого берега Кубани, содействуя успеху той самой операции.

День прошел в приготвлениях, а ночью нас вывели на исходные рубежи для наступления. Короткая остановка, уточнение задач, завтрак, и вот уже слышится команда: "Вперёд!"

Нам предстоит штурмовать позиции противника в районе высоты 103,2. Бойцы вскакивают и размахис-

тым шагом идут в наступление. Впереди видны разрывы снарядов. Это наша артиллерия ударила по первой линии вражеских траншей. Пользуясь этим, передовые роты врываются в расположение противника и завязывают рукопашный бой. Немцы спешно отходят к высоте. Ещё, ещё немного поднажать и...

В небе послышался гул приближающихся самолётов. Это немецкие штурмовики идут волна за волной. Звучит команда: "Воздух! Укрыться в траншеях!" Кто-то успевает это сделать, а кто-то нет. Штурмовики уже пикируют и поливают нас пулеметным огнём, обстреливают из пушек. Противник усиливает огонь и с обращённых к нам склонов высоты.

Бомбёжка и обстрел длились около часа. Потери у нас были значительные. Атака захлебнулась, хотя в воздухе появились наши истребители и завязали бой. Остаток дня и вся ночь прошли в перестрелке.

Та же картина повторилась и на следующее утро. Наше наступление немцы встречают шквальным пулемётным огнём и ударами артиллерии. К тому же путь нам преграждает глубокий овраг, поросший кустарником. Мы устремляемся туда, чтобы укрыться от губительного огня. Но немец достаёт нас и здесь. От взрывов снарядов и мин овраг наполняется едким дымом. Становится ясно: если мы сейчас же не вырвемся отсюда, здесь будет огромная братская могила — в укрытии сгрудились подразделения не только нашего, но и соседнего 34-го полка. Это понимают оба полковых командира. Они подают команду: "В атаку вперёд! За Родину, за Сталина!"

В числе первых выскакивает из оврага моё отделение. Пример нам подаёт сам командир полка подполковник Н.М.Сергеев, сменивший незадолго до того майора Митрофанова. Чуть левее пошло в атаку отделение моего друга сержанта Осадченко. Вот оно даже вырвалось несколько вперёд и оказалось на нашем пути. Пытаюсь догнать Митю, и это мне почти удаётся. В каких-то двадцати шагах от меня он падает. Подбегаю и вижу: лежит он в какой-то неестественной позе, на боку. Припадаю рядом, тормошу и только теперь замечаю на его гимнастерке кровь.

Митя как бы предчувствовал свою гибель. Ночью, сидя со мной рядом в окопе, он вдруг сказал:

— Миша, давай на всякий случай обменяемся адресами. Кто останется жив, тот и сообщит родителям о случившемся.

Выходит, что писать печальное письмо придётся мне. Если, конечно, останусь цел до конца этого кровавого боя. Быстренько достаю из Митиного кармана документы и догоняю отделение.

Справа сзади слышится громкое "ура!". Это командир полка бросил в бой свой резерв — роту автоматчиков. Храбрые ребята, здорово дерутся. Вот они почти обгоняют нас. И вдруг я слышу знакомый голос:

— Миша, привет! Не отставай, дружище. Вперед!

Оборачиваюсь вправо и почти рядом вижу разгорячённого боем и улыбающегося лицо своего закадычного товарища по сержантской школе Ивана Лагоды. Высокий, стройный, он и здесь, в этом аду, всё такой же неунывающий, каким был всегда. Бежит с высоко поднятым в приветствии автоматом.

Но что это? Рука Вани как-то неестественно опускается вместе с оружием. И сам он молча оседает на землю. Может, ранен, а может, убит?

Мне нельзя бросать отделение и кидаться к нему на помощь. Другие позаботятся о нём. Ох как мимолётна радость встречи в ходе боя! А так хотелось поговорить, повспоминать... В сержантской школе Иван крепко

привязался ко мне как к человеку, который пишет стихи. Он поощрял меня в сочинительстве, по-хорошему завидовал, а иногда просил придумать "стишок" для его невесты, который он тут же отсылал в свою родную деревню под Винницей. Рассказывал, какая она у него красивая, какая необычная и как ждёт его. И вот теперь она, наверное, останется "вечной вдовой". Так неожиданно ломает судьбы проклятая война!

Однако вперёд, вперед. Некогда разводить сантименты. Немцы обрушивают на нас всю мощь своего огня. Среди грохота боя всё чаще слышу совсем рядом свист пулеметных очередей. А вот и очередь, предназначенная для меня. Показалось, что пули прошли моё тело. И только позже, разглядывая свою шинель, я обнаружил, что обе полы в нескольких местах продырявлены. Да, низковато прицелился пулемётчик, а то бы мне добровать.

Мы бежим уже не стройной цепью, а отдельными кучками. До первой линии проволочных заграждений остаётся совсем мало — метров двести-триста. Я уже намечаю, как будем преодолевать препятствие, если сапёры не проделали проходов. В сержантской школе учили. Мысленно прикидываю, как сейчас скину шинель, наброшу на колючую проволоку и по ней мы один за другим переберемся на ту сторону. Только бы добежать.

Но добежать не удаётся. Совсем близко грохочут взрывы мин. Мы падаем, ползем вперед и — о спасение! — попадаем в огромную воронку от авиабомбы. Здесь мы уже не первые — воронка полна бойцов. Не успел оглядеться, как сверху раздаётся оглушительный рёв и свист пуль. Это немецкий штурмовик решил поизмываться над нами. Проносясь туда-сюда над воронкой, поливает нас свинцовым дождём. Нас спасает только то, что скорость у самолёта большая, и очереди ложатся беспорядочно. Хотя один из нас, командир взвода, слегка ранен в ягодицу.

Израсходовав боеприпасы, стервятник улетает, и в воронке слышится дружный смех: то ли оттого, что мы остались живы, то ли всех рассмешила голая задница лейтенанта, царапину на которой замазывал санитар.

С наступлением темноты мы выползли из воронки, рассредоточились и стали зарываться в землю. Прибывший политработник полка сообщил печальную весть: сегодня погиб командир дивизии полковник Микрюков. Легкову машину, в которой он ехал, засёк "мессершмитт" и в несколько заходов накрыл. Вместе с Микрюковым погиб и его водитель Григорьев, которого я знал по совместной службе в Ростове.

Командование дивизией принял на себя представитель Наркомата внутренних дел полковник Ф.А. Спасенко. Под его руководством мы ещё несколько раз возобновляли наступление, добивались частичных успехов, однако полностью преодолеть оборону противника не смогли. Наступил период относительного затишья. Лишь спустя две недели, в течение которых накапливались силы, нас снова вернули на прежний участок фронта, точнее — к тому самому каналу Курка, где я когда-то ходил в разведку.

На этот раз мы познали, что такое настоящая современная война. К наступлению готовились тщательно. В тылу проводились тренировки в форсировании водных преград, в штурме укреплений противника. Заранее подготавливались средства для переправы. Нас усилили артиллерией, минометами. В воздухе всё чаще стали появляться наши истребители, штурмовики. В небе завязывались ожесточенные бои. Теперь вражеские бомбардировщики не летали над нами так безнаказан-

но, как прежде. Здесь мы впервые услышали имена лучших советских асов: Александра Покрышкина, братьев Дмитрия и Бориса Глинок.

Резкая перемена выявилась в первый же день наступления: над нами волна за волной в сторону позиций противника шли знаменитые штурмовики Ил-2, прозванные фашистами "чёрной смертью". Они обрушивали на головы врага бомбовые удары, крушили его из пушек и пулемётов. А на земле нас сопровождали танки из состава знаменитой танковой колонны "Тамбовский колхозник". Они были изготовлены на средства, собранные тамбовскими сельчанами по инициативе председателя одного из колхозов Феропонта Головатого. Хорошие танки, мощные. Укрываясь за их бронёй, мы смелее шли в бой. Да что там шли — прорвав оборону, восемнадцать километров бежали с несмолкающими криками "ура". Совхоз "Красный Октябрь", который раньше едва виделся в туманной дымке, остался далеко позади...

И всё же полностью прорвать "Голубую линию" мы не смогли. Враг ещё был достаточно силен, а у нас, как говорится, хватило пороха лишь на разовые, короткие удары. Командование сочло дальнейшее наше упорство нецелесообразным. Надо было накапливать силы, средства, готовить новую операцию по освобождению Таманского полуострова. Это и произошло аж в сентябре, после Курской битвы.

7 июня 1943 года все полки сухумской дивизии были сменены частями 37-й армии и выведены во второй эшелон. Затем наш полк был отправлен к месту постоянной дислокации в город Ставрополь. Я же в числе двадцати человек был высажен по пути из вагона и направлен для дальнейшей службы в Москву, в дивизию имени Ф.Э.Дзержинского.

В дороге есть время подумать, подвести итоги. Если судить меркантильно, то итог моего пребывания на фронте был скромным. Я не заслужил ни наград, ни повышения в звании или должности. Ну, а если брать по большому счёту, то итог моего участия в боевых действиях был замечательным: я приобрёл боевой опыт.

Не отличающийся особой храбростью, я с удивлением заметил в себе очень нужное на войне качество: никогда, ни при каких обстоятельствах я не поддавался панике. В трудную минуту умел сжаться как пружина, подавить в себе чувство страха. Волнение обычно проявлялось перед началом боя. Но потом наступал резкий переход к активности, собранности, когда действуешь как хороший автомат.

Этот автоматизм был приобретён еще в ходе боевой учёбы в сержантской школе. Он-то, полагаю, и дал мне возможность выйти из кровавой бойни целым и невредимым. Свою ленту, наверное, внесла и рука судьбы. Иначе я не написал бы этих строк.

Выпад,

удар...

Результаты прошедшего в Москве Открытого чемпионата России по фехтованию показали, что в шпаге и сабле спортсмены внутренних войск МВД РФ становятся лидирующей группой сборной страны.

Победа!

Девятнадцатилетний чемпион

Как вы думаете, можно ли, проигрывая 11:14, а счет ведется до 15 очков, все-таки вырвать победу? Ситуация очень сложная — нужно нанести четыре точных удара, не пропустив ни одного. А до конца поединка еще 2 минуты 44 секунды. Целая вечность...

Оказывается, можно. И не просто победить, а еще и умудриться сделать четыре результативных выпада за... четыре (!) секунды чистого времени! Великолепный результат! И показал его в полуфинальном поединке Открытого чемпионата России по фехтованию военнослужащий внут-

ренных войск Алексей Якименко, тем самым обеспечив себе выход в финал.

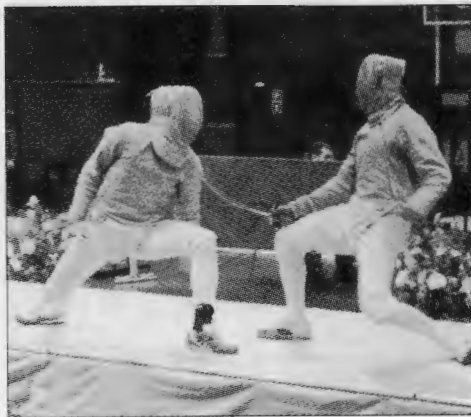
Другой финалист на этот момент был уже известен — тоже военнослужащий внутренних войск Алексей Фросин, победивший в полуфинале первую саблю мира, прославленного Станислава Позднякова.

Казалось бы, судьба финала предрешена, и многие поставили на Фросина. Но... Финальный поединок Алексей Якименко проводит в совершенно ином стиле, чем полуфинал, и с превосходством выигрывает у своего более именитого сослуживца звание чемпиона России 2003 года. Заметим, что новому чемпиону всего 19 лет!

Лучший кадет мира

Родной город Алексея Якименко — Барнаул. Приобщение к спорту произошло в шесть лет, когда его отец, Андрей Геннадьевич, привел сына на стадион и стал учить азам легкой атлетики. Потом, через два года, посоветовал заняться фехтованием. Почувствовал, наверное, в сыне склонность именно к этому виду спорта.

Первым наставником молодого спортсмена стал Алексей Фитцев. Именно он после долгих и изнурительных трени-

И начались суровые спортивные будни, подчиняющие всю жизнь единому режиму. Тренировки и соревнования. Соревнования и тренировки. Юниорские турниры от российских до международных. И победы, победы, победы...

После нескольких лет выступлений по рейтингу международного журнала "Эскрим" ("Фехтование") Алексей Якименко был признан лучшим кадетом мира. Но это уже в прошлом. Сейчас он перешагнул возрастной рубеж, и теперь Якименко уже взрослый саблист. А здесь иные соперники и рей-

Слева направо: Сергей ШАРИКОВ, Алексей ЯКИМЕНКО, Алексей ФРОСИН, Станислав ПОЗДНЯКОВ

ровок вывел своего десятилетнего подопечного на первые соревнования. Сначала местные, барнаульские, а после повез в Новосибирск — город, славящийся сильными фехтовальными школами. Там и попал Алексей Якименко в поле зрения ведущих российских тренеров. Поступили первые предложения.

В 13 лет Алексей покинул Барнаул и переехал в Москву. В столице его тренером стал Александр Филатов.

Не успел Алексей поселиться в интернате при училище олимпийского резерва, как появились первые проблемы. Выяснилось, что обучение в училище ведется только с 8-го класса. А Алексей на тот момент закончил только 6-й. Что делать? Пришлось тренеру идти к директору училища, и тот сделал для семиклассника исключение.

тинги. ...300 лет звенят в России фехтовальные клинки. Будем верить, что Алексей Якименко и его товарищи по сборной еще не раз добавят высших наград в копилку российского спорта на дорожках Европы и мира, тем самым продолжая и приумножая славу "Динамо" и внутренних войск.

Игорь ДОРОВСКИХ
Фото автора

0872 — М.К. Надеюсь с помощью вашего клуба встретить хорошего молодого человека. Мне вообще хочется завести побольше друзей — очень люблю писать письма! Мне 16 лет, симпатичная, длинноволосая. Живу в Краснодарском крае, но друзья пусть будут по всей России. Думаю, ребята, что письма от девушек поддерживают вас в суровой армейской жизни.

Мария.

0876 — Е.Д. Не буду говорить, что красивая — не знаю какая. Характер добрый (это люди говорят), внешность?... 17 лет (рост 150), глаза зеленые. Вообще, писать о себе неудобно. Хотелось бы переписываться с хорошим, добрым парнем.

Женя.

0877 — В.К. Надеюсь познакомиться с девушкой по переписке. Мне 20 лет (рост 180), брюнет с карими глазами, спортивного телосложения, мой знак Зодиака Козерог; по характеру я добрый, отзывчивый, веселый парень, люблю музыку и веселые компании.

Владимир.

0878 — А.К. Мне 21 год (рост 178), волосы темно-русые, физически развит, по профессии учитель, увлекаюсь спортом, инструктор по туризму и тренер по легкой атлетике. Пишу стихи. Нравится реп и классическая музыка. Очень люблю получать письма и подарки (и сам люблю их дарить). Если кто-то из вас, девушки, заинтересуется моим письмом, отвечу сразу же. Пока служу в армии.

Анатолий.

0879 — Л.К. Симпатичная девушка 19 лет (рост 165, глаза голубые, волосы русые) желает познакомиться с молодыми людьми 19 — 25 лет для переписки. Мой знак Зодиака Близнецы. Учусь на третьем курсе колледжа, очень люблю читать и коллекционировать стихи. Если можно, ваше фото в первом письме.

Люба.

0880 — А.К. Надеюсь с помощью клуба "ВВ" познакомиться с симпатичной, интересной девочкой 16 — 20 лет. Мне 19 лет (рост 176), по знаку Зодиака Козерог, характер сносный. Очень люблю делать подарки, обожаю шумные компании, бары, дискотеки, играю на гитаре, пою. Остальные подробности — в первом письме. Служить мне еще год.

Андрей.

0881 — Д.К. Привет всем! Мне 21 год (рост 172), но я еще не "старикашка", поэтому если ты любишь писать письма, поговорить по душам, поспорить — нет проблем, хватай авторучку, конверт и пиши мне. По гороскопу я Рак, ну а все остальные подробности — при переписке, подходит?

Денис.

0882 — А.Б. Пока служу в армии в Хабаровске, а сам родом из Кемеровской области. Мне 19 лет

(рост 176), мой знак Зодиака Рыбы. В людях ценю честность, доброту, верность. По характеру спокойный, добрый, ответственный. Хочу познакомиться с девушкой примерно моего возраста, желательно из родных краев, но ответчу всем.

Алексей.

0883 — С.С. Веселые, жизнерадостные, прикольные люди! Надеюсь найти вас в клубе "ВВ" (в возрасте 17 — 20 лет). Мне 17 лет (рост 155), по знаку Зодиака Телец. В будущем собираюсь стать модельером-дизайнером. В свободное время слушаю классную музыку, гуляю, хожу на дискотеки. Более подробно расскажу о себе в первом же ответном письме вам.

Света.

0884 — М.Т. Мне 20 лет (рост 182), волосы русые, глаза голубые, по гороскопу Водолей, люблю весело проводить время с близкими друзьями, но к жизненно важным вопросам отношусь серьезно. Увлекаюсь спортом — боксом и классической борьбой. Из недостатков только один — курю. Хочу найти ту, которая меня полюбит таким, какой я есть.

Максим.

0885 — А.К. Рассчитываю в клубе "ВВ" познакомиться с девушкой 16 — 18 лет, общительной, внимательной и ласковой, любящей музыку, юмор, ценящей в людях искренность и верность (потому что я сам эти качества уважаю). Мне 19 лет (рост 175), по гороскопу Близнецы с нормальным чувством юмора. Люблю шумные компании, музыку, сам немного играю на гитаре. Жду письма от хорошей и веселой девушки.

Алекс.

0886 — К.К. Я хотела бы познакомиться с парнем 17 — 20 лет, без вредных привычек, добрым, отзывчивым, с сильным характером и хорошим чувством юмора. Надеюсь, что я симпатичная девушка со светло-русыми волосами 16 лет (рост 160). Мой знак Зодиака Рак. Очень люблю дискотеки и веселые тусовки, но иногда люблю и побыть в одиночестве. Ответчу всем обязательно, потому что люблю писать письма.

Катя.

0887 — А.Б. Осталось мне служить немного — полгода, а вот журнал "На боевом посту", к сожалению, в руки попался впервые. Ну и конечно же, сразу заинтересовала меня рубрика "ВВ". Примите и меня в ваш клуб, очень люблю писать и получать письма. Мне 19 лет (рост 174), по гороскопу Овен, люблю музыку, спорт — у меня второй разряд по гиревому двоеборью. Надеюсь познакомиться с девушкой 17 — 20 лет, пока для переписки, а потом, возможно, и встречи. Совсем забыл: глаза-то у меня зеленые!

Саша.

0888 — А.Ш. Познакомлюсь с красивой, обаятельной, веселой и общительной девушкой. Мне 20 лет (рост 176), брюнет, глаза карие, по гороскопу Близнецы. Увлекаюсь спортом. Люблю людей общительных, с чувством юмора. Ответчу всем, но хорошо бы сразу письмо с фото, свое вышло тоже.

Аслан.

0889 — В.С. Мне 19 лет (рост 173), брюнет, глаза зеленые, веселый, общительный парень. Люблю шумные компании, увлекаюсь спортом. По гороскопу я Лев! Желая познакомиться с симпатичной, обаятельной девушкой в возрасте 18 — 20 лет. Жду письма от той, кого заинтересовало мое объявление. Хорошо бы вы сразу прислали свое фото, отвечу обязательно тем же.

Вячеслав.

0891 — Д.П. Пишу в клуб "ВВ", чтобы найти ту единственную и неповторимую девушку моей мечты, которая до сих пор не встретила. Мне 20 лет (рост 173), волосы русые, глаза голубые. Увлекаюсь экстремальными видами спорта, люблю и шумные, веселые компании, и просто побродить с другом (а лучше подругой) при луне. Жду писем от общительных, остроумных, симпатичных девушек.

Денис.

0892 — Д.Г. С белых яблонь летят в саду Лепестки, как ночной десант. Ну а я не тебя ли жду Уже много ночей подряд?.. Только музыка здесь со мной, Буду слушать "Люба" всю ночь — Эти песни про нас с тобой, И тоску они гонят прочь. А ты там, где опять война, Бой грохочет в седых горах, Где обманчива тишина И в засаде таится враг. Темной ночью иль ясным днем, Раскрывая свой парашют, Вспоминая иногда о том, Что тебя где-то очень ждут — Там, где мирные небеса Золотые все — солнцу в цвет, Где блещит на траве роса, Отражая в себе рассвет, Тают белые облака, Ветерок наводит грусть... Ты со мной не знаком пока, Только знай — я тебя дождусь!..

Дарья, 16 лет.

0893 — А.М. Два друга мечтают познакомиться с умными, добрыми, симпатичными девушками. Мы общительные, жизнерадостные, юморные парни (21 и 19 лет), без вредных привычек, оба по гороскопу Девы, увлекаемся спортом, любим современную музыку. Девушки, пишите нам, и мы вас не разочаруем!

Антон и Марат.

(Уж сколько раз говорила вам, ребята: не пишите коллективных писем, на них не будет откликов, знакомство — дело двоих. Ну спорим, что очаровать вас никого не доведется?).

Привет, дорогие мои читатели и почитатели клуба "Возможна встреча!"

Спешу сообщить вам, что, несмотря на трудности в работе нашего клуба, решено все-таки (по вашим многочисленным и эмоциональным просьбам!) не закрывать такую привлекательную для читателей рубрику. Поэтому тем нашим читателям, которым ведущая написала, что их объявления пока не могут быть напечатаны, предлагается вновь прислать нам тексты ваших объявлений с учетом выполнения всех наших правил. Обязательно сообщите вашу фамилию и полное имя, примерный срок увольнения в запас (письма тех, кто увольняется через один-два месяца, не публикуются), ваш домашний адрес (если отклики будут поступать медленно и вы уже уволитесь в запас). Ну и конечно, расскажите о себе побольше и поинтереснее.

Конкретная ситуация: персональный привет от ведущей некоему Паше Безфамильному! На анонимки мы не отвечаем, поэтому, если от меня долго нет ответа — повторите свое письмо, вероятно, вы забыли или адрес, или фамилию, а то и вообще сам текст остался где-то в вашей тетради между контактами (бывало же и такое). А кроме шуток: ребята, трудно обрабатывать почту от рассеянного народа! Работает в рубрике один человек, и по вашей вине задерживаются ответы на другие письма. Помогите друг другу!

Правила переписки в клубе "ВВ"

1. Свои объявления и заявки на выбранные вами абоненты присылайте по адресу: 111250, Москва, Е-250, ул. Красноказарменная, 9-а, журнал "На боевом посту", клуб "ВВ".
2. Военнослужащие, подающие объявления, должны сообщить свой домашний адрес и примерный срок увольнения в запас.
3. Если вы хотите, чтобы мы вам ответили, присылайте конверт с вашим обратным адресом, штампом "Письмо военнослужащего" или соответствующим количеством марок. На письма без конверта с вашим обратным адресом (и фамилией) клуб не отвечает.
4. Не присылайте нам личных писем к абонентам. Мы личных писем не читаем и не пересылаем, а высылаем лишь адреса заинтересовавших вас абонентов.

В нынешнем мае отмечается 100-летие выдающегося русского поэта Николая Алексеевича ЗАБОЛОЦКОГО (1903-1958 гг.). Он родился в Казани в семье агронома, окончил педагогический институт. В 1926-1927 гг. служил в армии. Стихи начал писать с десяти лет. Первую поэтическую книгу "Столбцы" выпустил в 1929 году, вторую — "Вторая книга" — в 1937-м. А уже в следующем по ложному обвинению был арестован и после отбытия заключения отправлен в ссылку. Реабилитирован в 1946 году. Тогда же было опубликовано его поэтическое переложение "Слова о полку Игореве", а чуть позже сборник "Стихотворения", которые составили Заболоцкому славу одного из самых значительных русских поэтов XX века.

В ЭТОЙ РОЩЕ БЕРЕЗОВОЙ...

*В этой роще березовой,
Вдалеке от страданий и бед,
Где колеблется розовый
Немигающий утренний свет,
Где прозрачной лавиной
Льются листья с высоких ветвей, —
Спой мне, иволга, песню пустынную,
Песню жизни моей.*

*Пролетев над поляною
И людей увидав с высоты,
Избрала деревянную
Неприметную дудочку ты,
Чтобы в свежести утренней,
Посетив человеческое жилище,
Целомудренно бедной заутренней
Встретить утро мое.*

*Но ведь в жизни солдаты мы,
И уже на пределах ума
Содрогаются атомы,
Белым вихрем взметая дома,
Как безумные мельницы,
Машут войны крылами вокруг.
Где ж ты, иволга, леса отшельница?
Что ты смолила, мой друг?*

*Окруженная взрывами,
Над рекой, где чернеет камыш,
Ты летишь над обрывами,
Над руинами смерти летишь.
Молчаливая странница,
Ты меня провожаешь на бой,
И смертельное облако тянется
Над твоей головой.*

*За великими реками
Встанет солнце, и в утренней мгле
С опаленными веками
Припаду я, убитый, к земле.
Каркнув бешеным вороном,
Весь дрожа, замолчит пулемет.
И тогда в моем сердце разорванной
Голос твой запоет.*

*И над рощей березовой,
Над березовой рощей моей,
Где лавиной розовой
Льются листья с высоких ветвей,
Где под каплей божественной
Холодеет кукочек цветка, —
Встанет утро победы торжественной
На века.*

**7 мая 1944 года —
штурм Сапун-горы
в Севастопольской операции**